

В монографии впервые предпринята попытка проследить истоки и основные этапы развития государственной и муниципальной символики в Чувашской Республике в контексте дореволюционной, советской и современной российской геральдической культуры.

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся проблемами истории, геральдики, искусствоведения и других дисциплин, а также на государственных и муниципальных служащих, краеведов и всех интересующихся историей Чувашии.

В.Г.Ткаченко

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ
СИМВОЛИКА ЧУВАШИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В.Г. Ткаченко

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ЧУВАШИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ЧУВАШИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В.Г.Ткаченко

Чебоксары
Новое время
2015

УДК 342.228.4
ББК 67.400.1(2Рос.Чув)
Т 48

Рецензент:
главный научный сотрудник ЧГИГН, доктор ист. наук,
профессор И.И. Бойко

Ткаченко В. Г. Государственная и муниципальная символика Чувашии в историческом дискурсе / В.Г. Ткаченко. – Чебоксары: Новое время, 2015. – 184 с., 92 цв. илл.
ISBN 978-5-903462-52-0

В монографии впервые предпринята попытка проследить истоки и основные этапы развития государственной и муниципальной символики в Чувашской Республике в контексте дореволюционной, советской и современной российской геральдической культуры.

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся проблемами истории, геральдики, искусствоведения и других дисциплин, а также на государственных и муниципальных служащих, краеведов и всех интересующихся историей Чувашии.

ISBN 978-5-903462-52-0

© В.Г. Ткаченко, 2015

© Чебоксарский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2015.

ВВЕДЕНИЕ

В процессах и явлениях социальной среды едва ли не ключевая роль принадлежит коммуникации. Собственно само существование социума возможно лишь при условии обмена информацией между его членами. С этой целью человечество на протяжении своего существования создавало различные знаковые системы, обеспечивая с их помощью потребности своего развития. При этом, как отмечал А.Ф. Лосев, «никакая человеческая жизнь, ни идейная, ни бытовая, повседневная, невозможна без символов, которыми мы пользуемся ежеминутно, так как всякая жизнь всегда есть движение и стремление и несет на себе как нагрузку прошлого, так и заряженность для осуществления будущего».^[1]

Среди многообразия знаковых систем особое место занимают конвенциональные символы, к которым, в частности, относят гербы, эмблемы, знамена, ордена и прочую атрибутику, смысл и назначение которых заключается не только в обозначении того или иного объекта или явления, но и в выражении различных идей и понятий, разделяемых конкретным сообществом индивидуумов. Значимость этих символов в любую историческую эпоху для любой формации трудно переоценить, ибо едва ли не главной их функцией всегда являлось объединение людей с общими ценностями.

Вместе с тем, роль символики в современном мире существенным образом отличается от той, какую она играла буквально еще полвека назад. Стремление к «символизации» событий и явлений современной жизни носит глубинный характер. Один из ведущих французских социологов Ален Луи Жюль Франсуа Турен весьма точно охарактеризовал эту общемировую тенденцию: «Если в прошлом столетии наши усилия по изменению мира были направлены главным образом на природу, то действия наших новых властей влияют большей частью на человека, <...> сейчас мы воздействуем на культуру, личность, индивидуальность, тело и разум человеческих существ и влияем тем самым на ценности и нормы, а не только на технику и оборудование».^[2]

Не случайно использование государственных символов Российской Федерации и региональной символики в деле патриотического воспитания граждан стало частью Государствен-

ной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы».

Столь ёмкое и неоднозначное понятие как «символ» и производные от него «правовой символ», «государственные символы», «муниципальная символика» и т.д. предопределили не только повышенное общественное внимание к этому социальному феномену, но и не раз порождали жаркие споры вокруг того, какими быть главным символам определенной территории – государства, отдельного региона или населенного пункта. Так, известный отечественный философ А.А. Ивин связывает символ с определенной целью, без которой он не может существовать как элемент социальной жизни. Символ без цели есть всего лишь знак для простого обозначения объекта.^[3]

События политической жизни нашей страны конца 1980-х – начала 1990-х годов вызвали небывалый всплеск интереса к утраченным символам российской государственности, инициировали процессы возрождения исторической символики регионов и создания новой национально-государственной символики бывших автономных республик, краев, областей. Административные реформы рубежа двух столетий обусловили еще одно важное явление – возникновение особых отличительных знаков населенных пунктов – муниципальных символов, как олицетворение их самостоятельности в решении вопросов местного значения в интересах населения. Что особенно важно, все эти процессы сопровождались повышенным интересом граждан к отечественной истории, в том числе, потребностью узнать больше о своей малой родине.

В этой связи нельзя не отметить особую роль региональной символики в общественном развитии России с точки зрения ее политической, социально-экономической, историко-культурной, воспитательно-патриотической и прочих составляющих. Столь пристальное внимание к ней обусловлено рядом факторов: во-первых, это средство сигнификации, причем, не только возможность самообозначения среди прочих субъектов, но и способ объединения людей через использование определенных знаков и образов; во-вторых, современные региональные государственные и муниципальные символы (исторические или создаваемые вновь) неизменно выступают в роли связующей нити между прошлым, настоящим и будущим определенной территории; в-третьих, выходя за пределы своего художественного воплощения, они не ограничиваются узкими рамками отдельного

региона или населенного пункта, а становятся частью идейно-символического пространства общества.

Таким образом, проблема обретения собственных символов – герба и флага, а также других объектов, олицетворяющих конкретную территорию, – намного глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Она породила немало вопросов, ответы на которые приходится искать региональным руководителям органов власти и местной общественности, правоведам, историкам, краеведам, гербоведам. В их числе: на какой правовой основе должны строиться взаимоотношения в этой весьма специфической сфере общественных отношений; как совместить традицию и современность при создании символики регионов, современных индустриальных городов, центров сельских районов, рядовых городских и сельских поселений; каков научно-информационный потенциал геральдики в развитии исторического краеведения и сохранении историко-культурного наследия региона в целом и конкретного населенного пункта; какова ее роль в формировании массового сознания? К сожалению, большинство из них пока еще остается без ответа.

Это обусловлено тем, что научное осмысление таких важных государственно-правовых институтов, как региональные государственные символы, пока еще отстают от потребностей общественного развития. Несмотря на отдельные попытки научного обращения к данной проблематике^[4], а также ряд публикаций на эту тему в отдельных регионах^[5], в целом, государственная символика субъектов Российской Федерации пока еще изучена слабо. Лишь сравнительно недавно появились отдельные статьи^[6] и первое обстоятельное исследование по истории государственных символов Чувашской Республики.^[7]

Как недостаточный можно оценить и уровень изучения проблем, связанных с функционированием системы муниципальной символики. При большом количестве научно-популярных изданий, появившихся в последнее время,^[8] глубоких обобщающих исследований исторического, политологического, культурологического, искусствоведческого плана по проблемам современной муниципальной геральдики пока еще мало.^[9]

Работы научного характера по данному направлению в Чувашии представлены лишь двумя статьями^[10] и небольшим очерком.^[11] Основной массив публикаций по теме – корреспонденции, выступления в прессе, интервью и другие материалы, опубликованные в российских и республиканских средствах

массовой информации. То есть, тон в обсуждении проблем муниципальной символики задают не научные издания, а пресса.

Сложившаяся ситуация, очевидно, обусловлена относительной новизной процессов в сфере местного самоуправления. Возможно, это свидетельствует также и о недооценке представителями научного сообщества перспектив подобного рода исследований. Наконец, отсутствует и четко обозначенный социальный заказ на такие исследования. По крайней мере, он пока никак не артикулирован ни на уровне органов государственной власти Чувашии, ни на уровне органов местного самоуправления, ни на уровне общественных объединений граждан. К сожалению, все происходящее в данной сфере поддерживается, в основном, усилиями энтузиастов.

В предлагаемом вниманию читателей исследовании предпринята попытка проследить истоки и основные этапы развития государственной и муниципальной символики в Чувашской Республике в контексте дореволюционной, советской и современной российской геральдической культуры.

ГЛАВА 1.
ОТ РОДОВОГО ТУТА ДО СИМВОЛОВ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1.1. Символы власти в Волжско-Камской Болгарии

*«Две вещи увеличивают славу бека:
бунчук у входа и яства в почетном
месте юрты».*

Древнетюркский словарь / под ред.
В.М. Надеяева, Д.М. Насилова
Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Л.:
Наука, 1969. – С. 584.

С древнейших времен особая роль отводилась символам, как средству легитимации власти. Никакая власть не может сохраняться в течение длительного периода времени без создания и укрепления мощных символических оснований своего режима. Наполненные множеством коллективных эмоциональных коннотаций, символы власти влияют на человеческое сознание и подсознание.^[1] При этом они выступают важным регулятивным фактором управления поведением.

Сказанное в полной мере относится и к Волжско-Камской Болгарии – государству, существовавшему в IX–XIII вв. в Среднем Поволжье и бассейне реки Камы (территории современных Республики Татарстан, Ульяновской и Самарской областей, Чувашской Республики, часть территории Республики Башкортостан). Потомками волжских болгар, носителями их языка и культуры считают современных чувашей, татар и башкир.

На основе археологических данных можно утверждать, что болгарские и союзные им тюркские племена начали активно осваивать Среднее Поволжье со второй половины VII века.^[2] Факторами, способствовавшими образованию Болгарского государства, стали внутренние противоречия, возникшие в Хазарском каганате, а также военный натиск арабов.

В результате откочевки в Волго-Камье части населения из каганата к началу IX века в районе Средней Волги расселились племена болгар и сувар. Первые осели по ее обеим сторонам выше Самарской Луки, а также в Нижнем Закамье (ныне – южные районы Татарстана). На правобережье Волги обосновались племена сувар, которые совместно с болгарскими заселяли территории современных Ульяновской области и юго-восточных районов Чувашской Республики. В Волжском правобережье обитали также болгарские племена эсегелей и темтюзей. «Первоначальный опыт государственности, накопленный в составе гуннской державы Аттилы (IV–V вв.), Тюркского каганата (VI–VII вв.), Великой

Болгарии Кубрата (VII в.), и сильная военная организация дали возможность племенным вождям болгар объединить тюркоязычное и финно-угорское население края сначала в союз племен (VIII в.), а в конце IX в. – в Булгарское государство».[3]

Чрезвычайно выгодное географическое положение на стыке торговых путей между Востоком и Западом, а также богатые природные ресурсы обеспечили молодому государственному образованию весьма быстрый экономический рост. Археологические данные, свидетельства ряда письменных источников позволяют судить о развитии здесь земледелия и скотоводства, ремесел и торговли.[4]

Отделение промышленного труда от земледельческого, обособление торговли от ремесленного производства неизбежно вели к усложнению хозяйственных функций и функций государственного управления. Столицей государства в X веке стал город Болгар, весьма выгодно расположенный у слияния рек Волги и Камы – оживленном месте для торговых караванов. Примерно в XII веке столица государства была перенесена в город Биляр на реке Черемшан.

Об особой роли Булгарского государства в политико-экономической жизни Европы свидетельствуют весьма интенсивные дипломатические контакты, в первую очередь с русскими княжествами – Владимиро-Суздальским и Рязанским, Новгородской землей и др.[5] В сферу его интересов входили также мордовские, мерянские, буртаские, башкирские, половецкие племена, выступавшие в роли своеобразных буферных зон с Русью и Степью, а также Армения, Азербайджан, Византия, Иран, Хорезм и Скандинавия, с которыми у Волжско-Камской Болгарии сложились устойчивые торговые связи.[6]

В борьбе с Хазарским каганатом за самостоятельность болгарский властитель попытался заручиться поддержкой Багдадского халифата. Весной 921 г. он направил к багдадскому халифу Джафару Муктадиру-билляхи послание, в котором просил «<...> о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподдал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от его [халифа] имени хутбу в его [собственной] стране и во всех областях его государства, и <...> о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников <...>».[7] В ответ на него в 921–922 гг. последовал известный визит посольства халифа, после которого мусульманизация страны еще более активизирует-

ся, что способствует ее отдалению от Хазарского каганата, исповедовавшего иудаизм. [8]

Установление прямых контактов с одной из могущественных держав мира призвано было обеспечить не только политические интересы болгарского государства, но и более тесные связи с исламским миром, что придавало бы ему особую значимость в глазах соседей.

К XII веку Волжско-Камская Болгария была уже «вполне сложившимся феодальным государством с относительно сильной центральной властью, крепкой экономической базой и широкими торговыми и дипломатическими связями». Ее правитель, носивший титул эльтебера, был, очевидно, сюзереном вассальных ему представителей родовой аристократии, постепенно превращавшейся в феодальную. [9]

Перечисленные факторы предопределяли необходимость использования болгарскими правителями инсигний, олицетворявших их власть и могущество, как во внутренней политике, так и в вопросах дипломатических сношений и внешней торговли. К сожалению, малое количество сохранившихся письменных памятников не позволяет составить целостное представление о них.

Между тем, символически значимые составляющие потестарных (от латинского слова *potestas* – власть) образов, использовавшиеся в Волжско-Камской Болгарии, представляются весьма важными с точки зрения выявления культурного кода, который может быть положен в основу исследований, базирующихся на цивилизационных подходах. Подвергаясь воздействию различных внешних культурно-исторических инвазий, именно он определял на протяжении столетий своеобразие духовной, материальной, социальной жизни народов края, обеспечивал самобытность их мировоззрения и уникальность культуры.

С.В. Санников определяет потестарный символ как создаваемый и поддерживаемый обществом (нормами обычного права) условный образ, отличный знак, используемый в особом процедурном порядке, и представляющий собой видимое, либо слышимое культурно-ценностное образование (которому субъект права придает особый правовой смысл, связанный с отношениями власти и подчинения в социальной иерархии), выступающее средством легитимации верховной власти. [10] Данная трактовка и стала исходной в предлагаемом исследовании потестарной символики Волжско-Камской Болгарии.

Важным источником информации о потестарных символах Волжско-Камской Болгарии в период зарождения ее государственности выступает записка участника посольства багдадского халифа к болгарскому владыке в 921–922 гг. Ахмеда Ибн-Фадлана ал-Аббе Ибн-Раннет ибн Хаммеда. Она позволяет выделить вербальные (словесные), процессуальные и предметные потестарные символы, использовавшиеся болгарскими potentatami.*

К числу вербальных символов в первую очередь относится титул правителя. В самом начале документа он назван эльтебером (в тексте источника – йылтываром) – весьма распространенным титулованием у вождей или князей древнетюркских племен. Кроме того, в ходе своего повествования Ибн-Фадлан, неоднократно беседовавший с Алмушем (Алмасом), тридцать пять раз называл его ал-малик или малик (в переводе с арабского – царь) и при этом ни разу не обращался к нему с этим титулом. [11]

Как отмечает автор записки, провозглашая хутбу (молитву о здравии правителя) на минбаре, хатиб также называл его эльтебером. Это вызвало негативную реакцию со стороны Ибн-Фадлана: «Я же сказал ему: «Воистину, царь – это Аллах, и на минбаре этим титулом не называется никто, кроме него, великого и могучего. Вот господин твой, повелитель правоверных, для собственной своей особы довольствуется тем, что на его минбарах на востоке и на западе провозглашают: «О, Аллах! Сохрани [в благополучии] раба твоего и наместника твоего Джа'фара имама аль-Муктадира-би-ллаха, повелителя правоверных», и таким же образом [делали] бывшие до него предки его халифы». [12]

В результате, по совету багдадского посланника Алмуш принял более подобающий ему титул эмира, то есть сменил словесный символ своей власти: «Он сказал: «[Итак], я уже дал себе имя Джа'фар, а имя отцу своему 'Абдаллах, так что дай распоря-

* В основу данного деления потестарных символов была положена классификация, предложенная А. Ю. Глушаковым в его диссертационном исследовании на соискание степени кандидата юридических наук «Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX – I половины XV вв.» (СПб, 2003). Вместе с тем, представляется целесообразным выделить в особую группу визуальные символы, одним из основных свойств которых является их инвариантность по отношению к материальному носителю. То есть их функция символов власти сохранялась независимо от того, на какие предметы они наносились.

жение об этом хатибу». Я сделал это, и он [хатиб] стал провозглашать от его имени хутбу: «О, Аллах! Сохрани [в благополучии] раба твоего Джа'фара ибн-'Абдаллаха, повелителя [эмира] болгар, клиента повелителя правоверных».^[13]

Именно эти титул и имя были воспроизведены на монетах, чеканившихся в Волжско-Камской Болгарии во времена Ибн-Фадлана и имевших традиционное мусульманское оформление, то есть сначала указывалось имя халифа, затем саманидского правителя* и, наконец, самого болгарского эмира.^[14]

Процессуальные символы описаны в нескольких эпизодах, и все они связаны с оказанием почестей царю, членам его семьи, а также дипломатическим представителям. Наиболее значимым из этой группы символов, очевидно, является проявление отношения подданных к своему повелителю. Вот как описывает Ахмед Ибн-Фадлан выезд болгарского владыки: «Когда царь едет верхом, то он едет один, без отрока, и с ним нет никого. Итак, когда он проезжает по базару, то никто не остается сидящим, – [каждый] снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку. Когда же он проедет мимо них, то они опять надевают свои шапки себе на головы».^[15]

Ту же картину мы наблюдаем в церемониальном поведении во время приема Алмушем своих подданных: «И точно также все, кто входит к царю, мал и велик, включительно до его сыновей и братьев, лишь только посмотрят на него, как тотчас снимают свои шапки и кладут их себе подмышку. Потом [они] кивают головами в сторону царя, приседают, потом остаются стоять, пока он не прикажет им сесть, причем каждый, кто сидит перед ним, право же, сидит, стоя на коленях, и не вынимает своей шапки и не показывает ее, пока не выйдет от него, надевая ее [только] в это время».^[16]

Оказание почестей выражалось и в осыпании правителя, членов его семьи, а также, судя по тексту, почетных гостей деньгами. В записке Ахмеда Ибн-Фадлана описаны три таких эпизода. Два из них имеют отношение к персоне самого правителя и его жены: «Когда же я окончил его [чтение], спутники его рассыпали на него многочисленные дирхемы. <...> Потом я облек

* Упоминание саманидского правителя связано с тем, что денежная система Волжско-Камской Болгарии формировалась под непосредственным влиянием финансовой системы саманидов – династии, правившей в Средней Азии и Иране в 875–999 гг.

его жену в [почетный] халат в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай. Когда же я облек ее [в почетный халат], женщины рассыпали на нее дирхемы <...>».^[17]

Особо выделим ритуал первой встречи участников багдадского посольства с самим Алмушем. Это действие, очевидно, должно было транслировать гостям не только щедрость и гостеприимство, но и могущество болгарского владыки: «Когда же мы были от царя «славян» (*болгар* – *В.Т.*), к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, то он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью, своих братьев и своих детей. Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо и просо, и поехали вместе с нами. Когда же мы были от него на [расстоянии] двух фарсах, он встретил нас сам, и когда он увидел нас, он сошел [с лошади] и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху, великому, могучему. В рукаве у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас».^[18]

Небезынтересно и церемониальное поведение болгарского правителя по случаю официального приема посольства: «<...> Он прислал за нами, и мы вошли к нему, в то время как он [находился] в своей палатке. Цари [сидели] с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один [сидел] на троне, покрытом византийской парчой. Он велел принести стол [с яствами], и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал, – взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Сусану послу. Когда он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол. Потом он вручил [мясо] мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю, который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол..., потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом [это продолжалось] пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и кроме него никто не брал с его стола ничего. Когда же он кончал с едой, то каждый из нас оставшееся на своем столе, уносил в свое жилище. Когда

мы поели, он велел принести напиток из меда, который они называют суджув, [изготовления] того же дня и той ночи. Итак, он выпил кубок. Потом он встал во весь рост и сказал: «Это мое веселие о моем господине, повелителе правоверных, да продлит Аллах его пребывание [в этом мире]». И так как он встал, то встали и четыре царя, и его сыновья, и встали мы также, пока он делал это три раза».^[19]

Столь подробное описание свидетельствует о повышенном интересе к происходящему автором записки, явно не сталкивавшегося с подобным ритуалом ранее. Это позволяет говорить о нем как о местном обычае, который, кроме всего прочего, отражал иерархию, установленную в среде ближайшего окружения правителя.

В записке Ибн-Фадлана довольно подробно описана церемония, связанная с погребением представителей болгарской знати: «И если умрет Мусульманин у них, и вот [имеется] женщина [из] хорезмийцев, то его обмывают омовением мусульман. Потом везут его на повозке, которая тащит его, а перед ним [идут] со знаменем, пока не придут с ним к месту, в котором его похоронят. <...> И они [местные жители] обязательно водружают у двери его юрты знамя. Они приносят его оружие и кладут его вокруг его могилы и не прерывают плача в течение двух лет. Когда же свершатся два года, они снимут знамя и возьмут [часть] своих волос... Родственники умершего созовут званный пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж. Это если он был из [числа] главарей. Что же касается простого народа, то они делают со своими умершими [только] кое-что из этого [обряда]».^[20]

Судя по этому описанию, виденное Ибн-Фадланом воспринималось им как местный обычай, не имевший отношения к исламу.

Материальным выражением власти болгарского правителя, в первую очередь, выступала его резиденция. «Все они [живут] в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, устланная армянскими коврами. У него в середине ее трон, покрытый византийской парчой» – сообщает Ибн-Фадлан.^[21]

При этом он не случайно акцентирует внимание на таких деталях интерьера, как ковры и парча. И то, и другое относилось к предметам роскоши, которые могли позволить себе только

правители. Армянскими коврами платили дань, они считались весьма ценным подарком среди монарших особ,^[22] а также, по свидетельству современников, наделялись некими особыми свойствами.^[23] Автор книги «Восточный ковер» Ф. Гантцхорн полагает, что коврам Средних веков и эпохи Ренессанса трудно «приписать иные функции кроме как символизации мирской и духовной власти».^[24]

То же самое можно сказать и о парче, производство и реализация которой стали в Византийской империи государственной монополией. Эта роскошная ткань на шелковой основе с использованием нитей из золота и серебра, украшенная богатой вышивкой и самоцветами, в понимании современников описываемой эпохи выступала не только признаком богатства, но и власти. Не случайно она являлась важным элементом облачения не только византийских императоров, но и практически всех potentatov Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии.

Особый интерес вызывают инсигнии, врученные болгарскому царю представителями багдадского халифа. Описывая встречу посольства с местной элитой, Ахмед Ибн-Фадлан сообщает: «Когда же наступил четверг и они собрались, мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали лошадь присланным ему [в подарок] седлом, одели его в савад и надели на него тюрбан».^[25] Как отмечает А.П. Ковалевский, седло, савад (официальная черная одежда Аббасидов) и тюрбан являлись пожалованными знаками власти.^[26] В 932 г. по пути в Мекку болгарское посольство во главе с сыном самого царя посетило Багдад. Причем в подарок багдадскому халифу ал-Муктадиру они привезли с собой знамя, савад и деньги.^[27]

Как следует из текста записки, среди предметных потестарных символов особая роль отводилась знамени, которое в соответствии с действовавшими представлениями об организации власти использовалось в церемониальном поведении, а также в погребальных обрядах. Автор «Исторического очерка о регалиях и знаках отличия русской армии» Н.Г. Николаев справедливо указывал на то, что «происхождение знамени и связанного с ним понятия теряется в глубокой древности, так как знамена всегда были и есть у всех народов, не исключая даже и таких, которые находятся еще на самой низкой степени своего политического и гражданского развития».^[28] К сожалению, отсутствие источников не позволяет с достоверностью говорить о внешнем

виде болгарских знамен. Поэтому мы можем опираться лишь на косвенные данные.

Использование знамени или так называемого знаменного комплекса у кочевых народов, проживавших на территории современной России и сопредельных государств Центральной Азии, изучено достаточно подробно, что позволяет составить общее представление об этом объекте и у волжско-камских болгар.^[29]

Прежде всего, обратимся к самому понятию «знамя» или «знаменный комплекс». В своем полном виде, как указывал, М.Г. Рабинович, он состоял из древка, к которому крепились наверху, «челка стяговая» (бунчук) и полотнище.^[30] Любой из перечисленных элементов, кроме древка, мог отсутствовать. Например, в качестве знамени мог выступать лишь бунчук без полотнища. Причем, такой вариант широко применялся на Востоке, а у древнерусских стягов чаще отсутствовала челка.^[31]

Исследуя вопросы терминологии и морфологии знаменного комплекса в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии, С.В. Дмитриев отмечает, что для обозначения знамени, флага, вымпела, штандарта наибольшее распространение у них получили различные варианты слова «тук».^[32] Об использовании особого ритуального знамени – туга, устанавливавшегося на мазарах (почитаемых объектах) говорит и Н.С. Терлецкий, отмечая при этом, что его появление относится к глубокой древности и связано с кочевыми обычаями тюркских народов.^[33] Он же дает общее описание этого объекта: традиционный древнетюркский туг представлял собой конский хвост, или пучок конского волоса, прикрепленный к жерди,^[34] то есть, по сути, представлял собой бунчук.

Анализируя этимологию слова «туг», оба исследователя указывают на два основных подхода в объяснении его происхождения: часть специалистов настаивает на его древнетюркских,^[35] другая – на китайских корнях.^[36] Однако, и в том, и в другом случае оно означает одно и то же – знамя, штандарт, бунчук.^[37] Они отмечают также и другие значения этого термина. Одно из них – барабан.^[38] Причем у древних тюрков, подчеркивает Н.С. Терлецкий, и знамя, и барабан были одними из символов верховной власти.

Г.М. Василевич связывала происхождение слова туг с характерным для алтайской языковой семьи (из которой оно проникло в некоторые другие языки) понятием «туру~тут». По ее

мнению, «значения, сохранившиеся за этим словом, показывают три линии дальнейшего развития представлений: 1) дерево – палка – столб – мачта – древко – знамена – знамя; 2) стоять – стойбищем – жить – стойбище – жилище (дом) – комната – гор-род; 3) шаманское дерево, соединяющее землю с верхним шаманским миром».^[39]

В этой связи весьма ценным представляется указание Н.С. Терлецкого, на то, что многие непонятные явления, связанные с природой, растительным миром в целом и с деревьями в частности, облекались человеком в сакральную форму. «Деревототем, с которым человеческий коллектив считает себя связанным родством, дерево-фетиш, дерево-вместилище духов, душ и, наконец, атрибут божества – все это прослежено этнографами на широком материале разных народов мира» – указывает исследователь.^[40]

Как отмечает В.Д. Кубарев, у тюрков дерево носило исключительно культовый характер, отражая древнейшие представления о нем, как о священном объекте, символизировавшем собой космическое – мировое дерево.^[41] Весьма интересно и наблюдение В.Е. Войтова о представлениях алтайцев, согласно которым обиталищем предков и наиболее могущественных духов служила находящаяся в центре земли усечено-пирамидальная гора с плоской вершиной, на которой росло золотое дерево, уходящее ветвями в небо. Его символ в виде столба или настоящее дерево (на Алтае) обязательно присутствовал в тюркских захоронениях.^[42]

В этой связи напрашиваются некоторые параллели с чувашским языком, который часть ученых считает независимым членом алтайской семьи.^[43] Так, слово «турă (тур)» в переводе с чувашского означает «бог, божество», слово «турат» – «ветвь, ветка, отросток», а слово «туратсăр» – «без ветвей, голый» и производное от него «туратсăр йывăс» – голое дерево.^[44] Особо следует отметить и наличие в мифологии чуваш культа «священного дерева» («древа жизни»), которое поддерживает небосвод.

Интересно также предположение С.В. Дмитриева о том, что первоначально слово «тур» имело основное значение «знак», «примета». Причем, и в древнерусском языке знамя также означало «знак», «примету», «символ». В этом своем качестве тург мог представлять собой и «султан» на головном уборе. Для этого вместо конского волоса использовались перья, устанавливавшиеся, например, на боевом шлеме, где часто для них встречаются одно-два гнезда на маковке, либо спереди по бокам.^[45]

Размышляя о роли туга, как особого рода маркера ранга придворных, статусного подарка, повышающего социальное положение человека, Н.С. Терлецкий указывает также на использование этого атрибута на знамени или шлеме в качестве обозначения степени.^[46]

Применительно к знамени употреблялось еще одно слово – бунчук, особенно распространенное в западно-тюркских языках и через них получившее известность в Европе. Однако происхождение этого слова до конца не прояснено.^[47] Считается, что самое раннее упоминание о нем имеется в «Ригведе». Металлические навершия бунчуков известны по археологическим материалам скифского и гуннского времени. Бунчуки на длинных копьях использовались хорезмийским войском.^[48] Эти данные представляют особый интерес, если учесть отмеченные выше истоки болгарской государственности.

С.В. Дмитриевым предложена следующая схема развития знаменного комплекса. Представляя собой, прежде всего, знак, указывает исследователь, зная в этом своем качестве служило в эпоху родового строя обозначением родов, фратрий и т.д., выступавших в поход, что подтверждается археологическим и этнографическим материалом.^[49] При этом он опирается на мнение А.П. Окладникова, полагавшего, что первоначально древнейшими знаменами были фигурные навершия, изображавшие различных животных и, в редких случаях, человека, выполненные из меди и бронзы. Особенно интересны в этой связи параллели между фигурными штандартами («волчьими знаменами») тюрков и знаменами с головой дракона в сасанидском Иране, а также с орлами у римлян.^[50]

Данная форма штандарта с одним навершием, по мнению С.В. Дмитриева, будучи достаточно консервативной, в принципе, не нуждалась в таком дополнении, как полотнище. Но одновременно с ней существовали и матерчатые флаги.^[51]

Для истории развития знаменного комплекса весьма интересно его наблюдение, связанное с обозначением в средневековой лексике среднеазиатских народов навершия знамени словом «аджар», означавшего «дракон», «что, по всей вероятности, является отражением реальной практики изображать в качестве наверший именно драконов». В дальнейшем комплекс «драконового» знамени, состоявший из навершия с головой дракона и «чулка», наполняемого воздухом, трансформировался в более простое по исполнению полотнище, сохранявшее то же назва-

ние и способность струиться, но уже с изображением тела дракона и, возможно, другого животного. Поэтому, заключает С.В. Дмитриев, на полотнище традиционно изображались различные звериные символы. Причем эта модель действовала и после появления мировых религий, то есть на знамя помещался христианский крест или изображение святого, мусульманский лунный серп или рука Али и т.д.^[52]

Упрощение техники исполнения воспринималось постепенно, и в каждой отдельно взятой территории одновременно сохранялись разнообразные варианты знамен. В целом же, резюмирует исследователь, развитие морфологии знамени в различных регионах шло по-разному, минуя свои переходные этапы и представляя в своих результирующих формах.^[53]

Говоря о знамени, нельзя не остановиться на его особой роли в военном деле. Как справедливо отмечает Н.С. Терлецкий, боевые знамена (туги) были неотъемлемой принадлежностью военного снаряжения кочевников. При этом особое знамя имел каждый род.^[54] Являясь элементом в системе коммуникации во время боя, оно служило важным ориентиром в гуще рукопашной схватки. Сбивая его, противоборствующие стороны пытались добиться замешательства противника и обеспечить тем самым свою победу. Утрата знамени в бою во все времена считалась позором. Чрезвычайно велико значение знамени и с точки зрения психологического воздействия на противника. Именно с этими целями использовались так называемые «драконовые» знамена и подобные им объекты, например, знамена с волчьей головой у тюрков.^[55]

Появление тюркских «волчьих знамен» принято связывать с легендой о происхождении тюрков-тугу. По сообщению Н.Я. Бичурина предки «тукюеского Дома» составляли самостоятельный аймак, представляя собой отдельную ветвь «Дома Хунну по прозванию Ашина». Из всего этого рода, истребленного соседним властителем, остался один десятилетний мальчик, которого из-за малолетства не убили, но отрубив у него руки, и ноги, оставили умирать. Его спасла волчица, которая родила от него десять сыновей, каждый из которых дал начало отдельному роду. «В числе их, – указывает Н.Я. Бичурин, – был Ашина, человек с великими способностями, и он признан был государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головою – в воспоминание своего происхождения».^[56]

Весьма интересны сообщенные им сведения о ритуале приема древнетюркскими каганами послов, которые допускались к ним лишь после поклонения волчьему знамени.^[57] Также у Н.Я. Бичурина имеется указание на вооружение тюрков-тугю: «Из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой».^[58] (см. вкладку илл. № 1–3)

Таким образом, являясь частью тюркского мира с его «одинаковыми институтами общественного устройства»,^[59] болгарские племена должны были обладать всеми характерными для кочевнической культуры атрибутами, в том числе знаменами, аналогичными приведенным выше описаниям. Вместе с тем, вопрос об их форме и цвете остается открытым.

В этой связи нельзя не упомянуть о материалах раскопок в районе села Шиловка Сенгилеевского района Ульяновской области. В одном из курганов были обнаружены девять фрагментов изогнутых костяных пластин, сделанных, по-видимому, из широких ребер крупных животных. На внешних сторонах части обломков прочерчены сюжетные изображения, в том числе: схватка четырех тяжеловооруженных копейщиков и двух лучников (см. вкладку илл. № 4, фрагмент 3), два скачущих на лошадях тяжеловооруженных всадника (см. вкладку илл. № 4, фрагмент 5) и крепостная стена, за которой, очевидно, укрываются защитники города (см. вкладку илл. № 4, фрагмент 4). Общим для всех этих сюжетов является наличие у воинов характерных двухвостых знамен.

Археологи, производившие раскопки, относят Шиловскую курганный группу, состоящую из трех насыпей, если не ко времени современников основателя Великой Болгарии хана Кубрата, то, во всяком случае, к его ближайшим наследникам.^[60] Принадлежность найденных там предметов они приписывают болгарам-кутригурам, ушедшим под ударами хазар в середине VII века на Волгу.^[61] При этом Р.С. Багаутдинов выдвинул предположение о том, что в «шиловских рисунках» ощутимо влияние согдийского искусства, а копейщиками, по-видимому, являются иранские воины.^[62]

Однако, вопросы датировки и этнокультурной принадлежности указанных предметов, попавших в разряд хрестоматийных, как подчеркивает А.В. Комар, в силу своей принципиальной важности «сразу же стали предметом дискуссии». Так, С.А. Плетнева высказала сомнения относительно болгарского

этнуса погребенных и связала курган, где были сделаны находки, с хазарами, а И.О. Гавритухин подверг критике попытку А.В. Богачева синхронизировать шиловские курганы с перещепинским комплексом,^[63] который исследователи связывают с болгарами или ранними хазарами.

Сам же А.В. Комар, отмечая, что «костяные декорированные обкладки седла, колчана и т.п. – традиция общетюркская и довольно длительная»,^[64] датирует шиловские комплексы 705–725 годами.^[65] Как представляется, он также убедительно доказывает, что пластинчатые панцири и кольчуги воинов на шиловских обкладках вряд ли были срисованы со стен Пенджикента или с персидских воинов, поскольку находят археологические соответствия в комплексах перещепинской и салтовской культур.^[66]

Кроме того, А.В. Комар обратил внимание на изображение дракона на одной из пластин (см. вкладку илл. № 4, фрагмент 1). «Учитывая связь изображения дракона с высшей (каганской) властью, шиловские обкладки седла – не просто украшение или оберег – это, несомненно, тюркютский отличительный знак, свидетельствующий о высоком ранге его владельца» – констатирует исследователь,^[67] то есть также придерживается мнения о принадлежности находок хазарам. По его мнению, «памятники Самаро-Симбирского Поволжья демонстрируют плавное перерастание перещепинской культуры в степной вариант салтовской горизонта Столбище-Старокорсунская».^[68]

И все же, несмотря на споры, наличие характерных изображений знамен на предметах из шиловских курганов, позволяет ставить вопрос если не о принадлежности или преемственности, то о возможных заимствованиях внешней формы этих воинских атрибутов волжско-камскими болгарами.

В исследовании облика знамен болгарского войска определенный интерес может представлять Радзивилловская летопись, богато иллюстрированная 617 миниатюрами, из которых на 168 помещено 213 изображений знамен русских князей, хазар, печенегов, половцев, болгар и др.^[69] Опираясь на авторитет А.В. Арциховского и О.И. Подобедовой, автор исследования «Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах» М.Г. Рабинович полагает возможным «отнестись с большим доверием» к изображениям знамен, воспроизведенным в указанном письменном памятнике.^[70]

Болгарское военное знамя согласно миниатюре, иллюстрирующей совместный поход владимирского, муромского и рязанского княжеств на болгар зимой 1172 г., представляло собой клиновидный кусок ткани красного цвета, крепившейся к древку, увенчанному челкой (см. вкладку илл. № 5).^[71] Однако, у вооруженных отрядов печенегов, половцев и мордвы мы видим точно такие же знамена.^[72]

Очевидно, говорить о соответствии этого изображения реальному внешнему виду болгарского военного знамени можно лишь с большой осторожностью. Тем более, что сам А.В. Арциховский, во-первых, указывал на то, что «использовать данные этих рисунков можно вообще только на основе предварительного изучения вещественных и письменных исторических источников»,^[73] и, во-вторых, из всех военных атрибутов, имеющих в миниатюрах, он не анализирует только изображение знамен. Кроме того, как справедливо полагает А.В. Мартынюк, «средневековые миниатюры представляют собой не зарисовки с натуры, а преломление исторических реалий в сознании их создателей».^[74]

Тем не менее, вероятность использования клиновидной формы боевых знамен волжско-камскими болгарами весьма высока. На ее широкое распространение в военном снаряжении разных народов указывают различные источники.

Для выяснения вопроса о цвете болгарских знамен, очевидно, можно опереться на религиозно-мифологические представления тюркских народов, в том числе болгар. До принятия ислама их верховным божеством являлся Тенгри, олицетворявший собой мужское небесное начало – Бога-Отца. Поэтому голубой и белый цвета в этом культе считались наиболее значимыми, обладавшими некой оберегающей силой.^[75] Не менее важное место занимал и черный цвет, ассоциировавшийся, прежде всего, с Землей. Так, в малой надписи эпитафии на памятнике в честь выдающегося деятеля Тюркского каганата Культегина (732 г.) указывается: «Небоподобный, неборожденный (собств. «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган», а нынче сел (на царство)», а большая надпись начинается словами: «Когда было сотворено (или возникло)верху голубое небо (и) внизу темная (букв. бурая) земля, между ними обоими были сотворены (или возникли) сыны человеческие (т.е. люди)».^[76]

Кроме того, Г.Р. Галиуллина обращает внимание на наличие «цветовых» имен и названий, существующих в ономастиче-

ской системе тюрко-язычных народов. Например, имена с прилагательным «ак» (белый), который ассоциировался с дневным светом, жизнеутверждающим началом, благополучием, неземной чистотой, отражают древние верования тюрков. Лексема «кара» (черный) употреблялась в составе имен и титулов представителей их господствующего класса. Не менее распространенным компонентом в древнетюркском антропонимиконе был элемент «сары» (желтый). Данный апеллятив, указывает исследовательница, часто встречается в тюркской антропонимии и является цветом аристократическим. Имена с данным компонентом зафиксированы в древних тюркских письменных памятниках.^[77]

Особо отметим, что у чувашей желтый цвет (*по-чувашски – сарă*)^[78] является самым почитаемым. Это нашло отражение, в том числе, в современных символах Чувашской Республики – гербе и флаге.

В контексте данного исследования также представляет интерес указание С.Г. Кляшторного на наличие в тюркской этнонимике деления родственных племенных групп на «белых» (*ак*) и «чёрных» (*кара*). Данные обозначения, отмечает исследователь, никак не связаны с антропологическими различиями, а лишь маркируют структурные подразделения внутри племенных союзов. При этом возможны и иные цветовые маркеры – «синие» и «желтые», «черноголовые (черношапочные)» и «красноголовые».^[79]

О «голубых» тюрках говорится в большой надписи, упоминавшей выше эпитафии на памятнике в честь Культегина: «Между (этими) двумя (границами) они так обитали (восседали), устраивая «голубых» тюрков, которые были (тогда) без господина и без родовых представителей».^[80]

Подобная маркировка вполне могла оказывать влияние и на цвет полотнищ родовых знамен. Наделенные особым сакральным смыслом и игравшие столь важную роль в повседневной жизни древних тюрков, указанные цвета не могли не использоваться в системе социальной сигнификации, в том числе и как регулятивный фактор управления поведением.

С распространением ислама появились новые названия и формы знамени. В мусульманской Евразии для его обозначения стали использоваться термины, привнесенные арабскими завоевателями, например, *лива*, *райа* и *‘алам*.^[81] Сведения о них можно почерпнуть из хадисов – преданиях о словах и действиях

Пророка Мухаммада, затрагивающих разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины и состоящие из двух частей: собственно информационной, называемой *матн*, и *иснада* – перечисления людей, передававших друг другу текст *матна* из поколения в поколение. ^[82]

Так, составитель одних из самых авторитетных сборников хадисов Абу Иса Мухаммад ибн Иса ат-Тирмизи, отмечая разницу между знаменем и флагом, приводит хадисы Ибн Аббаса, Джабира и аль-Бара, согласно которым флаг использовался во время битвы предводителем войска, а знамя вручалось амиру лагеря и обозначало место дислокации военной силы. Согласно тем же сведениям, флаг (рая) Пророка был черного цвета, а знамя (лива) – белого. Он же передает и свидетельство Барра ибн Азиба о флаге Пророка: «Он был четырехугольный, черного цвета, сшитый из полосатого материала». Согласно Абу Бакр ибн Арабий: «Знамя (лива) отличается от флага (рая). Знамя прикрепляется к копью с трех сторон и заворачивается. Флаг же прикрепляется к копью с одной стороны и развевается на ветру». Следует также отметить, что традиционно мусульманские знамена отличались богатой вышивкой и, как правило, содержали цитаты из сур Корана. В качестве навершия мусульманских знамен (а также в качестве эмблемы на щитах воинов ислама) часто использовался магический оберег – *хамса*^{*} или «рука Фатимы» (дочери пророка Мухаммеда и супруги «хызрата Али»).^[83]

Принятие ислама в Волжско-Камской Болгарии не могло не отразиться на внешнем виде болгарских знамен. Как уже отмечалось, Пророк Мухаммад использовал в качестве символа новой религии черный флаг. Такого же цвета было и знамя халифата Аббасидов. (см. вкладку илл. № 6) ^[84] Вероятно, подобным ему оно могло быть и у «клиента повелителя правоверных» Алмуша, после принятия ислама и установления контактов с Багдадским халифатом. С учетом отмеченных выше наблюдений Г.Р. Галиуллиной и С.Г. Кляшторного такой цвет вполне отвечал, как прежним верованиям, так и новой вере болгар. Это обстоятельство вполне могло быть использовано в качестве «примиряющего» фактора, способствовавшего присоединению к исламу колеблющейся части болгарского общества. Тем более,

* Хамса считается символом пяти столпов ислама: веры, молитвы, паломничества, поста, милосердия.

что в Волжско-Камской Болгарии утвердился ислам ханафитского мазхаба. Основатель этой школы аль-Имам аль-А'зам Абу-Ханифа Ну'ман ибн Сабит сыграл ключевую роль в приспособлении ислама к тюркской культуре.

Как следует из приведенного выше отрывка из записки Ахмеда Ибн-Фадлана, посвященного погребальному обряду в Волжско-Камской Болгарии, знамени отводилась важная роль и в ритуале похорон знатных болгар, а также соблюдении траура. Но особенно любопытно упоминание женщины-хорезмийки в тексте источника. Известно, что у Волжско-Камской Болгарии имелись самые тесные торговые отношения с Хорезмом и Бухарой. Причем появление и распространение ислама в Болгарском государстве обязано в первую очередь контактам с ними.

В этой связи весьма интересна традиция установки особого ритуального знамени – туга – в Центральной Азии в мазарах-усыпальницах или близ них. Н.С. Терлецкий, изучавший вопрос о происхождении, функциях и символизме туга, отмечает, что такой обычай уходит корнями в эпоху, предшествовавшую появлению и установлению ислама^[85] (не потому ли этот ритуал у болгар вызвал интерес Ибн-Фадлана как нечто необычное?). Как полагает исследователь, эти шесты-знамена демонстрируют явные черты преемственности древних представлений и их адаптации исламом, а древнее семантическое значение туга как связующего звена между земной и небесной сферами, символа верховной власти находит отражение и в мусульманский период.^[86]

Это подтверждает и В.Д. Кубарев, указывающий на то, что в центре многих древнетюркских оградок-жилищ, устанавливаемых на захоронениях, ставились молодые деревца (называемые в литературе «колья») и даже большие деревья (диаметр ствола 30–50 см). Учитывая культовый характер дерева, оно, как предполагает исследователь, направляло жертву духу умершего или являлось последним пристанищем для него на время поминок. Это объясняет, по мнению В.Д. Кубарева, наличие здесь же костей лошади, представленных в основном фалангами, зубами и даже отдельными челюстями. «Возможно, – по мнению ученого, – головы жертвенных коней со шкурой, передними и задними ногами вывешивались на эти деревья или специальные жерди.^[87]

С подобной практикой развешивания на священных деревьях шкур жертвенных животных мы сталкиваемся в ритуалах языческих молений чуваш.^[88] Исследуя параллели в верованиях и семейном быте древних сувар и чувашей, В.Д. Димитриев, в

частности, указывает на поклонение Тангрихану – главному богу сувар.^[89] Причем его культ был связан с почитанием священных густолиственных дубовых рощ, в которых выделяли как старейшину самое громадное, высокое дерево. В этих рощах Тангрихану приносили в жертву лошадей, голову и кожу которых вешали на сучья деревьев.^[90]

По описанию Н.С. Терлецкого в своем наиболее общем и широко распространенном виде ритуальный туг, устанавливаемый в непосредственной близости от почитаемого объекта, представлял собой вертикально расположенный деревянный шест, который изготовлялся из цельной деревянной жерди, либо составлялся из нескольких скрепленных друг с другом звеньев. В среднем его длина составляла 5 метров. Венчало туг наверху – тадж-и туг, как правило, в виде раскрытой ладони (панджа, хамса) или нераскрывшегося бутона. Причем, в Хорезме хамса, или «рука Фатимы», использовалась значительно реже, чем в других районах Центральной Азии. Под навершием обычно устанавливалась горизонтальная перекладина небольшой длины, к которой крепился кусок материи (в основном красного или белого цвета), часто треугольной формы, пучки конского волоса (или конский хвост), иногда колокольчики и разноцветные ленты.^[91]

Кроме того, исследователь обращает внимание на любопытный источник – план-миниатюру Бухары, приобретенный в 1858 г. известным востоковедом П. И. Лерхом для Азиатского археологического общества. Так, слева от рисунка с панорамой города, указывает Н.С. Терлецкий, имеется следующий текст: «Правило бухарцев таково, что если умрет кто-либо из вельмож или шейхов, вообще из падишахов или знати, или из суфиев и юродивых, то после его смерти, когда похоронят, у края могилы устанавливают четыре очень длинных деревянных [шеста]. На конце каждого шеста вешают один туг из хвоста быка китайской [породы] для того, чтобы каждый человек, видя, узнавал».^[92]

Приведенные факты вполне корреспондируются с погребальным ритуалом болгар, описанным Ибн-Фадланом. Необходимо также отметить, что слово «масар» в чувашском языке означает кладбище или могилу.^[93] Кроме того, у чувашей широко распространен ритуал привязывания ленточек к священному дереву в качестве votивных предметов.

Как справедливо отмечает Н. С. Терлецкий, туг как боевое знамя и показатель социального статуса владеющего им при-

дворного, несомненно, был еще и предметом, заключавшим глубокий сакральный символизм.^[94]

Спорным остается вопрос о визуальных символах, олицетворявших болгарское государство. Официальными источниками являются большая государственная печать царя Ивана Васильевича 1583 года* и «Большая государева книга или Корень российских государей», составленная в 1672 г. дипломатическим ведомством Русского государства по указанию царя Алексея Михайловича и более известная как «Царский титулярник».^[95]

Помещенная на большой государственной печати Ивана Грозного «печать Болгарская» представляет собой изображение животного, в силу своего небольшого размера слабо поддающегося идентификации. (см. вкладку илл. № 7) Главную причину разногласия в определении зверей, рыб и птицы на царской печати Н.А. Соболева справедливо видела в том, что в литературе длительное время изучался не сам ее оттиск, а рисунок, сделанный с него. По воле художника, указывает исследовательница, указанным представителям фауны «были приданы более определенные черты, не всегда соответствовавшие подлинному изображению, и исследователи, работавшие с рисунком, а не с фотографией оттиска печати, интерпретировали животных по своему усмотрению».^[96]

Кроме того, как указывает Н.А. Соболева, «изображение Булгарии как самостоятельной территориальной эмблемы вызывает некоторое недоумение» по причине того, что это государство еще в XV в. вошло в состав Казанского ханства, растворилось в нем и в качестве самостоятельной области в середине XVI в. не существовало. А отождествление его с «идушим хищным зверем», по ее мнению, могло быть связано с какой-то литературной традицией.^[97]

Тем не менее, большинство ученых, начиная с А.В. Арциховского, склонно видеть в нем барса.^[98] Однако, как справедливо полагает И.Л. Измайлов, «при всей логичности и разработанности гипотеза о барсе как гербе средневековой Булгарии имеет ряд серьезных недостатков, связанных с некорректным

* Н.А. Соболева считает наиболее вероятной датой создания Большой государственной печати 1577 год. (См.: **Соболева Н. А.** О датировке большой государственной печати Ивана IV // Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Н. А. Соболева – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – С.157–169).

использованием разновременных и разнохарактерных археологических материалов.^[99]

С.Ф. Фаизов настаивает на том, что указанное изображение представляет собой собаку «Болгарского княжества», впервые заявленную на печати Ивана Грозного в качестве «основного поводыря» «к горизонту всеордынских притязаний предпоследнего Рюриковича».^[100] Действительно, голова животного очень похожа на собачью или волчью. Однако, его длинный, загнутый кверху в виде латинской буквы «s» хвост, заканчивающийся пальметтой, указывает на его «родство» с семейством кошачьих. Подобный хвост мы видим и у животного на «печати Псковской», которое идентифицируется исследователями как барс.

«Сквозная морфологема, берущая свое распознаваемое сегодня начало в болгарской геральдике XIII–XIV вв., – отмечает С.Ф. Фаизов, – ранее могла присутствовать в мифологии и геральдике болгар и других этносов, вошедших в состав Волжской Булгарии, присутствовала в декоративно-прикладном искусстве хазар, восточных славян, западноевропейских народов. Артикулирование собаки на печатях воевод и межевщиков первой половины XVI в. подсказывает, что Иван Грозный и его приближенные еще застали изображение собаки в качестве действующего элемента геральдической системы Казанского ханства».^[101]

Взгляд С.Ф. Фаизова на данное изображение имеет вполне определенные основания, если обратиться к древнетюркской мифологии, в которой волк занимал одно из центральных мест. Однако, во времена Ивана Грозного вряд ли было что-либо известно о мифологических представлениях древних тюрков. Максимум, чем могли располагать современники – это уже сложившиеся визуальные образы, которые традиционно использовались представителями болгарской или золотоордынской знати.

В вопросе интерпретации символов на печати Ивана Грозного весьма убедительной представляется точка зрения Н.А. Соболевой, полагающей, что те символы, образное выражение которых имеется на ней в виде изображения представителей животного мира, отдельных предметов вооружения, атрибутов царской власти, – это скорее символы идей, а не символы территорий, которыми отдельные эмблемы становятся впоследствии.^[102]

Признавая, что даже при самом тщательном анализе элемент вероятности расшифровки изображений на печати сохранится в силу невозможности их абсолютной идентифика-

ции, многозначности каждого символа, а также невозможности абсолютного осознания современным человеком всех деталей, аспектов и логики средневекового мышления, она предлагает в качестве ключа к пониманию композиции печати и отдельных клейм использовать Псалтырь и указывает на имеющееся в Священном писании противопоставление людей и скотов (зверей). Первые познали «Закон», вторые – не знают его, то есть представляют язычников. Отсюда, отмечает Н.А. Соболева, напрашивается вывод, что «клейма» с фигурами зверей это нехристианские, «нечестивые» народы, варвары. И далее, опираясь на исследования Л.С. Ковтун и О.П. Лихачевой, она приводит общепринятую в рассматриваемую эпоху трактовку отдельных эмблем: волк – символ еретиков, лиса – дьявол, «неверная душа», пес, лев, змей, конь – дьявол, враг. Причем эти образы не только фигурируют в других книгах Священного писания, но и дополняются барсом, медведем, орлом.^[103]

«Таким образом, – заключает исследовательница, – в общей идее композиции печати может звучать следующий мотив: вступление нехристиан под эгиду верховного, главенствующего, божьего закона (вероятно, с присутствием момента «перевоспитания» христианизация «неправедных» народов)».^[104]

Косвенное подтверждение такому подходу мы находим в Чебоксарах – первом русском городе-крепости, построенном на вновь присоединенных землях Казанского ханства. Следует подчеркнуть, что и царь, и Боярская дума, и Разрядный приказ, руководившие закладкой, строительством и заселением города, придавали особое значение организации в нем духовного патроната. Так, «символы идей» нашли свое наглядное воплощение в строительстве главного городского храма Чебоксар – Введенского собора. Свое название – во Имя Введения во Храм Пресвятые Богородицы – соборная церковь города получила неслучайно. Именно приобщение к Христовой вере языческих народов края было главным смыслом этого строительства. Нельзя не отметить и сюжет «Сошествие Святого Духа» над «царскими воротами» иконостаса Чебоксарского Введенского собора. Ведь именно после обретения благодати Святого Духа последователи учения Христа заговорили на разных языках и стали обращаться к людям с проповедью о Христовой вере, а представители самых разных народов без труда понимали их. Это событие считается подлинным рождением Христовой Церкви. Мы не знаем, был ли этот сюжет представлен в первоначаль-

но построенном деревянном храме в XVI веке (в своем нынешнем виде Введенский собор был сооружен в 1657 г., а его настоящий иконостас возведен около середины XVIII века),^[105] но по смыслу этого важного духовного события для края он должен был присутствовать в каком-либо виде с самого начала.

Принято считать, что в «Царском титулярнике» помещено изображение белого барса, несущего христианское знамя, представляющее собой пурпуровое полотнище с двумя клиновидными концами поделенное на четыре части прямым золотым крестом. (см. вкладку илл. № 8) Казалось бы, при столь крупном и детально прорисованном изображении сомнений относительно того, что здесь воспроизведено, возникнуть не должно. Но именно эта детализация, очевидно, и породила столь неоднозначное отношение к его идентификации.

Так, А.В. Арциховский полагал, что Болгарское царство в «Титулярнике» представлено барсом или зверем кошачьей породы с головой барана.^[106] Н.А. Соболева определяет его как зверя с прапором притом, что на большой государственной печати Ивана Грозного видит в нем барса.^[107] С.Ф. Фаизов считает это животное неким композитом с головой зверя из семейства кошачьих с коннотацией льва/львицы в области носа и крысы в укороченной нижней челюсти, с ушами быка, хвостом кошки, собачьими туловищем и лапами, птичьими «ногтями» на лапах, а нижнюю часть лап тождественной по изобразительному решению лапам лубочного Кота Казанского. Такое восприятие «българской собаки» как барса в «Титулярнике» он связывает с «плохим качеством репродуцирования этого изображения и превращением вследствие этого завитков шерсти на его шкуре в пятна». ^[108]

Характеризуя большую государственную печать Ивана IV, С.Н. Тройницкий предположил, «что большинство гербов было сочинено вновь, а затем за смутное время так основательно забыто, что когда почти сто лет спустя в них опять оказалась надобность, то их опять заново сочинили, не обращаясь к печати Грозного, которая была приложена только к немногим грамотам международного характера и потому могла быть неизвестна в России». ^[109]

В качестве дополнительных источников могут быть также привлечены следующие вещественные и письменные памятники: саадачный покровец царя Михаила Федороича с двенадцатью вышитыми земельными эмблемами (изготовлен после 1626 г.);

большое гербовое знамя царя Алексея Михайловича с пятнадцатью вышитыми земельными эмблемами (1666–1678 гг.); золотая, украшенная эмалью тарель, изготовленная в 1675 г. мастером Золотой палаты Юрием Фробосом (Фробусом) для царя Алексея Михайловича; изображение государственной печати из записок И.Г. Корба «Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом» (*Diarum itineris in Moscoviam perillustris as magnifici Domini Ignatii Crictofori hobilis domini de Guarient et Rail Sacri Romani Imperii regni Hungariae equitis, sacrae Caesareae majestatis consiliarii Aulico-Belici ab augustissimo invistissimo Romanorum imperatore Leopoldo I ad serenissimum ac potentissimum tzarum magnum Moscoviae ducem Petrum Alexiowicium anno 1698 ablegati extaordinarii descriptum a Joanne Georgio Korb*) (см. вкладку илл. № 9).

Проанализировав становление наиболее старых эмблем, часть которых позднее превратилась в территориальные и городские гербы, Н.А. Соболева предложила следующее описание «болгарской эмблемы»: 1) хищный зверь с поднятой передней лапой; «Печать болгарская» – большая государственная печать Ивана IV; 2) идущий зверь с поднятой передней левой лапой; «Печать болгарская» – саадачный покровец; 3) «Печать болгарская, на ней барс идущий» – большое гербовое знамя Алексея Михайловича; 4) идущий пятнистый зверь, вправо, по обеим сторонам рисунка буквы «П–Б» – тарель Алексея Михайловича; 5) идущий хищный зверь с хоругвью, влево; «Болгарский» – царский Титулярник; 6) Идущий ягненок с хоругвью, влево; «Bologaria» – рисунок И.Г. Корба.^[110]

Особо отметим и «Манифест о полном гербе Всероссийской империи», утвержденный 16 декабря 1800 г. императором Павлом I, в котором мы видим на гербе Болгарском в зеленом поле белого агнца с золотым сиянием около головы, в правой передней лапе которого также имеется Христианское знамя. (см. вкладку илл. № 10) ^[111]

Таким образом, опираться лишь на эти источники в изучении визуальных символов Болгарского царства явно недостаточно. Во-первых, они появились в то время, когда Волжско-Камская Болгария, как государство, уже давно не существовала. Во-вторых, как отмечает Н.А. Соболева, «учитывая личное участие Ивана IV во многих мероприятиях по оформлению истории

его деяний и даже в выборе сюжетов изобразительного искусства, можно утверждать, что в символике печатей нашли отражение образ мыслей и воззрения самого царя».^[112] То есть, изображенное на большой государственной печати животное можно рассматривать как искусственно привнесенный им образ, не имеющий ничего общего с символами власти Болгарского государства. В-третьих, сомнительно использование христианской символики в визуальных символах власти государства, основной религией которого еще с начала X века стал ислам.

Вместе с тем, наличие весьма примечательная трансформация образа: зверь из семейства кошачьих (по мнению большинства исследователей – барс) без каких либо атрибутов → животное-композит, идентифицируемое как барс или собака, с христианским знаменем → агнец с золотым сиянием у головы с хоругвью.

То есть, появление в лапе зверя из «Титулярника» христианского знамени, которого не было на печати Ивана Грозного, как олицетворение христианизации бывших территорий Болгарского царства, выглядит вполне логичным, если учесть высказанное Н.А. Соболевой предположение о расшифровке сюжетов на большой государственной печати с помощью Священного писания. В эту же логику вписывается и замена «барса» агнцем, который в христианстве символизирует распятие Христа, принесшего себя в жертву за грехи мира сего. Причем, символом искупительной жертвы агнец выступает не только в христианстве, но и в исламе. Кроме того, агнцами, то есть овцами, называли людей слабовольных и грешных, которые должны следовать за пастухом-пастырем.

Крайне ограниченный круг письменных источников, споры вокруг интерпретации указанных выше символов побуждают исследователей искать ответ на вопросы в памятниках материальной культуры.

Так, ряд современных исследователей доказывает, что символика Волжско-Камской Болгарии имеет глубокие исторические корни.^[113] Как отмечает И.Л. Измайлов, изучение новых историко-археологических материалов приводит к выводу о том, что и в Древней Руси, и в Волжской Болгарии существовала своя система знаков собственности и государственных символов. «Определенно можно констатировать, – утверждает исследователь, – что графическая символика древности, вобравшая в себя архаические

графемы и тамги, различные геометрические, зооморфные символы, представляет собой некую целостную систему».^[114]

Говоря о традиции тюркских народов иметь свое клеймо, В.И. Рогачев полагает, что она уходит корнями в древние времена (I тыс. н.э.)»^[115] и далее цитирует академика В.М. Жирмунского, много и плодотворно изучавшего мифологию тюркских народов: «Каждое племя (*огузов* – В.Р.) имело свое священное (тотемное) животное – птицу («онгон»), свою тамгу (клеймо для скота, т.е. свой герб)».^[116]

Среднее Поволжье известно богатством своих археологических памятников, испещренных разнообразными знаками, указывающими на земельную или иную собственность. Наиболее ранние из сохранившихся межевых знаков относятся к периоду существования Волжской Болгарии, то есть к IX–XIII вв. Имеются и более поздние знаки – периода существования Золотой Орды, Казанского ханства, активного освоения края Русским государством. Сохранились они и на территории Чувашии. Примечательно, что местные крестьяне продолжали пользоваться древними межевыми знаками вплоть до начала XX века.

В 1870–1881 гг. в Симбирском, Буинском, Тетюшском, Чистопольском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах проводилось выявление знаков собственности, которые затем были изданы Е.Т. Соловьевым, членом ряда российских ученых обществ – императорских археологического и географического, а также двух юридических, состоявших при Киевском и Казанском императорских университетах. Всего в книге приводится 6720 знаков, в том числе 978 тамг чувашей.^[117]

Крупнейший чувашский историк и археолог В.Ф. Каховский, занимавшийся также изучением родовых знаков чувашей, указывал на весьма широкое их применение: для обозначения земельных участков, личных вещей; они наносились на пастушеские бирки, могильные столбы (юпа), на кресты; на деревья в бортовых ухажаях и т.п. Однако, по мнению ученого, значение их в жизни было шире. «Тамги (*чуваш.* тамха – пятно, зарубка), – указывает В. Ф. Каховский, – служили для обозначения собственности родов и для каждого из них были постоянные».^[118] Они использовались мастерами в качестве клейм и наносились на изделия (керамику, металлические предметы и т.д.). Еще одно название тамги – знамя. Оно ставилось вместо собственноручной подписи рядом с именем и фамилией неграмотного человека, то есть выполняло функцию идентификации личности

через принадлежность к определенному роду, выраженную соответствующим уникальным знаком.

В.Ф. Каховский предпринял попытку их систематизации. Так, по мнению ученого, «чуваши́ские тамги представляют собой весьма разнообразные по смысловому значению и графическому воспроизведению знаки», которые условно можно разделить на три категории, включающие: 1) изображение орудий труда (плужные лемеха, грабли, вилы, сани, колеса и т.д.); 2) геометрические фигуры (угол, треугольник, прямоугольник, круг, полукруг, ромб, дуга, косые линии, зигзаги, кресты и т.д.); 3) знаки, идентичные буквам и цифрам алфавитов (древнекитайского, латинского, арабского, русского, а также орхонской рунической письменности).^[119]

На основе богатого археологического материала болгарской эпохи И.Л. Измайлов особо выделил группу болгарских знаков-тамг – так называемые «А»-тамги, «которые встречаются как на массовых изделиях (гончарная посуда) в виде клейм и прочерченных знаков, так и на социально престижных предметах (монеты, оружие) и межевых (пограничных) знаках» и приходит к заключению, что «подобные знаки являлись знаками правящего в Болгарии рода, маркируя его собственность и символизируя его суверенитет». Подобного рода знаки-тамги, подчеркивает исследователь, были широко распространены в средневековой Евразии и служили отличительными знаками правящего рода. В этом смысле Волжско-Камская Болгария не является исключением. «Все это заставляет считать, – утверждает он, – что Булгария имела развитую систему государственных символов, включая знак родовой и знак собственности рода болгарских эмиров».^[120]

Однако, отождествление клейма для скота с гербом, пусть даже личным (по В.М. Жирмунскому), или родовых знаков и знаков собственности, хотя бы и рода правящих болгарских эмиров, с системой государственных символов представляется спорным.

Геральдика, как знаковая система, в своем развитии прошла как минимум три этапа: эмпирический, классический и современный. Первый из них связан с созданием, так называемых, «догеральдических символов» – родовых тотемов, тамг и иных подобных им знаков, выполнявших функции принадлежности, персонификации, владения, оберега и др. Своим возникновением они обязаны стихийной деятельности, носившей утилитарный характер, а их функционирование обеспечивалось нормами

обычного права. Никто и никогда в древности не вел их учет и не пытался привести в некую систему, которая бы выражала чьи-либо интересы.

Классическая геральдика – это результат осознанной деятельности, направленной на формирование определенных правил с целью создания визуальных образов – гербов, позволяющих не только идентифицировать владельца, но и отражающих его особый статус, заслуги и т.д. То есть в основе классической геральдики лежит системный подход, который обеспечил ей устойчивое развитие и, в дальнейшем, закрепление в качестве особого института государства, регулируемого специальным законодательством, с назначением уполномоченных лиц, выполнявших учетные, контрольно-надзорные и иные функции.

Исследовавший функциональные характеристики тамги В. С. Ольховский отмечает, что «научное изучение тамг и тамгообразных знаков ведется уже более двух веков, и хотя достигнутые успехи несомненны, данная тема и многие связанные с ней проблемы все еще далеки от разрешения». Главную причину сложившегося положения он видит, во-первых, в отсутствии корректной и общепотребительной методики исследуемых знаковых систем (при наличии вполне приемлемых локальных разработок) и, во-вторых, в значительном разбросе мнений относительно роли и функций знаков, к числу которых относятся и тамги.^[121] Сам автор выделяет восемь возможных функций тамгообразных знаков: 1) знак принадлежности (этнической, коллективной), 2) знак владения 3) знак авторства 4) знак присутствия (территориального) 5) знак удостоверения (персонафикации) 6) знак покровительства и подчинения 7) хронологический показатель 8) оберег.^[122]

Как видим, тамги имеют много общего с функциями, присущими гербам. Но это не дает никаких оснований ставить знак равенства между ними, тем более возводить их в ранг «государственных символов» и отождествлять их с конкретным государственным образованием. Будучи знаком родовой или племенной принадлежности, тамга может рассматриваться лишь как древний догеральдический символ. Помещение же их на монетах, знаке престижности власти, – как полагает Н.А. Соболева, – напоминание о более древних представлениях о ней.^[123]

Кроме того, в выяснении вопроса о возможном использовании этих древних знаков в качестве государственных символов

Волжско-Камской Болгарии следует учитывать фактор принятия ею ислама еще на стадии создания государства.

Как отмечают Р.М. Мухаметшин и А.Р. Мухамадеев, с официальным принятием в начале X века ислама у волжских болгар отпала необходимость письменного закрепления норм обычного права, основанного на древнетюркских традициях. Усиление власти булгарского правителя происходило через внедрение и применение уже готового свода норм арабского мусульманского права на государственном уровне. Причем, в отличие от древнерусского государства, где на становление правового обычая как источника права также влияло возвышение роли христианской религии (православной церкви), и где этот процесс шел более плавно, как наслоение и наложение на нормы писаной Русской Правды, в Волжско-Камской Болгарии «прочная правовая база страны, регулирующая практически все стороны жизни общества и человека, основанная на законах шариата», сформировалась значительно быстрее – уже к концу X века.^[124]

Как следствие, отмечают исследователи, «тюркские руны отныне выполняют функции знаков символов, ими по большей части обозначались рода, племена, представители той или иной профессии. В этом отношении рунические тамги характерны и для последующих тюрко-татарских государств Среднего Поволжья, в частности, их можно встретить в материалах улуса Джучи, Казанского ханства и в более поздние времена».^[125]

Можно ли в этих условиях ставить вопрос об использовании немусульманской символики в качестве символов государства, правитель и большинство населения которого исповедовало ислам и всецело подчинялось законам шариата? Скорее всего, нет. Но это не исключает возможности их личного применения или, например, употребления в качестве регулятора отношений власти и подчинения в болгарском обществе, отношений собственности и прочих вопросов в соответствии со сложившимися древними традициями, отказаться от которых одномоментно было нельзя. Упомянутая выше терпимость ханафитского мазхаба к использованию местного обычного права этому не препятствовала.

Особо следует остановиться и на использовании животных в качестве образов власти. Первоначально, как отмечают Р.А. Авакова и С.Б. Бектемирова культ животных представлял собой первую грань, которую древний человек проводил между собой и миром природы, признавая еще ее господство, но уже не отожд-

дествляя себя с ней. При этом, несмотря на снижение его роли в духовной культуре в дальнейшем, анимализм всегда оставался тем смыслообразующим фоном, на котором формировались языковые и культовые стереотипы, поэтические образы и т.д.^[126]

В связи с усложнением социальной структуры общества и переходом от родового строя (с его добровольно признаваемым авторитетом первого среди равных) к феодальному (с его единоличным управлением) «определенные звери (помимо использования в геральдике) становились важными символами профанной и небесной власти в разных культурах».^[127] Наделявшиеся сверхъестественными свойствами различные животные в первую очередь были призваны олицетворять особые качества носителя власти. С окончательным утверждением социального неравенства распространять эти образы на своих подданных означало бы принижать собственный статус.

Кроме того, как представляется, в утверждениях о наличии у волжско-камских болгар «развитой системы государственных символов» имеет место перенесение современных представлений о государстве и его институтах на эпоху, которая в принципе не оперировала ставшими привычными для нас понятиями, в том числе и такими как государственная символика. Для основателя болгарского государства эльтебера Алмуша, являвшегося, как уже указывалось, сюзереном вассальных ему представителей родовой аристократии, превращавшихся в феодальную верхушку, подвластная ему территория была его владением (*possessio*) в полном объеме и в полном смысле слова, что и подкреплялось с помощью определенных знаков и символов, утвердившихся в болгарском обществе.

С учетом изложенных факторов, вряд ли корректно применять такие понятия, как государственный герб или государственный флаг по отношению к Волжско-Камской Болгарии. Очевидно, следует различать государственные символы и символы власти. Использувавшаяся символика, в том числе туги (знамена) и тамги, могла быть лишь традиционным средством трансляции власти правителя, а не символами всего государства.

Не менее существенным представляется и тот факт, что, как было показано выше, в системе управления поведением (в общественных отношениях, в военном деле, в религиозной сфере) главным регулятивным фактором выступал туг, игравший несравненно большую роль, чем тамги, графемы и подобные им знаки, задействованные, в основном, в сегменте общественных

отношений. На это в свое время указывал М.Г. Рабинович, подчёркивавший, «что знамена во все времена и у всех народов играли большую роль как в военном, так и в мирном общественном быте, символизируя единство (а иногда и общее происхождение) определенной группы людей, их честь и славу».^[128] Явно неслучайным было преподнесение знамени багдадскому халифу ал-Муктадиру в качестве одного из подарков болгарскими представителями в 932 году.

Таким образом, специфику потестарной символики, использовавшейся болгарскими правителями в период зарождения государственности Волжско-Камской Болгарии, определял синтез древнетюркских кочевнических традиций и проникавшей в ее культуру исламской потестарной атрибутики. Связывая свое будущее с мусульманским миром, фактический создатель Болгарского государства Алмуш, рассчитывал, прежде всего, на покровительство Багдадского халифата. Кроме прочих составляющих данного политического союза, о которых пишут исследователи, для него, очевидно, не менее важным моментом являлся отказ от образа, с которым традиционно отождествлялся мир кочевников. Это означало выстраивание новой системы координат, направленной, во-первых, на консолидацию союза болгарских племен, не все из которых разделяли устремления Алмуша, и, во-вторых, на укрепление центральной власти и создание в конечном итоге независимого государства. При этом новые символы власти, соответствующие исламской традиции, должны были играть здесь не последнюю роль.

Вместе с тем, «несмотря на то что ислам вызвал невиданный в истории Востока интегрирующий духовный импульс, — указывает Н.С. Терлецкий, — его стремительное распространение в первые века своего существования не давало ему возможности мягко и быстро адаптировать под себя местные условия, и даже после утверждения «нормативной» мусульманской доктрины на периферии халифата (VIII–X вв.) ее «нивелирующей силы» не было достаточно для того, чтобы заместить и тем более упразднить издревле бытовавшие обычаи и культы». Более того, как полагает исследователь, «господство развитой религиозной системы, в частности ислама, не исключает на определенных стадиях развития параллельного существования реликтов более ранних форм религии».^[129]

В вопросе о влиянии ислама на чувашские племена в составе Волжско-Камской Болгарии, представляется весьма важным

наблюдение венгерского этнографа и антрополога Д. Мессароша, изучавшего в начале XX столетия воздействие ислама на чувашские языческие верования: «<...> Исследования языческой веры чувашей показывают, что большая часть народа когда-то была мусульманами, но в результате позднейшей неблагоприятной политической ситуации связь между ними и мусульманским миром прекратилась, и в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством».^[130]

Постигшее в 1236 г. разорение Волжско-Камской Болгарии в результате монгольского нашествия, а затем и полное подпадение под власть завоевателей, уничтожение болгарской элиты и снижение статуса оставшейся части болгарской верхушки привело если не к полному вытеснению сложившейся в государстве системы символов власти, то к значительному сужению сфер ее применения. Вместе с тем, как показывают различные источники, в целях коммуникации, идентификации личности, обозначения собственности и т.д. продолжали использоваться тамгообразные знаки и графемы.

В условиях монголо-татарского господства, как полагает В.Д. Димитриев, завоеватели использовали болгарскую знать для управления марийцами, удмуртами, коми, в частности, для сбора с них дани, так как не любили заезжать в лесные районы и не знали финских языков.^[131] При этом ее представители могли пользоваться лишь теми властными атрибутами, которыми наделала их золотоордынская администрация.

Покорение Волжско-Камской Болгарии существенным образом повлияло и на состав чувашской элиты, которая после завоевания состояла лишь из сотных, десятных и незначительного количества окружных князей, подчинявшихся представителям ханской власти. Истребление значительной части высшего слоя чувашской знати в период с середины XIII до начала XV вв. привело к ее ослаблению.^[132]

Золотая Орда просуществовала сравнительно недолго – около 200 лет. Этого времени оказалось недостаточно для складывания самостоятельной культуры государства, формирования единого народа. Под ударами Тимура, а затем и русских войск она пала. В результате наступившего упадка из Орды выделилось несколько разноэтнических ханств: Астраханское, Казанское, Крымское, Сибирское, а также Ногайская и так называемая Большая Орды. Их экономика была различной. Так, образовав-

шееся на бывшей территории Волжско-Камской Болгарии Казанское ханство было фактически земледельческо-торговым государством.^[133]

Как утверждает В.Д. Димитриев, вторая половина XIV – начало XV вв. были периодом полного опустошения Болгарской земли и геноцида болгаро-чувашей, а также переселения в Приказанье, Заказанье и на территорию нынешней центральной и северной Чувашии оставшихся в живых «худых болгар» – в основном сельского населения. В составе Казанского ханства к середине XVI в. и завершилось формирование чувашской народности, сохранившей хозяйственный опыт, быт, материальную и духовную культуру, язык болгарско-древнечувашской народности, и впитавшей в свою среду часть марийского населения.^[134]

Мало что изменилось в статусе весьма малочисленной чувашской феодальной верхушки с приходом русской администрации. Как указывает В.Д. Димитриев, на протяжении XVI–XVII вв. он постепенно деградировал. Длительная борьба с сепаратистскими феодальными движениями в Среднем Поволжье побуждала царское правительство к принятию различных превентивных мер, в том числе к русификации местной знати, ее подкупу или запугиванию и, по возможности, низведения до положения тягового сословия. В итоге, царским указом от 28 января 1698 г. большинство тарханов и мурз из чувашей, мордвы и марийцев было переведено в число ясачных крестьян.^[135]

«Когда чувашами была полностью утеряна государственность, – отмечал академик РАО Г.Н. Волков, – общественная жизнь, в основном, оказалась загнанной в семейно-родовую сферу».^[136] Именно в этой среде продолжали сохраняться вековые традиции чувашского народа, среди которых особое место занимает чувашская национальная вышивка, по праву считающаяся квинтэссенцией космогонических представлений чуваш об окружающем мире и воплощающая в себе их духовное богатство и художественную культуру.

Ее значение в жизни народа невозможно переоценить. Как подчеркивал Г.Н. Волков, «чуваш на свет появлялся, жил и умирал в постоянном окружении вышивок: узорами украшали чепчик малютки, колыбель разукрашивали орнаментами, шестисемилетняя девочка начинала вышивать, двенадцати лет она могла дарить свои рукоделия и даже пробовать изобретать свои рисунки <...>; свадьба была персональной выставкой вышивок невесты, орнаменты были на орудиях труда, умершего клали в

гроб в вышитой рубахе, на могиле ставили разукрашенный чувашскими орнаментами дубовый столб».^[137]

Обратив внимание на исследование Д.К. Валеевой «Искусство волжских болгар (X – начало XIII вв.)», в котором она пришла к выводу об абсолютном преобладании мотивов не мусульманского, а языческого орнамента, В.Д. Димитриев указывал на то, что болгарский орнамент широко представлен в чувашском народном искусстве.^[138]

В элементах чувашской вышивки присутствуют знаки древней рунической письменности, родовые знаки и символы. Смысловое значение орнаментальных изображений подпитывалось народной мифологией, мировоззрением и особой сакральной символикой. Ведь изначально вышивавшийся на одежде геометрический орнамент был призван оберегать владельца от темных сил, и только значительно позже вышивка стала использоваться как декоративный элемент одежды. Причем, чем выше был социальный статус владельца такой одежды, тем богаче она расшивалась, что, очевидно, позволяет говорить и о присутствии потестарных образов в национальной вышивке, пришедших из глубины веков.

Отличительной чертой чувашской национальной вышивки является ее цветовая гамма: прежде всего, сочетание красного и черного цветов с вкраплениями жёлтого, зелёного, голубого и др. На ее характерные цвета обращали внимание многие исследователи. Так, П.С. Палас, описывая одежду чувашских женщин, указывал: «Одеяние у них <...> вышито пестрою, наипаче синею, красною и черною шерстью».^[139] Академик Г.-Ф. Миллер, посвятивший специальное исследование проживавшим в Казанской губернии марийцам, чувашам и удмуртам, писал: «Все вышеупомянутые народы больше синий и красный цвет в платье любят».^[140] (см. вкладку илл. № 11–14)

Свое восхищение чувашской вышивкой выразил известный в 1920–1930-е годы советский писатель Н.К. Костарев в очерке «Милая Чувашия»: «Мягкие и нежные старинные чувашские тёрё, вышивки, напоминают то вьющийся золотисто-желтый ручеек, то темно-зеленую елочку, то зеленые лягушечьи лапки, то черные крылья мельницы... А на сурбане у женщины, на спинном полотенце, можно увидеть бараний рог цвета морены... Удивительное разнообразие рисунка пронесла чувашская женщина через столетия, через темень и дым курной избы. Она раз-

вивала искусство вышивки, черпая мотивы из окружавшего ее мира природы, домашнего быта».^[14]

На протяжении не одного столетия, олицетворяя богатство народной культуры, вышивка служила и способом самоидентификации, так как была уникальна у каждой мастерицы и никогда не повторялась другими. Кроме того, по характеру одежды, в том числе по используемому орнаменту, можно было, например, отличать верховых и низовых чуваш.

Приведенные сведения ни в коей мере не могут быть отнесены к той геральдической системе, которая сложилась в Западной Европе. Однако, все сказанное, безусловно, заслуживает внимания с точки зрения последующих творческих поисков, связанных с созданием государственных символов Чувашии на основе собственных национальных традиций чувашского народа. Родовые знаки, орнамент и прочие столь важные атрибуты повседневной жизни чуваш не могли не быть востребованными, когда у чувашского народа появился исторический шанс обретения своей государственности.

1.2. Создание и развитие государственных символов Чувашии в советский период

Ст. 86. Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика имеет свой государственный герб и флаг.

Из главы 13 «О гербе, флаге и местопребывании правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики» Конституции (Основного Закона) Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. 1926 г.

В становлении и развитии государственной символики Чувашской Республики отчетливо прослеживаются четыре этапа: 1918–1920 гг., 1920–1931 гг., 1931–1990 гг. и современный – с 1990 г.

Первый из них связан с событиями Великой российской революции 1917 г., в первую очередь, с принятой буквально через неделю после прихода к власти большевиков «Декларацией прав народов России». Ставшая программным документом самоопределения народов, она подняла небывалую волну национальных движений, в том числе и среди чувашского населения.

Вместе с тем, смена политического строя предопределила и смену символического пространства, которое открывало новые возможности не только для реализации чаяний многочисленных народностей, населявших страну, но и их материализации в виде символики, «апеллирующей к архетипам и ожиданиям масс».^[1]

Впервые о необходимости разработки национальных символов было заявлено на Общечувашском национальном съезде, проходившем в Симбирске 20–28 июня 1917 года. В резолюции по национальному вопросу, в частности, указывалось: «3. В целях объединения чуваш Съезд находит необходимым немедленно приступить к созданию национального флага и значка чувашского общества; флаг с одной стороны д[олжен] б[ыть] цвета наиболее чувашами любимого в древности и более распространенного в настоящее время, с национальными рисунками и узорами; другая сторона флага должна по цвету и рисункам выражать идею наступления эры национальной свободы для чуваш и начала культурно-национального объединения и возрождения

их; флаг должен быть по рисунку настолько прост, чтобы его могли делать и разрисовать крестьянки-чувашки; значок должен иметь инициалы «Ч.Н.О» (Чувашское Национальное Общество)». Съезд поручил Правлению ЧНО образовать из чувашских художников и лиц, «хорошо знакомых с национальным духом чуваш» особую комиссию, которой было предложено разработать проект флага и значка «после тщательного изучения национальных вкусов и особенностей чуваш». [2]

Хотя формально в документе говорится о национальном, а не о государственном флаге, а также о значке общественной организации, значение этой инициативы трудно переоценить. Особо обращает на себя внимание побудительный мотив решения – «в целях объединения чуваш», что позволяет говорить о данном событии как об отправной точке в поиске общенациональных символов, олицетворяющих единение чувашского народа, тогда еще территориально разобщенного.

В связи с указанным поручением съезда заслуживает внимания еще один пункт данной резолюции, в котором отстаивалась необходимость защиты национальных обычаев: «Съезд выражает протест по поводу ведущейся среди чуваш агитации, откуда бы она ни исходила, против сохранения национального языка, обычаев, обрядов, костюмов, увеселений, песен, игр и т.п., так как в них находят выражение дух и особенности нации, и вне которых нация, как таковая, и существовать не может». [3] Таким образом, в разработке будущей символики изначально этническая составляющая доминировала над политической.

Вопрос о создании национального флага был поднят вновь на Первом Всероссийском чувашском военном съезде, проходившем в Казани в январе-феврале 1918 г. На его заседании от 30 (17 по ст. ст.) января В.Н. Абрамов-Иревли предложил «обсудить вопрос об образовании национального флага». Его разработку съезд поручил национальной комиссии. [4] На заседании от 4 февраля (22 января) был заслушан вопрос о результатах сбора средств на эти цели. В специально созданный фонд поступило 610 рублей, собранных в результате проведения лотереи и организации спектакля. Также была избрана Комиссия по выработке проекта национального флага, в которую вошли Д.П. Петров (Юман), В.Н. Абрамов-Иревли, Ефремов и Васильев. [5]

Сохранился протокол ее заседания, содержащий не только ход обсуждения проектов, но и некоторые данные о внешнем облике предлагавшейся для рассмотрения символики. Документ

не датирован. Вероятнее всего комиссия заседала 5 февраля (23 января), так как если бы она собралась накануне – во второй половине дня 4 февраля (22 января) после окончания работы съезда,^[6] – то результаты ее работы могли быть доложены съезду уже на следующий день. Однако, принятие флага состоялось 6 февраля (24 января) 1918 г.^[7]

Надо полагать, что проекты были разработаны еще до образования комиссии. В противном случае у участников конкурса было бы слишком мало времени на их подготовку. Причем, судя по тексту, разрабатывались не только эскизы флага, но и герба.

Обратимся к тексту протокола: «Председателем выбран Дм[итрий] Петр[ович] Петров, который высказывается, чтобы знамя было возможно проще с помещением национальных узоров и, кроме того, было б помещено зеленый цвет (*так в тексте – В.Т.*). Художник И. Максимов заявляет, что зеленый цвет на знамени необход[имо] поместить и добавляет, что нужно поместить белый (с желтоватым от[т]енком) цвет и национальные узоры. Между прочим, художник Максимов представляет проект знамени, выработанный художниками Максимовым, Федоровым и Васильевым. Было еще представлено худ[ожником] Ефимовым три (3) проекта. Главное внимание комиссия уделила на проект, представленный худ[ожником] Максимовым.

Комис[с]ия просила, чтобы знамя говорило б о характере и вере народа (чувацкого). Д. Петров предлагает высказаться авторам проектов. По ознакомлении [с] проектами, Комиссия большинством голосов принимает проект знамени Максимова и др. Петров просит разрешить: знамя должно быть одностороннее или двухстороннее, и большинством голосов принимается – одностороннее. Петров заявляет: «Нет ли желающих сделать добавления к проекту Максимова». Комиссия высказывается, чтобы на знамени было изображ[ение] солнца. Федоров заявл[яет], что солнце можно поместить в углу зеленого цвета, что и принимается Комиссией. Были прения по поводу герба. Высказывались за сложность этого герба, но по заявлению худ[ожника] Максимова, что герб для деревни будет печатываться (*так в тексте – В.Т.*) – Комиссия принимает. Комиссия высказалась, чтобы узоры на всех знам'ях (*так в тексте – В.Т.*) были одинаковы. Древко было бы цвета дубовой древесины, что и принимается. Комиссия просила Максимова представить съезду более обработанный проект.

Петров просит, нет ли еще каких-либо заявлений, но никаких заявлений не было и комиссия закрывается».^[8]

Хотя формально комиссия сделала свой выбор в пользу проекта И. Максимова, 6 февраля (24 января) 1918 г. делегатам съезда было предложено выбрать наилучший вариант национального флага из выставленных художниками проектов. После обсуждения таковым был признан флаг, разработанный И. Максимовым.^[9]

На этом же заседании было принято еще одно важное решение, связанное с использованием флага. Так, после обсуждения доклада военной комиссии, в котором говорилось «о важности формирования чувашских полков», съезд, в частности, постановил: «2. Знамя полка – национальное же знамя написанное красными буквами название полка».^[10]

В процитированных документах обращает на себя внимание одна деталь: и участники обсуждения, и делегаты съезда не видели разницы между флагом и знаменем, используя оба понятия в одном контексте.

Несмотря на то, что вопрос о национальном гербе в документах съезда официально не ставился, на утреннем заседании съезда 12 февраля (30 января) 1918 г. председательствовавший на нем Д.П. Петров проинформировал делегатов «о комиссии по выработке Чувашского Национального Герба» и сообщил о невозможности закончить работу до закрытия съезда. В результате было решено «передать это дело Центральному Совету «Канаш»».^[11]

Дальнейшая судьба этих атрибутов неизвестна. Сведений об их применении и степени распространения среди чувашского населения не имеется.

На данном этапе мы сталкиваемся и с первым опытом использования советской политической символики среди чувашей. В корреспонденции А.П. Прокопьева-Милли «Первое организованное участие чуваш в торжестве пролетарского праздника по поводу годовщины Октябрьской революции (Из Казани)» сообщалось: «Чувашский пролетариат в лице служащих и ответственных работников в чувашских советских учреждениях, коммунистического комитета и представителей Комитетов деревенской бедноты торжественной процессией в честь годовщины Октябрьской революции участвовал в следующем порядке: первым шел Чувашский Коммунистический комитет в лице членов бюро комитета, вторым Чувашский подотдел политического от-

дела штаба Восточного фронта, третьим – центральные подотделы Чувашского отдела при Народном комиссариате Национальностей и четвертым – Чувашский отдел при Казанском губернском совдепе. На плакате Коммунистического комитета был изображен символ солидарности чувашского пролетариата с городским пролетариатом в виде подачи рук друг другу углекопа чувашину-кулеткачу. На плакате Чувашподотдела Политического отдела штаба Восточного фронта был изображен красноармеец чувашин в момент прощания его со своим семейством и родными. На остальных двух плакатах были картины, касающиеся крестьянского быта».^[12]

«В России после Февральской революции, – отмечает Н.А. Соболева – использование подобных образов – фигур тружеников с орудиями труда (рабочих, крестьян, солдат) – становится нормой, особенно на знаменах и при оформлении праздничных шествий. Символы рабочей профессии являлись чуть ли не обязательным элементом оформления подобных шествий».^[13]

Бурные процессы размежевания политических сил России завершились победой большевистской идеологии, в том числе и в вопросах политической, государственной и прочей символики. В этих условиях любые попытки проявлять излишнюю самостоятельность на местах вызывали подозрительность центра. Достаточно вспомнить, что Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), действовавший с октября 1917 – по апрель 1924 гг., возглавлял И.В. Сталин.

Весьма показательной в этом смысле стала судьба так называемого «Чувашского гимна», написанного в январе 1918 г. студентом Казанского университета и руководителем чувашского хора Т.Д. Алексеевым под впечатлением от происходивших в стране революционных событий. Музыкальной основой этого гимна-песни стало произведение А.Т. Гречанинова «Да здравствует Россия, Свободная страна» (более известное как «Гимн свободной России»), созданное и ставшее чрезвычайно популярным в дни февральской революции.

Его первое исполнение связано с еще одной яркой страницей истории культуры чувашского народа – рождением национального театра. 27 января 1918 г. в зале Казанского женского медицинского института (бывшего купеческого собрания) состоялась премьера первого чувашского спектакля по пьесе А.Н. Островского «Не живи, как хочется», восторженно приня-

того публикой. Праздничное настроение, царившее после представления, было подхвачено хором под управлением Т.Д. Алексеева, принимавшим участие в массовых сценах спектакля, после которого музыкальный коллектив выступил с концертом.^[14] Он исполнил народные песни, а также только что написанный его руководителем «Чувашский гимн».

Стихотворение на чувашском языке, положенное на музыку известного в России композитора было сразу же восторженно принято зрителями. В дальнейшем гимн исполнялся на каждом выступлении хора. Его популярность была столь велика, что на протяжении всего 1918 года он включался в программу вечеров, спектаклей, устраиваемых Пролетарскими клубами, культурно-просветительскими кружками и ячейками сочувствующих коммунистам для чувашского населения. Однако, в апреле 1919 г. Чувашский отдел при Наркомнаце своим постановлением признал это произведение носящим «чисто шовинистический характер» и запретил его исполнение. В документе, подписанном заведующим отделом Д.С. Эльменем и заведующим подотделом связи и иногородним А. Васильевым, указывалось: «Полагая, что исполнение означенного «гимна» среди чувашской бедноты и трудовых масс не должно иметь места и что у трудящихся всего мира должен быть один общий гимн – Интернационал, Чувашский Отдел в целях пресечения узкого национализма постановил: изъять из употребления среди чувашского населения вышеупомянутый гимн. Всем уездным, волостным и сельским Совдепам среди чувашского населения наблюдать за точным исполнением настоящего постановления».^[15]

Начало второго этапа связано с обретением чувашским народом своей государственности. Официально Чувашская автономная область (АО) стала функционировать с 6 июля 1920 г. В переходный период – до создания постоянно действующих органов государственной власти – управление областью осуществлял Революционный комитет Чувашской АО, образованный на базе аппарата Чебоксарского уездного исполнительного комитета. Он организовал прием уездов и волостей, отнесенных к области согласно Декрету от 24 июня 1920 г. «Об Автономной Чувашской области». Всего в состав нового образования вошли 17 волостей Чебоксарского, 19 волостей Цивильского и 20 волостей Ядринского уездов. Территория области к началу 1921 г. составила 10 тыс. квадратных верст, а население – свыше 805 тыс. человек.^[16] Первый областной съезд Советов, проходивший

в Чебоксарах с 7 по 11 ноября 1920 г., избрал постоянный орган государственного управления, сменивший ревком, – Исполнительный комитет Советов Чувашской АО.

Первоначально на бланках и печатях сначала областных, а с апреля 1925 г. и республиканских органов власти использовалось изображение Государственного герба РСФСР, одобренного ВЦИК 20 июля 1920 г. и закрепленного Конституцией РСФСР 1925 г., вокруг которого были воспроизведены названия автономной области (позднее – республики) и соответствующего учреждения на чувашском и русском языках. (см. вкладку илл. № 15–17)

Преобразование Чувашской автономной области в республику и необходимость разработки ее конституционных основ побудили местные органы власти инициировать и процесс создания государственных символов. Так, 3 сентября 1925 г. при Президиуме ЦИК Чувашской АССР была образована специальная Комиссия по выработке Конституции республики в составе: помощника прокурора А.А. Андреева (председатель), заместителя председателя ЦИК А.Х. Харитонов, члена ЦИК М.Ф. Спиридонова, заведующего оргчастью ЦИК [А.П.] Сорокина и представителя Профсовета [М.С.] Евграфова.^[17] Позднее в ее состав был включен прокурор Ф.С. Степанов.^[18] Очевидно с подачи комиссии (протоколов ее заседаний выявить не удалось) 25 ноября 1925 г. ЦИК Чувашской АССР направил в Общество изучения местного края письмо, в котором предлагал представить эскизы государственных герба и флага. На заседании совета общества была образована комиссия в составе М.П. Петрова (Тинехпи), Н.И. Ванеркке и А.А. Андреева, которым и была поручена эта работа.^[19]

Вопросы разработки Основного Закона находились под пристальным партийным вниманием. Бюро Чувашского обкома РКП(б), заслушав 1 декабря 1925 г. доклад комиссии по выработке Конституции Чувашской АССР, создало свою «специальную партийную комиссию» для рассмотрения проекта этого главного для республики документа. В нее вошли С.А. Коричев (председатель), [А.А.] Андреев, Г.М. Михайлов, В.И. Краснов, Л.М. Лукин. Ей также было поручено «обсудить вопрос о гербе и флаге».^[20]

Для понимания логики развития последующих событий выделим факторы, оказавшие влияние на принятие важнейших решений по вопросам государственной символики. Прежде все-

го, необходимо отметить, что в этот период Чувашия переживала высочайший духовный подъем. Весьма точно отразил происходившие в республике события в своем очерке «У чувашей» молодой советский писатель Н.Ф. Погодин, побывавший в Чувашии в 1925 году: «Каждого свежего человека, впервые попадающего в Чебоксары, в этот «Древний город», отличающийся от большого торгового села только тем, что здесь старая Русь как-то умудрилась выстроить 17 церквей и один монастырь на три тысячи прежних горожан, всегда поразит одно: это весенний, молодой, большой культурный подъем. Культурный подъем пробуждающейся народности. Здесь следуют одна за другой лекции. Читают по-русски об истории чувашей, дискусируют о чем-то по-чувашски, кропотливо устанавливают свое древнее происхождение, впервые изучают свой язык, собирают народные национальные песни. Какие-то трудолюбивые люди по ночам копаются в старых книгах и древних грамотах, пишут доклады. Спешат. Бросается в глаза эта энергичная торопливость, – скорее, как можно скорее заполнить пробел столетий. В этой торопливости чувашей чувствуется сердце народа, забившееся впервые в национальном самосознании».[21]

Действительно, с момента образования автономной области в Чувашии произошел колоссальный всплеск научно-исследовательской деятельности. Так, 9 ноября 1920 г. I съезд Советов Чувашской АО принял постановление о создании в Чебоксарах Центрального чувашского музея с филиалами в городах и крупных населенных пунктах области.[22] Не осталась в стороне от дела изучения прошлого чувашского края и коллегия отдела народного образования Чувашской АО, которая 11 января 1921 г. приняла решение о срочной организации в области курсов «по изучению краеведения и чувашского языка».[23] Через месяц – 13 февраля – в Чебоксарах открылся Чувашский национальный музей,[24] а еще через месяц – 17 апреля – на торжественном собрании представителей партийных и советских органов, учебных заведений состоялось открытие Общества изучения местного края (ОИМК), в которое в этот же день записался 51 человек.[25] Среди его членов были руководители области Д.С. Эльмень и С.А. Коричев.

Под влиянием всеобщего энтузиазма, царившего в Чувашии в деле культурного подъема, в Казани создается центральная пролетарская организация учащихся-чуваш, ставившая перед собой задачи изучения языка, литературы, истории, археологии, этно-

графии, экономического состояния чувашского народа, пополнения экспонатами национального музея, развития искусства.^[26]

В экономически тяжелый для Чувашской АО 1921 год областной отдел народного образования и Центральный чувашский музей организовали сразу две археологические экспедиции во главе с профессором Казанского университета В.Ф.Смолиным – в Пиляры и Сувары, и в район с. Абашево.^[27] Именно им мы обязаны открытием ставшей всемирно известной абашевской первобытной культуры.

Ярким научным событием для республики стало выступление 20 июля 1924 г. крупнейшего отечественного антрополога профессора Б.Н. Вишневого с докладом «О целях и задачах антропологического изучения чуваш» и выдающегося чувашского фольклориста, писателя и историка Г.И. Комиссарова с докладом «Об археологических достопримечательностях Чувашобласти» перед слушателями областных курсов по переподготовке работников просвещения и членами Общества изучения местного края. В мероприятии, проходившем на лоне природы на левом берегу Волги, приняло участие около 70 человек.^[28] В августе того же года перед членами общества выступил профессор Н.В. Никольский с докладом «Ближайшие очередные задачи по изучению местного края», в котором он сделал обстоятельный обзор архивных источников, содержащих сведения по истории Чувашии и чувашского народа.^[29]

Подобная тенденция сохранилась и в период, когда началась работа над Конституцией и созданием первых государственных символов Чувашии. Так, 30 июня 1925 г. состоялось объединенное заседание четвертой сессии Исполкома Чувашской АССР и Общества изучения местного края, на котором был заслушан доклад академика Н.Я. Марра «Чуваши как наиболее в чистом виде сохранившийся народ яфетической группы».^[30]

23 июля 1925 г. в помещении летнего театра перед членами ОИМК и жителями города с докладом о проведенных археологических раскопках курганов-могильников у с. Абашево выступил профессор В.Ф. Смолин.^[31] Позднее (протокол заседания не датирован) он же выступил на общем собрании общества по теме «Основы краеведения».^[32]

Богатым на события оказался и 1926 год. Так, 28 марта на общем собрании членов ОИМК с участием 109 человек был заслушан доклад В.Ф. Смолина «Первобытные насельники Чувашского Края».^[33] 15 июля 1926 г. на объединенном заседании ЦИК

и СНК Чувашской АССР обсуждался доклад академика Н.Я. Марра о мероприятиях по изучению чуваш.^[34] В течение года Обществом изучения местного края совместно с Наркоматом просвещения Чувашской АССР в республике были организованы сразу 8 экспедиций: геологическая, под руководством профессора Б.И. Горизонтова; зоологическая, под руководством профессора Н.А. Ливанова; ботаническая, под руководством профессора А.Я. Гордягина; педологическая, под руководством профессора Я.Н. Красникова; лингвистическая, под руководством академика Н.Я. Марра; антропологическая, под руководством профессора Б.Н. Вишневого; две археологические, под руководством профессоров В.Ф. Смолина и П.П. Ефименко.

И это всего лишь часть событий научного и просветительского характера, произошедших в очень сжатый хронологический отрезок! Постоянные контакты с виднейшими представителями отечественной науки в немалой степени способствовали и более широкому приобщению к изучению края чувашской интеллигенции. Впервые за столетия на уровне массового сознания чувашский народ в полной мере ощутил не только самобытность своей культуры, но и древность корней. Не случайно местными краеведами (Д.П. Петровым-Юманом, М.П. Петровым (Тинехпи), А.П. Прокопьевым-Милли и др.) был проявлен особый интерес к истории Волжско-Камской Болгарии. В своих работах они пропагандировали утверждение о том, что чувашаи являются единственными, прямыми и чистыми потомками волжско-камских болгар и изображали болгарский период как «золотой век» в истории чувашского народа. Была даже развернута кампания по переименованию чувашей в болгар, а Чувашскую АССР предлагалось назвать «Болгарской».^[35]

Особо следует отметить инициативу одного из основоположников чувашского профессионального изобразительного искусства М.С. Спиридонова по собиранию материалов по чувашскому национальному орнаменту. Именно в 1920-е годы художник ездил по чувашским деревням, зарисовывая и вышивая у крестьян украшенные вышивкой вещи. Собранный им богатейшая коллекция утвари, старинной одежды и образцов ткани с вышивкой стала основой отдела народного творчества в Чувашском национальном музее, который он возглавлял с 1921 года.

Представляется, что в первую очередь под влиянием перечисленных факторов создавалась государственная символика молодой Чувашской республики, одно из центральных мест в

которой закономерно заняли национальные мотивы. Именно чувашская национальная вышивка, являвшая собой воплощение духовной и материальной культуры чувашского края, стала доминантой в поисках символов, которые должны были олицетворять государственность обретшего самостоятельность народа.

Принятая 31 января 1926 г. на I (VI) учредительном съезде Советов Чувашской АССР Конституция Чувашской АССР^[36] впервые зафиксировала наличие у республики собственных Государственного герба и Государственного флага. Так, в статье 86 Основного Закона республики указывалось: «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика имеет свой государственный герб и флаг».^[37]

Но на данном этапе окончательное решение о внешнем облике государственных символов не состоялось. Выступая с разъяснениями положений Конституции Чувашской АССР, прокурор республики М.Ф. Степанов отмечал: «Герба и флага у нас еще нет, но мы определенно в статье говорим, что герб и флаг свой, как Республика, мы должны иметь. Прежде всего, нужно заметить, что это статья неполная, должно быть описание самого герба и флага. Но это – вопрос будущего, поэтому ограничиваемся только одной нашей статьей, которая говорит, что мы, как автономная Республика, имеем этот герб и флаг <...>».^[38]

Между тем, отсутствие главных государственных символов не повлияло на изготовление для членов ЦИК Чувашской АССР специального удостоверения с помещенной на его внутренней стороне геральдической эмблемой и специального значка в виде флажка. Так, уже 5 февраля 1926 г. постановлением Малого Президиума ЦИК Чувашской АССР «О членских книжках и значках для членов ЦИК Чувашской АССР» было установлено следующее описание знака: «Значок из серебра, имеет форму флажка, на лицевой стороне имеет следующие изображения: а) древце и флажок покрыты горящей красным пламенем эмалью: вдоль флажка по краям красного цвета с золотыми чувашскими узорами, по середине флажка белая полоска (холст), вдоль флажка с надписью золотом на чувашском языке: «КСЪР ЁТТК», что по-русски означает: «ЦИК ЧАССР», у древца с нижнего угла белой полоски изображение солнца золотом с лучами, освещающими надпись. Древце и края значка окаймлены золотом. На оборотной стороне значка имеется порядковый № значка». Интересно условие его изготовления – «не подражать значку членов ВЦИК и выработать оригинальный значок, изобра-

жающий братский Союз чуваш трудящихся с русским пролетариатом». Чувашскому представительству в Москве было поручено заказать изготовление членских книжек.^[39] (см. вкладку илл. № 18–19)

Хотя в постановлении говорится лишь о документе, надо полагать, что представительством был заказан и значок. Так, на его оборотной стороне имеется два клейма: Московского окружного пробирного управления с пробой металла и Высших художественно-технических мастерских – «ВХТМ». Размер знака, выполненного из серебра с позолотой и эмалью, составлял 26,7×31,0 мм.^[40]

Описания удостоверения и, соответственно, геральдической эмблемы на внутренней стороне удостоверения члена ЦИК Чувашской АССР в указанном постановлении Президиума ЦИК не имеется. Вопрос о ее происхождении пока остается открытым. Она представляла собой белый (серебряный?) круг, окаймленный с внешней стороны орнаментом. По его внутреннему кольцу был помещен следующий текст: в верхней части черным шрифтом – «КАНАШ СОТЦИАЛ. ЪАВАШ. РЕСПУБЛИК.» (Чувашская Советская Социалистическая Республика); в нижней части красным шрифтом – девиз-лозунг «ПЕЪЕМ ТЕНЦЕРИ ПРОЛЕТТАРИСЕМ ПЁРЛЁШ» (Пролетарии всех стран, соединяйтесь!). В центре окружности, увенчанной красной пятиконечной звездой, на фоне восходящего солнца были изображены скрещенные серп и молот, окруженные слева (от зрителя) – колосьями пшеницы, справа – шестеренкой.

Наличие на эмблеме названия Чувашской республики позволяет рассматривать данное изображение как один из возможных прототипов ее государственного герба. Очевидно, таким же прототипом государственного флага мог быть и значок члена ЦИК Чувашской АССР. Его сравнительный анализ с аналогичными атрибутами представителей власти других национальных регионов страны позволяет говорить об уникальности его изображения. (см. вкладку илл. № 20–22)

Вместе с тем, необходимо отметить одну важную деталь, которая в дальнейшем, возможно, сыграла решающую роль в судьбе национально-государственной символики республики. Дело в том, что и в эмблеме на удостоверении, и на значке члена ЦИК использован белый фон, который в соответствии с правилами геральдики и вексиллологии обозначает металл – серебро. Если строго следовать этим правилам, то нельзя накладывать

металл на металл и финифть на финифть. Так, например, в значке нельзя было помещать золотое солнце на серебряном (белом) фоне, но золотой орнамент на красной финифти – можно. Формально в описании флажка белая полоска в его середине названа холстом, что, однако, ни в коей мере не могло отменить действие указанного выше правила. Эта подмена и стала в дальнейшем причиной горячих споров о возможности использования именно белого цвета, а не металла «серебро» (в геральдическом понимании) в государственных символах Чувашии.

Принятие Конституции Чувашской АССР диктовало необходимость ускорения процесса создания ее государственных символов. На этом, в частности, неоднократно настаивал и ВЦИК, высылавший соответствующие запросы в адрес ЦИК республики в июне и июле 1926 года.^[41]

С целью решения вопроса о гербе и флаге постановлением Малого Президиума ЦИК Чувашской АССР от 25 февраля 1926 г. «О выработке герба и флага ЧАССР» была образована специальная комиссия, в которую вошли: член Президиума ЦИК М.Ф. Спиридонов (председатель), заведующий орготделом ЦИК А.П. Сорокин, нарком юстиции Ф.С. Степанов, помощник прокурора А.А. Андреев, нарком внутренних дел И.Я. Морозов, члены Общества изучения местного края композитор Ф.П. Павлов и врач И.К. Лукоянов.^[42]

Необходимо особо отметить, что ни в отчетах, ни в протоколах ОИМК ни предшествующая, ни последующая работа над проектами государственных символов Чувашии никак не отражена.^[43]

Нельзя не обратить внимания и на то, что представители от только что созданного Чебоксарского филиала Ассоциации художников революционной России (впоследствии Чувашский филиал Ассоциации художников революции),^[44] сыгравшего огромную роль в развитии чувашского советского изобразительного искусства, в ее состав не вошли. И это притом, что кроме прочих оформительских работ, вновь созданное творческое объединение местных художников принимало от предприятий и организаций и заказы на изготовление эскизов на значки, эмблемы, гербы!^[45] В постановлении комиссии поручалось лишь «пригласить представителя от ассоциации художников», причем, без указания конкретного лица.^[46] Судя по протоколам ее заседаний, выбор пал на художника и фотографа П.Е. Мартенса – выпускника знаменитого в России Центрального училища

технического рисования барона А.Л. Штиглица (ныне – Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица), инициатора создания и председателя Чебоксарского филиала АХРР.^[47]

На исполнение указанного постановления Малого Президиума ЦИК Чувашской АССР о разработке эскизов государственной символики отводилось всего две недели. На своем заседании от 16 марта 1926 г. (то есть когда срок исполнения постановления истек!) республиканская комиссия признала необходимым объявить в пределах Чувашии конкурс, но почему-то только по разработке герба. С этой целью были установлены три премии: в размере 100 рублей за первое место, и по 50 рублей за второе и третье. Одновременно были сформулированы требования к внешнему облику будущего государственного символа: «Чувашская Республика, как составная часть РСФСР, должна иметь герб в общих чертах сходный с гербом РСФСР, так как в основном цели и задачи Чувашской Республики и РСФСР общие, и поэтому должны быть сохранены в гербе ЧАССР венки из колосьев, серп и молот. Чтобы оттенить в гербе национальные особенности Чувашской Республики, признать необходимым элементом его, кроме венка из колосьев серпа и молота, экономический чувашский тип, пятиконечную древнебулгарскую звезду и чувашские самобытные узоры в декоративных целях. Следовательно, элементами Чувашского герба являются: венок из колосьев, серп и молот, чувашский экономический тип, древнебулгарская пятиконечная звезда и чувашские узоры».^[48]

Однако временные рамки проведения конкурса определены не были. Вероятно, данное обстоятельство сыграло определенную негативную роль в оперативности решения вопроса.

Еще одним фактором, по утверждению Председателя ЦИК Чувашской АССР И.И. Илларионова, была малочисленность художественных сил в республике. Именно по этой причине представленные проекты были отклонены, и пришлось вновь объявлять конкурс.^[49]

Действительно, в момент организации в феврале 1926 г. Чебоксарского филиала АХРР в него входило всего 7 человек.^[50] Но в этом случае возникает вопрос о целесообразности проведения повторного конкурса вместо объединения усилий творческой интеллигенции, в первую очередь представителей сообщества художников, под эгидой специально созданной для этой цели комиссии!

Окончательные итоги конкурса были подведены лишь 10 декабря 1926 г. В заседании Комиссии приняли участие ее члены М.Ф. Спиридонов, А.А. Андреев и А.П. Лбов, а также художник П.Е. Мартенс. Примечательно, что первое место присуждено не было. Две вторые премии за эскиз герба получили художники, выступавшие под девизами «А.П.» и «Арно», а третья была присуждена за проекты герба и флага автору под девизом «Крап-лак».

Очевидно, не найдя приемлемого варианта, Комиссия все же пришла к компромиссному решению «путем комбинирования элементов, положенных в основу при составлении указанных эскизов», и постановила принять герб и флаг Чувашской АССР в следующем виде:

«а) государственный герб Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики состоит: из изображений в лучах солнца серпа и молота, расположенных крест-накрест, рукоятками книзу, окруженных венком, состоящим из колосьев с правой стороны и из дубовых и еловых веток с левой стороны, перевитым снизу лентой с красной каймой с чувашским орнаментом на концах и с надписью в середине «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр!» Над серпом и молотом помещается древне-чувашская красная пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись: «Чăвашсен Автономлă Сотсиалисăмпа Совет Республикĕ» и «РСФСР»;

б) Государственный флаг Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики состоит из красного или алого полотнища, у которого на левом верхнем углу имеется вставка белого полотна с золотыми буквами «Ч.А.С.С.Р.», обрамленного чувашским орнаментом. Отношение ширины флага к длине 1:2. Отношение белой вставки к красному полотнищу 1:9». Художнику П.Е. Мартенсу было поручено «исполнить два эскиза герба и флага ЧАССР в полном соответствии выше основанными элементами».^[51]

Копия протокола была направлена художнику лишь 5 января 1927 г. с резолюцией заведующего Секретариатом ЦИК Орлова: «Художнику Мартенс. Для сведения и исполнения».^[52]

Таким образом, формально государственные символы Чувашии стали результатом коллективного творчества членов комиссии и участников конкурса, по крайней мере, в отношении флага. Однако, основным действующим лицом в деле художественного воплощения государственной символики республики

следует признать П.Е. Мартенса. Именно его способность квалифицировано решить поставленную задачу по созданию символики, очевидно, могла иметь решающее значение для окончательного решения вопроса о внешнем облике государственных символов и их дальнейшем художественном воплощении.

В пользу этого говорит и наличие авторской подписи на проектах государственных герба и флага, представленных на утверждение II (VII) съезда Советов Чувашской АССР. Причем не обычной – письменной, а такой, какую принято делать на художественном произведении. Никаких других автографов – «заверительного» или иного характера – ни председателя комиссии, ни ее членов на эскизе не имеется. (см. вкладку илл. № 23–24) Трудно представить, чтобы П.Е. Мартенс мог позволить себе присвоить авторство, тем более в данной ситуации и в столь важном вопросе.^[53]

Необходимо отметить, что на тот момент он был одним из немногих профессиональных художников в Чувашии, имевшим по тем временам и солидное образование, и опыт работы. В 1926 г. именно он был инициатором создания в Чебоксарах филиала АХРР, которое затем сам и возглавил. Очевидно, именно с учетом этих обстоятельств П.Е. Мартенс и был привлечен для участия в работе Комиссии от нового творческого объединения художников республики.

Дальнейшую судьбу разработанных проектов должен был решить съезд Советов. Однако до этого они были представлены на суд Малого Президиума ЦИК, Президиума ЦИК, а также IV сессии ЦИК Чувашской АССР. Первый своим постановлением от 3 января 1927 г. утвердил первый пункт протокола Комиссии о присуждении премии художникам-победителям.^[54] Заседавший в этот же день Президиум ЦИК республики сделал то же самое в отношении второго его пункта – об утверждении эскизов герба и флага, но с внесением в проект герба следующих дополнений и изменений: «Герб должен быть на красном фоне, звезда и лучи должны быть окрашены в золотой цвет, серп и молот также должны быть золотые. ЧАССР написать на двух языках в окружении герба с левой стороны по-чувашски: «Чăвашсен Автономлă Сотсиалисăмпа Совет Республĕкĕ», и с правой стороны на русском: Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика», а внизу между этими надписями поместить инициалы «РСФСР». Этим же постановлением Комиссии было предложено «выполнить через художника эскиз герба в соответ-

ствии с внесенными дополнениями», а также поручено «составить подробное описание герба и флага ЧАССР». Проект эскиза флага был утвержден Президиумом ЦИК без изменений.^[55]

Проходившая 24 марта 1927 г. IV сессия ЦИК Чувашской АССР утвердила данное постановление Президиума, но сделала это весьма своеобразно: «Постановление Президиума ЦИКа ЧАССР от 3/1 – 27 г. (прот. № 2, п. 3), о Государственном гербе Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики утвердить, а вопрос о флаге внести на рассмотрение 2 (7) Всечувашского съезда Советов».^[56] То есть получалось, что вопрос о гербе был практически решен и не требовал по нему соотвествующего постановления съезда?!

Еще более удивительным в этой связи выглядит циркуляр, адресованный «всем государственным учреждениям и предприятиям». В нем со ссылкой на постановление Президиума ЦИК Чувашской АССР от 3 января 1927 г. сообщалось о принятии герба и флага республики, приводилось их описание и предлагалось: «во всех государственных учреждениях и предприятиях иметь и употреблять, как эмблему Чувашской Республики, герб и флаг, принятые Президиумом ЦИК ЧАССР». Выявленный экземпляр не датирован и не подписан (на документе указаны должности председателя и секретаря ЦИК). По имеющейся на нем помете М.Ф. Спиридонова циркуляр был подготовлен не позднее 27 января 1927 г.^[57] А уже 1 февраля ЦИК республики направил в организационный отдел ВЦИК эскизы герба и флага, их описание и выписку из протокола № 2 заседания Президиума ЦИК Чувашской АССР от 3 января 1927 года.^[58] То есть до рассмотрения съездом Советов! Возможно это было сделано в целях согласования проектов.

Официальное утверждение Государственного герба и Государственного флага Чувашской АССР состоялось, соответственно, 30 и 31 марта 1927 г. на II (VII) съезде Советов республики. Стенографический отчет съезда отчасти позволяет представить, сколь непростым был поиск решения по этому животрепещущему для молодой республики вопросу.

Докладывал делегатам о проектах герба и флага председатель комиссии Президиума ЦИК М.Ф. Спиридонов. Обращают на себя внимание некоторые существенные детали его выступления. Так, в самом начале он отмечает наличие геральдических правил, которыми, по-видимому, должна была руководствоваться комиссия: «Теперь существует целая наука, которая устанавли-

ливает, каким образом должны устанавливаться герб и из каких частей состоять».^[59]

Далее, прежде чем представить проекты, докладчик дважды – в самом начале и непосредственно перед тем, как озвучить результат сделанного комиссией выбора, – делает акцент на том, что проекты не только получили одобрение комиссии, но и были поддержаны Президиумом ЦИК, а также комиссией съезда. Причем, делегаты, как настаивал М.Ф. Спиридонов, должны были «исходить из этих соображений». Особо он отметил состав комиссии съезда, состоявшей из 21 человека: 7 юристов, остальные – рабочие и крестьяне.^[60]

Вряд ли подобные акценты были случайными. Апеллирование к специальным правилам, авторитету органов власти и весьма представительной комиссии съезда, по мысли докладчика, вероятнее всего, были призваны укрепить его позиции в вопросах, по которым даже у членов возглавляемой им Комиссии ЦИК по выработке герба и флага Чувашской АССР не было единства.

Обратимся к той части доклада, в которой М.Ф. Спиридонов остановился на описании проектов государственных символов и их особенностях. «Главной частью герба Чувашской Республики, – подчеркнул докладчик, – так же как и герба РСФСР и СССР, является серп и молот, эмблема освобождения от капитала. В союзном гербе есть также пятиконечная звезда, это эмблема борьбы и победы над капиталом, звезды в гербе РСФСР нет. Это также является основной частью герба нашей Чувашской Республики, так как Чувашская Республика [является] частью Российской Федерации, входящий в Советский Союз и поскольку цели и задачи у всех союзных республик одни и те же, у нас разница только в деталях. Это является основной чертой всех советских стран, все другие советские республики и автономные, и союзные внесли изменения только в деталях».^[61]

Далее он поясняет эти особенности: «Это в чем выражается? Если взять флаги (*очевидно оговорка докладчика, так как речь идет о гербе – В.Т.*) РСФСР, он окружен венком из колосьев, Союзный герб то же самое. Чувашский герб предлагается принять в окружение венка с правой стороны из дубовых и еловых веток и с левой стороны из колосьев. Что отличает наш флаг (*очевидно также оговорка, так как речь идет о гербе – В.Т.*); эта белая лента с красным кругом, где написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и оканчивается орнаментами. Больше

о гербе сказать нечего. Краткое описание герба таково: на красном фоне в лучах солнца расположены крест-накрест серп и молот. Над серпом и молотом пятиконечная звезда, окруженная с одной стороны венком из дубовых и еловых веток и с другой стороны из колосьев. Раньше предполагалось сделать надпись золотыми буквами, по предложению Комиссии приняты красные буквы, соображения таковы – в деревнях трудно достать золотую краску, красным будет проще».^[62]

Нельзя не отметить одну интересную деталь, которая в дальнейшем сыграла решающую роль в утрате индивидуальных черт государственной символики Чувашии. М.Ф. Спиридонов фактически озвучил тезис об унификации изображений гербов союзных и автономных республик, которые могли отличаться «только в деталях». Как далеко могли простираться эти отличия, из несколько путаного объяснения М.Ф. Спиридонова оставалось неясным. Но в трактовке отдельных элементов подобная «унификация» всё же проявилась. Так, в окончательном варианте пятиконечная звезда уже не рассматривалась как древнеболгарская эмблема, а преподносилась в качестве символа «борьбы и победы над капиталом».

Кем-то из делегатов было внесено предложение «крут окружить чувашскими узорами» (возможно так, как это было сделано на геральдической эмблеме в удостоверении члена ЦИК Чувашской АССР). Однако поддержку съезда оно не получило.^[63]

В итоге, окончательный вариант герба был принят в следующем виде: «Герб состоит из изображений на красном фоне в золотых лучах солнца золотых серпа и молота, расположенных крест-накрест рукоятками книзу, окруженных венком, состоящим из колосьев с правой стороны и дубовых и еловых веток с левой стороны, перевитым снизу лентой с красной каймой с чувашскими орнаментами на концах и с надписью в середине: «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр». Над серпом и молотом помещается золотая пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись с левой стороны; «Чăвашсен Автономлă Сотсиалисăмпа Совет Республĕкĕ», с правой стороны: «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика» и внизу, между вышеуказанными надписями, инициалы: «РСФСР».^[64] (см. вкладку илл. № 25)

Наиболее спорным оказался проект Государственного флага Чувашской АССР. Об этом прямо говорится в докладе: «Был объявлен конкурс на представление герба и флага. Из представ-

ленных проектов флага ни один не удовлетворял требованиям комиссии, и сама Комиссия выработала настоящий проект флага. Президиум ЦИКа постановление Комиссии утвердил единогласно. Флаг состоит из красного и алого полотнища, в левом верхнем углу которого имеется белая вставка. Вокруг белой вставки чувашские орнаменты, в середине инициалы ЧАССР. О значении флага я останавливаться не буду. Тут некоторые товарищи возражали насчет белой вставки, хотя все инстанции, просматривавшие проект флага, утвердили его. Товарищи приводят также соображения: белый цвет не революционный цвет, революционный цвет красный – как же мы впутываем к красному цвету белый, я хочу привести несколько примеров, у нас имеется альбом флагов Союзных республик. Нужно сказать, что в каждом государстве имеется два флага; государственный или коммерческий и флаг военный. Союзный национальный флаг состоит из красного полотнища, в левом углу которого находится серп и молот и красная звезда, то военно-морской флаг состоит из красного полотнища, в середине которого имеется белый круг на котором имеется звезда и лучи расходящейся [в] стороны. Флаг начальника морских сил – белый с тремя звездами и в углу военный флаг; флаг начальника морских учебных заведений имеет в левом углу белую вставку и т.д.». [65]

Возможно для того, чтобы рассеять сомнения относительно использования белого цвета в одном из главных государственных символов, из зала стали раздаваться голоса: «Скажите о флагах других республик». На это последовал ответ: «У меня есть только флаги Союза, до сего времени ни одна автономная республика не имеет утвержденного в соответствующем порядке флага. РСФСР имеет флаг – красное полотнище с инициалами РСФСР наверху». [66] (см. вкладку илл. № 31)

Но особого внимания заслуживает предложение, внесенное им сразу же после ответа на реплики делегатов: «Я усиленно предлагаю и рекомендую принять этот красивый флаг». [67] Хотя оно было встречено аплодисментами, в обсуждение вмешался председатель ЦИК Чувашской АССР И.И. Илларионов, попытавшийся, очевидно, уйти от дальнейшей дискуссии по этому вопросу. Обратимся к стенограмме: «Илларионов: после семи лет существования Чувашской Автономии мы сегодня на 2-м съезде Советов принимаем впервые основные эмблемы нашей Республики – флаг и герб. Чтобы не ошибиться в мелочах в принятии этого флага, хотя комиссия подробно проработала

этот вопрос, я вношу предложение принятия флага Чувашской Республики отложить до момента принятия резолюции по отчету Правительства, чтобы иметь еще возможность в отдельных кругах детально проработать этот вопрос, возможно, что еще раз по этому вопросу будет заседать Комиссия».^[68] Съезд поддержал это предложение.

Для разрешения возникших разногласий по Основному Закону, в том числе и по флагу, в тот же день заседала весьма представительная и по составу (руководители ряда высших органов власти), и по количеству членов (17 человек) Комиссия по рассмотрению конституционных вопросов. К сожалению, в протоколе ее заседания ход обсуждения не отражен. О результатах работы комиссии съезду докладывал М.Ф. Спиридонов. С его слов окончательное решение было непростым: «Комиссия подумала, обдумывали (*так в тексте – В.Т.*) и раздумывала и пришла к прежнему выводу только с небольшими изменения[ми], что флаг остается в том же виде, только вносится следующее дополнение: «кроме того, что имеется, в самой левой стороне перед буквой «Ч» должен быть серп и молот, буквы должны быть красного цвета».^[69] То есть предложение одного из делегатов об использовании символики Советского государства – красной звезды, серпа и молота – на флаге республики, поступившее в ходе предшествующего обсуждения,^[70] было учтено, правда, частично – без звезды.

Однако есть основание полагать, что обсуждения по данному вопросу не было. Так, сохранилось два варианта протокола. Первый – отпечатанный на машинке документ, в котором зафиксировано рассмотрение трех вопросов: «Проект положения о Центральном Исполнительном Комитете ЧАССР», «Проект Положения о членах ЦИКа ЧАССР», «О гербе и флаге». Удалось выявить четыре его экземпляра,^[71] но лишь один из них имеет подписи председателя и секретаря комиссии.^[72]

Второй – также отпечатанный на машинке – содержит информацию лишь о двух обсужденных комиссией вопросах – «Проект положения о Центральном Исполнительном Комитете ЧАССР» и «Проект Положения о членах ЦИКа ЧАССР».^[73] При этом на одном из двух выявленных экземпляров решение «О гербе и флаге» вписано от руки предположительно секретарем комиссии А. Яковлевым ниже отпечатанного текста. Возможно его подпись стоит на данной версии документа. По-видимому, это черновик окончательного варианта протокола, который и

раскрывает «механизм» принятия решения по государственной символике.^[74]

Но и на этом «странности» принятого комиссией документа не заканчиваются. Дело в том, что ее решение о флаге отличается от того, что было озвучено на съезде. Для сравнения, вот что записано в протоколе: «Герб и флаг принять в том виде, в каком он представлен на рассмотрение Комиссии, переменив лишь на флаге золотой цвет букв «ЧАССР» на красный».^[75] То есть об эмблеме «серп и молот» речи не шло. По чьей конкретно инициативе была внесена эта существенная корректировка в окончательное решение, мы, очевидно, уже не узнаем, но исходить она могла только от высшего руководства республики.

Как бы то ни было, после объявления делегатам «вывода» комиссии вопрос был тут же, без обсуждения, поставлен на голосование съезда. В итоге окончательный вариант изображения Государственного флага Чувашской АССР был принят единогласно.^[76] В принятом решении указывалось: «Флаг состоит из красного или алого полотнища, на верхнем левом углу которого обрамленное чувашским орнаментом белое полотно с красными буквами «ЧАССР», впереди коих в верхнем углу серп и молот, расположенные крест-накрест рукоятками книзу».^[77]

Таким образом, внешне Государственный герб Чувашской АССР напоминал свой российский прототип, но имел и свои отличия: кроме традиционных колосьев, на нем были изображены еловые и дубовые ветки, а также лента с чувашским национальным орнаментом на концах. В Государственном флаге Чувашской АССР также просматривались черты сходства с флагом РСФСР: в кантоне (верхнем левом от зрителя углу) и того, и другого флагов были помещены аббревиатуры, соответственно, «РСФСР» и «ЧАССР». Но в первом случае красный фон кантона имел желтое (золотое) обрамление и название государства было также написано золотыми буквами, а во втором – кантон представлял собой «обрамленное чувашским орнаментом белое полотно с красными буквами «ЧАССР». (см. вкладку илл. № 26)

При этом нельзя сказать, что решение по национально-государственной символике республики на данном этапе было простым и однозначным. Это лишний раз подтверждает и эпизод с отправкой ходатайства об утверждении герба и флага Чувашской АССР во ВЦИК.

Сохранилось три варианта этого документа: черновик, беликовик и экземпляр, отпечатанный на бланке ЦИК Чувашской

АССР (возможно отпуск).^[78] Вариант, отпечатанный на бланке, представляет собой самый краткий текст письма. Его и возьмем за основу, так как в отсутствие подписей бланк – единственный признак, придающий ему условно-официальный характер. При этом текстуальные отличия других вариантов выделим угловыми скобками, а текст черновика, кроме того, курсивом:

«Центральный Исполнительный Комитет Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики ходатайствует об утверждении герба и флага ЧАССР, принятых 2/7 Всечувашским съездом Советов.

Герб состоит: из изображений на красном фоне в золотых лучах солнца золотых серпа и молота, расположенных крест-накрест, рукоятками книзу, окруженных венком, состоящим и[з] колосьев с правой стороны и дубовых и еловых веток с левой стороны, перевитых снизу лентой с красной каймой с чувашскими орнаментами на концах и надписью в середине: «ПЁТЁМ ТЕНЪБЕРИ ПРОЛЕТТААРИСЕМ, ПЁРЛЕШЁР». Над серпом и молотом помещается золотая пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись с левой стороны: «БӐВАШСЕН АВТОНОМЛӐ СОТСИАЛИСАМПА СОВЕТ РЕСПУБЛИКӐ», с правой стороны: «ЧУВАШСКАЯ АВТОНОМНАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА» и внизу между вышеуказанными надписями, инициалы «РСФСР».

<Венок герба из колосьев и дубовых и еловых веток (далее зачеркнуто слово перевитый) принято как эмблема (далее зачеркнуто слово соответствующая) главных природных богатств Чувашреспублики и занятия населения – лесной масив и земледелие. Лента с красной каймой с чувашскими орнаментами – эмблема (далее зачеркнуто слово национальных) украшений костюма.> (Данная рукописная вставка перечеркнута – В.Т.)

<Венок из колосьев и древесных веток принят как эмблема главного занятия населения – земледелия и лесных массивов Чувашреспублики. Лента с чувашскими орнаментами – эмблема украшений национального костюма.>

Флаг состоит из красного или алого полотнища, на верхнем левом углу которого, обрамленное чувашскими орнаментами, белое полотно с красными буквами «ЧАССР», впереди коих в верхнем углу серп и молот, расположенные крест-накрест рукоятками книзу. Отношение ширины флага к длине – 1:2, а белой вставки к красному полотнищу – 1:9.

«Белое полотно с чувашскими орнаментами на красном фоне флага принято как эмблема чувашского национального костюма, характеризующая преобладание белого цвета с украшениями (исправлено на «вышивками» – В.Т.) в разные цвета по белому фону.»

«Белое полотно с чувашскими орнаментами принято, как эмблема чувашского национального костюма, в котором преобладает белый цвет с разноцветными вышивками по белому фону.»

Образцы герба и флага прилагаются».

Подписать документ должны были председатель ЦИК Н.Л. Юшунев и секретарь ЦИК А.Н. Никитин. Однако ни один из экземпляров не подписан и не датирован. Установить время их создания можно лишь приблизительно – не ранее 26 мая 1927 г., то есть когда Н.И. Юшунев сменил на посту председателя ЦИК республики И.И. Илларионова.

К сказанному следует добавить, что сравнительный анализ почерка вставок на письме с другими документами дела дает основания утверждать, что сделаны они были юрисконсультom ЦИК А. Яковлевым.^[79]

Таким образом, перечисленные перипетии принятия государственных герба и флага Чувашской АССР позволяют сделать вывод о том, что стремление отразить национальные мотивы в главных символах государства на данном этапе возобладало над политико-идеологическими подходами. Это стало возможным благодаря позиции руководства высшего органа государственной власти Чувашской АССР, которое, как следует из проектов письма во ВЦИК, вполне отдавало себе отчет в том, что такой облик государственных символов Чувашии может вызвать негативную реакцию в соответствующих союзных и всероссийских инстанциях.

На рубеже 1920–1930-х гг. политическая ситуация в стране начала меняться. Методы реализации экономической политики, в первую очередь при проведении индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, свертывание внутрипартийной демократии вызвали серьезные разногласия не только в руководстве страны, но и в среде партийных работников всех уровней. По стране прокатилась волна «партийных чисток», не миновавшая и Чувашскую АССР. Под предлогом избавления партийных рядов от «правых уклонистов», «социально-чуждых и примазавшихся элементов», а также борьбы с про-

явлениями «буржуазного и мелкобуржуазного национализма» практиковалась дискредитация и выключение из активной партийно-политической работы людей независимого мышления, оппозиционно настроенных по отношению к тогдашнему партийному руководству республики в лице С.П. Петрова.^[80] Так, беспрецедентной травле был подвергнут один из инициаторов создания Чувашской АО и ее первый руководитель Д.С. Эльмень, а также ряд других партийных и советских деятелей республики.

Весьма показательны в этом смысле две публикации газеты «Красная Чувашия», датированные ноябрем–декабром 1930 года. Первая из них – «О борьбе на два фронта с уклонами в национальном вопросе» – является частью доклада ответственного секретаря Чувашского обкома ВКП(б) С.П. Петрова на объединенном собрании членов и кандидатов ВКП(б) ячейки типографии и республиканского совещания 25-тысячников.^[81] В ней руководитель партийной организации республики подверг резкой критике деятельность Общества по изучению местного края и ряда его деятелей, а также чувашских ученых – П.И. Иванова, Ф.Т. Тимофеева, Г.И. Комиссарова М.П. Петрова и других. Главный вывод статьи вполне отвечал духу времени: «Ведя непримиримую борьбу на два фронта с уклонами от генеральной линии партии, с правым уклоном, как главной опасностью на данном этапе, с «левыми» загибами – остатками и рецидивом контрреволюционного троцкизма и с разновидностью этих уклонов с антипартийной группой право-«левацкого» блока, одновременно с этим чувашская парторганизация должна усилить борьбу – с буржуазно-национал-шовинистическими взглядами и теориями их агентуры в рядах партии – эльменевщиной и с примиренчеством с ним».^[82]

Не менее острой по своему идеологическому накалу была и вторая публикация – «За ленинскую национальную политику», представлявшая собой переработанный доклад В.И. Токсина на XI Чувашской областной конференции ВЛКСМ от 5 декабря 1930 года.^[83] Остановившись на проявлениях «русского великодержавного шовинизма», автор указал на то, что он является питательной почвой для местного национализма, проявлениями которого стали статья Д.С. Эльменя в журнале «Чувашское хозяйство» (№ 3–4 за 1928 год) и «Труды первого Всечувашского краеведческого съезда».^[84] Они, по мнению В.И. Токсина, стали «полной и оформленной платформой чувашского национализ-

ма».^[85] Подвергнув критике позиции Д.С. Эльмена, С.А. Корицева, представителей местной научной и творческой интеллигенции по вопросам исторического и хозяйственно-экономического развития, здравоохранения Чувашии, раскритиковав деятельность Общества по изучению местного края, дав негативную оценку роли И.Я. Яковлева в просвещении чувашского народа,^[86] автор статьи резюмировал: «Уклоны в национальном вопросе и великодержавный шовинизм, и местный национализм мешает правильному проведению национальной политики партии».^[87]

В этой обстановке 12 февраля 1931 г. IV (IX) съезд Советов Чувашской АССР вновь вернулся к рассмотрению вопроса о гербе и флаге республики.^[88] Основным докладчиком по нему был представлявший Чувашский обком ВКП (б) депутат от Ибресинского района В.И. Токсин.

Прежде всего, он отметил «большое политическое значение» принятия «национального герба и флага».^[89] Сделанная им подмена понятий «государственного» на «национальный», вероятно, не была просто оговоркой. Ведь все, что происходило на территории Чувашии, начиная с победы большевиков в октябре 1917 года, воспринималось как национальное возрождение чувашского народа, и вся атрибутика, создававшаяся в это время официальными органами и общественными организациями, носила ярко выраженный национальный характер. Достаточно вспомнить значок члена ЦИК Чувашской АССР – единственный выделявшийся своей национальной индивидуальностью по сравнению с другими аналогичными атрибутами союзных и автономных республик. Далее, как бы в оправдание ранее принятого решения по государственным символам республики, В.И. Токсин подтверждает необходимость показа «особенностей, различий одного государства от другого», которые выражаются, в том числе, во флагах и гербах.^[90]

Однако свежий ветер «октябрьских перемен» уже сменился пронизывающим сквозняком начинавшихся репрессий. Это и предопределило расстановку акцентов в основной части выступления, носившего ярко выраженный идеологически-демагогический характер. «Вся до сих пор бывшая история характеризуется непрерывной борьбой в обществе между трудящимися и эксплуататорами за уничтожение одного класса, и знамя борьбы у этих классов были разные» – основной посыл выступления В.И. Токсина.^[91] При этом никакие правила геральдики и век-

силлологии, в отличие от предыдущего обсуждения герба и флага республики, в расчет не принимались. Во главу угла была поставлена исключительно идеологическая мотивация.

Не утруждая себя какими-либо примерами или доказательствами, докладчик заявил, что любимыми цветами буржуазии были белый и бело-синий, а основной цвет флага эксплуататорского класса – белый. Причем, белый флаг, по его мнению, есть ничто иное, как «воплощение эксплуататорских стремлений буржуазии». Именно под ним в годы гражданской войны «всякие белогвардейцы, всякие контрреволюционные силы шли против трудящихся», в то время как «трудящиеся в своей борьбе шли всегда под своим флагом, флагом красного цвета, флагом более близким классу эксплуатируемых, классу трудящихся» – доказывал Токсин. Последнее обстоятельство, по его мнению, и предопределило тот факт, что после Октябрьской революции красный цвет был признан государственным. «Это – момент исторический. В общем, наш красный флаг является выражением стремления к коммунизму» – резюмировал докладчик.^[92]

Заняв в целом жесткую идеологическую позицию, В.И. Токсин все же попытался «защитить» своих предшественников и коллег, отметив «что герб и флаг Чувашской Республики, принятые на втором съезде Советов, отражают известную степень развития чувашских трудящихся масс».^[93] Говоря далее о давлении «мелкобуржуазной националистической стихии» и «всяких националистических, шовинистических» тенденциях, он объяснял это тем, что «к тому времени мы еще не освободились» от них,^[94] но при этом не стал уточнять, что следовало понимать под этим нейтральным «мы» – политическое руководство или кто-то другой.

«Мелкобуржуазный националистический подход» при создании государственных символов В.И. Токсин толковал весьма своеобразно: «<...> Мы, показывая правильные элементы союза рабочего класса с крестьянством, орудия труда, результаты труда, колосья и т.д. обвили их белой полоской, белым полотном, чувашским сурбаном. Что же такое сурбан. Этот сурбан является отражением и пережитком националистической старины. Если мы в ряде восточных районов имеем остатки угнетения женщин под разными названиями – чадра, паранджа, то у нас в этом отношении такое же значение имеет сурбан. Он является знаком того, что женщина вышла замуж, является символом закрепления женщины за одним мужчиной-собственником. Сурбан есть

знак закрепления чувашки. Октябрьская революция раскрепостила и женщин. Следовательно, наш герб не является отражением правильной национальной политики партии, объединением всех трудящихся всех национальностей Советского Союза, стремлением к общему идеалу к коммунизму. Возьмите далее флаг ЧАССР. На флаге Чувашской Республики есть белая полоска, обвитая сурбаном, и так же, как герб, отражает некоторые пережитки старины. Коротко говоря, наш герб и флаг содержат элементы национализма, шовинизма, буржуазно-демократического стремления чувашской интеллигенции».^[95]

Хотя из сказанного не совсем понятно, в каких конкретно элементах проявлялись мелкобуржуазность, национализм или шовинизм государственной символики, и почему старина объявлялась националистической, вывод докладчика был категоричным: «Существующий наш герб и флаг не являются коммунистическим стремлением и не отражают правильной национальной политики партии и соввласти. Поэтому здесь требуется серьезная поправка».^[96]

При этом он позволил себе весьма примечательную реплику: «<...> Нельзя сказать, что чувашки не носили совсем белой материи. Очень хорошо ходить чистым и в белой рубашке, это одно дело. Совсем другое дело, когда белый цвет хотят сделать государственным и на этом обосновать всякую националистическую чепуху».^[97] То есть фактически признал традицию чувашки носить расшитую национальным узором белую одежду. Причем надевалась она, как известно, по случаю особо значимых событий в жизни народа.

Таким образом, стремление отразить в главных символах государства национальное своеобразие, уникальность культуры чувашского народа было объявлено в угоду «идеологической чепухе» проявлением национализма и олицетворением закрепощения чувашской женщины.

После столь «убедительной» аргументации В.И. Токсин изложил новое официальное видение обновленных герба и флага: «Основа герба – молот и серп остаются. С правой стороны герба – колосья, с левой стороны дубовые листья, показывающие богатство нашей республики. Обвиваются они вместо белого полотна красным полотном. Прежний флаг нужно заменить красным полотном, белую полосу из флага изъять. Внизу на чувашском языке надпись, означающая ЧАССР, наверху с левой стороны звезда, под звездой молот и серп. Здесь художником пока-

заны лучи солнца, они не нужны, так как только затемняют мысль. На правой стороне флага надпись на чувашском языке – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». На прежнем флаге не было и этого основного лозунга пролетариев и всех трудящихся всего мира».^[98]

Обсуждения вопроса фактически не было. В прениях по докладу приняло участие лишь два делегата – Игнатьев из Мало-Яльчикского и Зинькова из Татаркасинского районов. По сути, ими была повторены доводы, озвученные В.И. Токсиним.^[99]

Ограничившись этими выступлениями, председательствовавший на заседании предложил прекратить прения и предложил слово И.Я. Морозову для «зачтения постановления IV(IX) Всечувашского съезда Советов о гербе и флаге ЧАССР».

Проект постановления на съезде не обсуждался и был принят в следующей редакции:

«1. Из постановления 2 (7) Всечувашского съезда Советов о государственном гербе выражения: «с красной каймой и чувашским орнаментом на концах» и из постановления о флаге: «на верхнем левом углу которого обрамленное чувашским орнаментом белое полотно с красными буквами» изъять, как не отражающие правильную национальную политику пролетарского государства.

2. Утвердить герб Чувашской автономной советской социалистической республики в следующем виде: герб состоит из изображений на красном фоне в золотых лучах солнца, золотого серпа и молота, расположенных крест-накрест рукоятками книзу окруженных венком, состоящих из колосьев с правой стороны, и дубовых и еловых веток с левой стороны, перевитым снизу красной лентой с надписью в середине «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр». Над серпом и молотом помещается золотая пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись с левой стороны «Бăвашсен Автономлă Сотсиалисăмпа Совет Республĕкĕ», с правой стороны – «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика» и внизу, между вышеуказанными надписями, инициалы «Р.С.Ф.С.Р.».

3. Флаг состоит из красного или алого полотнища. В верхнем левом углу золотые серп и молот, расположенные крест-накрест рукоятками книзу. Под серпом и молотом надпись золотыми буквами «Ч.А.С.С.Р.» и на правом верхнем углу надпись «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр». Отношение флага к длине 1:2».^[100] (см. вкладку илл. № 27–28)

И пафос выступления В.И. Токсина, и принятое съездом решение были бы вполне объяснимы с учетом той обстановки, о которой говорилось выше, если бы не одно «но»... С 1932 г. промысловая кооперация Чувашии начала экспортировать в Америку свои вышивальные изделия, метко названные посетившим в конце 1930-х гг. Чувашию советским писателем Н.К. Костаревым «неумирающим искусством чувашской женщины»!^[101]

Таким образом, утрата государственными символами Чувашской АССР своей индивидуальности, своей национальной окраски, их фактическое обезличивание привели, в том числе, и к утрате начал, имевших важное объединяющее значение для чувашского народа. Верность идеалам возрождающейся нации была заменена на верность идеологии, реализуемой политическим руководством страны.

Принятый IV (IX) съездом Советов Чувашской АССР документ знаменовал собой не только победу идеологических догматов в национальной политике, но и начало третьего этапа в развитии государственной символики Чувашии – самого продолжительного по времени. Этот период был отмечен рядом решений о внесении изменений в государственные символы республики, которые, впрочем, ничего существенно не меняли в подходах к их внешнему облику.

Конституция Чувашской АССР 1938 года окончательно лишила государственные атрибуты республики своей индивидуальности, объявив Государственными гербом и флагом Чувашской АССР Государственные герб и флаг РСФСР с надписями «РСФСР» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на русском и чувашском языках и с добавлением под надписью РСФСР буквами меньшего размера надписи «Чувашская АССР» на русском и чувашском языках.^[102]

Третья сессия Верховного Совета Чувашской АССР на своем заседании 11 июня 1940 г. внесла коррективы в статьи 111 и 112 Конституции (Основного Закона) Чувашской АССР» о гербе и флаге. Так, надпись «РСФСР» на чувашском языке была изъята из государственных символов республики.^[103]

Наиболее существенному изменению в рассматриваемый период подвергся внешний облик Государственного флага Чувашии. Это было связано с проводившейся с конца 1940-х гг. в Советском Союзе реформой флагов союзных республик. Дело в том, что с момента образования СССР их главное различие сводилось лишь к обозначению сокращенного названия союзной

республики в левом верхнем (от зрителя) углу красного полотнища. С созданием Организации Объединенных Наций, в число учредителей которой входили СССР, Белорусская и Украинская ССР с практически идентичными флагами, обнаружилось противоречие нормам международного права в части внешнего облика этих государственных символов. В целях его устранения Президиум Верховного Совета СССР издал 20 января 1947 г. постановление «О государственных флагах союзных республик», в котором признал «целесообразным внести изменения в действующие государственные флаги союзных республик с тем, чтобы государственный флаг союзной республики отражал идею союзного советского государства (помещение на флаге эмблемы СССР — серп и молот, пятиконечная звезда, сохранение красного цвета) и национальные особенности республики (введение кроме красного других цветов, порядок их расположения, включение национального орнамента)». В документе также содержалась рекомендация Президиумам Верховных Советов союзных республик до утверждения государственных флагов союзных республик представить проекты флагов и их описание для согласования в Президиуме Верховного Совета СССР.^[104]

Новое изображение флага Российской Федерации в составе СССР было установлено указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1954 г. «О Государственном флаге РСФСР»^[105] и утверждено Верховным Советом РСФСР в законодательном порядке 2 июня 1954 г. с внесением соответствующей поправки в статью 149 Конституции РСФСР: «Государственный флаг Российской Советской Федеративной Социалистической Республики состоит из красного полотнища со светлосиней полосой у древка во всю ширину флага. Светлосиняя полоса составляет одну восьмую длины флага. В левом верхнем углу красного полотнища изображены золотые серп и молот и над ними красная пятиконечная звезда, обрамлённая золотой каймой. Отношение ширины флага к длине 1:2.»^[106]

Учитывая то, что согласно Конституции Чувашской АССР Государственным флагом республики являлся Государственный флаг РСФСР, Президиум Верховного Совета Чувашии вышел с соответствующим представлением в Президиум Верховного Совета РСФСР об утверждении нового облика государственного символа. Указом последнего от 6 мая 1954 г. это представление было утверждено,^[107] а законом Чувашской АССР от 16 июня 1954 г. «О Государственном флаге Чувашской АССР» были вне-

сены соответствующие поправки в статью 112 республиканского Основного Закона. Вся «индивидуальность» флага заключалась в выполненной золотыми буквами надписи с названием республики на русском и чувашском языках, помещенной ниже изображения серпа и молота.^[108]

Следующим важным событием стало принятие 10 февраля 1956 г. «Положения о Государственном флаге Чувашской АССР». Кроме описания флага, закрепленного в Конституции республики, документ содержал указания на соотношение размеров его элементов: серпа и молота, пятиконечной звезды.^[109]

Положение впервые устанавливало случаи применения одного из главных государственных символов. Флаг мог подниматься на зданиях, где проходили сессия Верховного Совета Чувашской АССР или сессии районного, городского, сельского, поселкового Советов депутатов трудящихся – на весь период сессии; на зданиях Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Совета Министров Чувашской АССР, исполнительных комитетов районных, городских, сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся – постоянно. Иные случаи использования Государственного флага устанавливались распоряжением Совета Министров Чувашской АССР. Были указаны и даты событий, по случаю которых он мог подниматься на зданиях всех государственных и общественных учреждений, организаций и предприятий республиканского и местного значения – 22 апреля, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября и 5 декабря.^[110]

Кроме того, разрешалось поднимать его на указанных зданиях, на жилых домах и в дни других праздников и торжественных событий, а также при церемониях и других торжественных мероприятиях, проводимых государственными или общественными учреждениями и организациями. Особо оговаривалось обязательность равного соотношения размеров Государственного флага Чувашской АССР с Государственными флагами СССР и РСФСР при их одновременном поднятии. Положение предусматривало также издание Советом Министров республики отдельной инструкции по применению данного Положения.^[111]

Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 5 января 1967 г. «О внесении изменений в положение о Государственном флаге Чувашской АССР» перечень дат, по случаю празднования которых поднимался Государственный флаг Чувашской АССР, был дополнен 8 марта и 9 мая.^[112]

В дальнейшем этот перечень пополнялся несколько раз. Так, Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 6 июля 1979 г. «О внесении изменений и дополнений в положение о Государственном флаге Чувашской АССР» день празднования Конституции СССР 5 декабря был заменен на 7 октября.^[113] Согласно «Положению о Государственном флаге Чувашской АССР» от 28 мая 1981 г. в него также вошли 23 февраля – день Советской Армии и Военно-Морского Флота, установленный еще в 1922 г., и 30 декабря – дата образования СССР.^[114]

Нельзя не обратить внимания на то, что в советское время даты, непосредственно связанные с Чувашией, в данном перечне никогда не фигурировали, очевидно, попадая в разряд «других праздников и торжественных событий».

Конституция Чувашской АССР 1978 года ничего не поменяла в подходах к облику государственных символов республики.^[115] В соответствии с ней указами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР «О Государственном гербе Чувашской АССР» от 6 июля 1978 г.^[116] и «О Государственном флаге Чувашской АССР» от 26 октября 1978 г.^[117] были утверждены изображения Государственного герба и Государственного флага республики. (см. вкладку илл. № 29–30)

Сама процедура их утверждения прошла буднично и поделовому. Обратимся к стенографическому отчету заседания девятой сессии Верховного Совета Чувашской АССР девятого созыва от 16 августа 1978 г.: «Председатель. <...> Переходим к рассмотрению третьего вопроса повестки дня – утверждение Указов Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. Слово для доклада по этому вопросу предоставляется секретарю Президиума Верховного Совета Чувашской АССР депутату Абашеву.

Абашев Д.И. (Железнодорожный избирательный округ, г. Чебоксары). Товарищи депутаты! В принятой на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета нашей республики Конституции Чувашской АССР четко определены функции Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, его полномочия в период между сессиями, подотчетность Верховному Совету Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики.

Согласно ст. 104 Конституции Президиум Верховного Совета в период между сессиями вносит в случае необходимости изменения в действующие законодательные акты Чувашской АССР, по представлению Председателя Совета Министров Чувашской АССР освобождает от должности и назначает отдель-

ных лиц, входящих в состав Совета Министров Чувашской АССР, с последующим представлением этих вопросов на утверждение Верховного Совета. В соответствии с этой статьей Президиум Верховного Совета Чувашской АССР представляет сегодня на ваше утверждение Указ от 6 июля 1978 года «О Государственном гербе Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики». В связи с тем, что Конституция Чувашской АССР 1978 года внесла в описание Государственного герба Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики некоторые изменения, Указом утверждено новое изображение Государственного герба Чувашской АССР. Изменения заключаются в том, что теперь в верхней части его расположена пятиконечная звезда, а под надписью «РСФСР» надпись «Чувашская АССР» дается в две строки – на русском и чувашском языках. Изображение Герба, а также проект Закона Чувашской АССР об утверждении Указа у депутатов имеются. <...>

Председатель. Товарищи депутаты! Есть ли желающие выступить по докладу т. Абашева? Нет.

Проекты по всем вопросам вам розданы. Ставлю на голосование проект Закона Чувашской АССР об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Чувашской АССР о Государственном гербе Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Кто за то, чтобы принять данный Закон, тех прошу поднять руки. Опустите пожалуйста. Кто против? Кто воздержался? Таковых нет. Закон принимается единогласно».^[118]

Практически по такому же сценарию проходило утверждение Государственного флага республики.

Из других нормативных правовых актов, появившихся после принятия новой Конституции Чувашской АССР следует отметить «Положение о Государственном гербе Чувашской АССР»^[119] и «Положение о Государственном флаге Чувашской АССР»^[120], принятые Президиумом Верховного Совета Чувашской АССР 28 мая 1981 года. Первый документ содержал не только описание геральдического символа республики, но и оговаривал случаи его применения. Государственный герб Чувашской АССР мог помещаться на зданиях республиканских органов государственной власти: Верховного Совета, Президиума Верховного Совета, Совета Министров, министерств и государственных комитетов, других подведомственных правительству органов, Комитета народного контроля, Верховного Суда, а также

зданиях исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов Чувашской АССР, зданиях (вывесках) комитетов народного контроля. Внутри помещений, в которых функционировали указанные органы, он помещался в залах, где проводились сессии Верховного Совета Чувашской АССР, заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Совета Министров Чувашской АССР, сессии местных Советов народных депутатов Чувашской АССР, в залах судебных заседаний Верховного Суда Чувашской АССР, а также в помещениях торжественной регистрации рождений и браков. Также было уделено внимание официальному использованию герба в качестве одного из важнейших реквизитов документов. Он воспроизводился на печатях и бланках Верховного Совета Чувашской АССР, Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Совета Министров Чувашской АССР, министерств и государственных комитетов Чувашской АССР, других подведомственных Совету Министров Чувашской АССР органов, Комитета народного контроля Чувашской АССР, Верховного Суда Чувашской АССР, исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов Чувашской АССР, районных и городских комитетов народного контроля. В соответствии с действующим законодательством Союза ССР, РСФСР и Чувашской АССР право использовать герб на печатях и бланках было предоставлено предприятиям, учреждениям и организациям республиканского и местного подчинения. Кроме перечисленных случаев, герб помещался и на официальных изданиях Верховного Совета Чувашской АССР, Президиума Верховного Совета Чувашской АССР и Совета Министров Чувашской АССР. Особо оговаривалось, что республиканским законодательством могли предусматриваться и другие случаи обязательного воспроизведения изображения Государственного герба.^[121]

Что же касается положения о флаге, то в нем необходимо отметить уточненный перечень сооружений, над которыми мог подниматься этот атрибут государственности. В него вошли: здания, где проводятся сессии Верховного Совета Чувашской АССР или сессии местных Советов народных депутатов Чувашской АССР (на весь период сессии); здания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Совета Министров Чувашской АССР, исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов Чувашской АССР (постоянно); здания министерств, государственных комитетов и ведомств, других государственных

и общественных органов Чувашской АССР, предприятий, учреждений и организаций республиканского и местного подчинения, а также жилые дома (в дни государственных праздников и в другие праздничные и памятные дни). Поднятие флага при церемониях и других торжественных мероприятиях, проводимых государственными и общественными органами, предприятиями, учреждениями и организациями могло осуществляться по распоряжению Совета Министров Чувашской АССР.^[122]

Таким образом, официальные символы Чувашии, начиная с 1930-х годов, полностью утратили свою национальную составляющую, а вместе с ней и яркую индивидуальность своего образа.

1.3. Современные государственные символы Чувашской Республики

*Уходим. Отнять же нельзя
Наш труд и отвагу.
И мы остаемся друзья,
В гербах и во флагах.*

Из стихотворения Народного поэта
Чувашской Республики П. Афанасьева

Современный период в развитии государственных символов республики связан с началом демократических преобразований в обществе во второй половине 1980-х гг., обусловивших переосмысление места и роли Чувашии в Российской и Советской Федерации.

Впервые мысль о необходимости разработки собственной, уникальной по своему художественно-графическому воплощению государственной символики была высказана на страницах республиканской печати В.П. Ивановым и А.А. Трофимовым, возглавлявшими в то время, соответственно, отдел этнографии и отдел искусствоведения Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИЯЛИЭ). «Чувашская АССР, – отмечали авторы, – будучи государством, сегодня имеет лишь усеченную, неполную атрибутику, к тому же совершенно не выражающую национальный характер государства». Далее они предлагали обсудить вопрос о разработке на конкурсной основе новых герба и флага, а также высказались за переосмысление и положительное решение вопроса о государственном гимне, который в Конституции республики вообще не упоминался. Учитывая особую важность вопроса, по мнению обоих ученых, с этой целью можно было бы провести референдум.^[1]

В феврале 1990 г. с предложением «об учреждении государственного гимна Чувашской АССР» в Верховный Совет республики обратился Заслуженный деятель искусств РСФСР и Чувашской АССР, член Союза композиторов СССР А.В. Асламас. К письму был приложен нотный и текстовый материал.^[2] В августе того же года он представил новый вариант гимна на стихи Заслуженного работника культуры Чувашской АССР Ю.С. Семендера.^[3]

Хотя идея обновления государственных символов встретила противодействие со стороны Чувашского обкома партии, в

среде научной и творческой интеллигенции республики она нашла самый живой отклик. Одно из первых документально зафиксированных обсуждений будущих государственных символов Чувашии состоялось 6 августа 1990 г. в ЧНИИЯЛИЭ с участием ведущих специалистов института и маститых художников. Как следует из текста, на суд его участников были представлены проекты герба и флага. К сожалению, из документа не ясно, кто был их автором или авторами.^[4]

Кроме оценок представленных вариантов государственной символики, были обозначены позиции по принципиально важным вопросам их разработки. Так, А.А. Трофимов указал на отсутствие исследований, связанных с древней чувашской религией, а также отсутствие у чувашей каких-то особых символов: «Чавашсен символё сук». Было также высказано мнение о ненужности проведения референдума для проведения работы над символикой.^[5]

М.Г. Кондратьев высказал сомнение по поводу использования в качестве гимна народной песни «Алран кайми аки-сухи», аргументируя это тем, что ее в основном поют верховые чувашаи. Одним из возможных вариантов он считал песню «Тăван Сĕршыв» Г. Лебедева на слова И. Тукташа.^[6]

Г.Ф. Юмарт предложил создать рабочую группу для разработки проектов гимна, герба и флага.^[7]

В.П. Петров (Праски Витти) указал на необходимость разработки концепции символики. Отметив богатство вышивки чувашского народного костюма, он посетовал на отсутствие исследований, которые бы помогли в выборе цветовой гаммы. Весьма критично отозвался он и о представленных на обсуждение проектах, сравнив их с выпелами и географическим кроссвордом: «Вымпелсем пек вĕсем. Географи кроссворчĕ майлă».^[8]

Тему цветовой гаммы развил в своем выступлении В.И. Агеев, считавший, что трех-четырёх цветов было бы достаточно. В качестве любимых у чувашей он назвал темно-коричневый и светло-синий, причем, в гербе и флаге, по его мнению, светлый тон должен был преобладать.^[9]

С критикой предложенных вариантов эскизов выступил Г. Григорьев, отметив, что по ним нельзя понять какой народ, какая мысль («мĕнле халăх, мĕнле шухăш»). При этом он обозначил ряд важных концептуальных моментов, которые необходимо было отразить в символах: связь с работой на земле, почитание родителей, солнце, сохранившиеся традиции, а также как

народу удалось выжить («мёнке чёре юлна пирён халăх – çавна палăртмалла»).[10]

Итог дискуссии подвел Ф.И. Мадуров. Согласившись с необходимостью доработки представленных проектов, он обратил внимание на важность получения исторического материала для разработки символики. При этом он не видел нужды в её всенародном обсуждении, полагая, что всю работу могут сделать только профессионалы. Для взаимодействия в вопросах разработки государственных символов им также было предложено собираться по понедельникам после 17 часов в научно-исследовательском институте.[11]

Как показало дальнейшее развитие событий, многое из того, что было озвучено на этом заседании, вошло в концепцию национально-государственной символики Чувашии.

23 августа 1990 г. газета «Советская Чувашия» опубликовала объявление Президиума Верховного Совета Чувашской АССР о проведении конкурса на разработку проектов национально-государственной символики: гимна, герба и флага. Для участия в нем приглашались все желающие. Работы предлагалось представить в Комиссию по культуре, развитию языка и межнациональных отношений Верховного Совета республики не позднее 3 сентября 1990 года. Сообщалось также об учреждении премий для победителей.[12]

На это объявление со статьей «Так ли проводятся конкурсы», опубликованной в газете «Советская Чувашия», откликнулся Заслуженный художник Чувашской АССР Э.М. Юрьев. Прежде всего, он обратил внимание на поспешность организаторов конкурса, которые отвели на его проведение всего десять дней. Опустив полемику с членами комиссии, носящую личностный характер, выделим наиболее конструктивные, на наш взгляд мысли автора. Во-первых, по его мнению, герб и флаг – это высокохудожественные произведения, во-вторых, «это и символы, вбирающие меня и нас во всем многотысячьи и несущие всех нас со всеми нашими мыслями, деяниями и состоянием к остальному человеческому обществу и к другим временам».[13]

Сознавая «великую ответственность», Э.М. Юрьев настаивал на том, чтобы работа по созданию герба и флага велась по всем правилам геральдики и вексилотографии (*так в тексте – В.Т.*), «с привлечением широкого круга не только «всех желающих», но и художников-профессионалов, которые и должны разработать эскизы не только с учетом идейно-эстетических

требований, но и с учетом специфики, воспроизведения изображений герба и флага на ткани, на металле, полиграфическими способами, с учетом использования их изображений при изменении размеров и масштабов (скажем, гербовая печать)». «Все это предполагает колоссальную многовариантную творческую работу, сопряженную со временем, а не любительские почеркушки», – резюмировал автор статьи.^[14]

Непременным условием принятия государственных символов республики Э.М. Юрьев считал всенародное обсуждение проектов, представленных на открытый конкурс, причем, «только по проектам, получившим всенародное одобрение». Были высказаны и дельные мысли по поводу организационных моментов проведения конкурса – его концептуальных идеях, условиях и вознаграждении участников.^[15]

Важным шагом на пути обретения Чувашией собственных государственных символов стала принятая 24 октября 1990 г. «Декларация о государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики», провозгласившая наличие у республики собственных государственных герба, флага и гимна, а также Закон Чувашской АССР «О декларации о государственном суверенитете Чувашской ССР».^[16] Именно они обеспечили необходимую правовую базу для пересмотра главных атрибутов государственного суверенитета – флага, герба и гимна.

До этого – 2 октября 1990 г. – уже был обнародован проект «Положения о концепции национально-государственной символики Чувашской Советской Республики»,^[17] в разработке которой приняли участие видные общественно-политические деятели новой демократической волны, крупнейшие чувашские ученые и специалисты. Своими постановлениями от 27 октября^[18] и от 15 декабря 1990 г.^[19] Верховный Совет Чувашской ССР утвердил сначала концепцию национально-государственной символики, а затем «Положение об условиях конкурса проектов национально-государственных Герб, Флага и Гимна Чувашской ССР – Республики Чăвашĕн» и состав конкурсной комиссии, в которую вошло 28 человек.

Эти документы фактически и положили начало четвертому этапу в развитии национально-государственной символики республики.

В предложенной концепции, прежде всего, обращает на себя внимание мотивировка столь важного для республики шага: «Учитывая происходящие в настоящее время процессы преобра-

зования советской федерации, объективный рост национального самосознания, появление исторического шанса на национально-государственное возрождение чувашской нации, как и других наций и народностей России и Союза ССР, после обретения государственного суверенитета Чувашской ССР с реальным политическим и экономическим содержанием должны быть заново созданы и законодательно утверждены Верховным Советом Чувашской ССР Герб, Флаг и Гимн как национально-государственные символы республики».^[20]

Согласно концепции будущие герб и флаг должны были отвечать следующим требованиям: «Композиционная структура Герба и Флага, сочетание цветов, изображенные атрибуты должны емко и концентрированно выражать народное мировоззрение в отношении природы, земного и небесного пространства, трудовых, этических и эстетических традиций. Герб и Флаг имеют любое графическое решение (оно может быть изобразительным, орнаментальным, либо синтезировать оба подхода). В то же время Герб и Флаг могут иметь единые основные эмблемы, цвета и графическое решение. Важным условием является опора на доминирующие цвета народного искусства, устойчивые орнаментальные мотивы и отдельные элементы (4-угольная звезда, кёскё, знак солнца, древо жизни, знак огня, пахотной земли и т.д.) либо зафиксированные в памятниках болгаро-чувашской материальной культуры геральдические образы и эмблемы».^[21]

Также авторами концепции было уделено много внимания будущему гимну республики. «Национальный Гимн, – указывалось в документе, – по сути должен представлять музыкально-поэтическую эмблему чувашской государственности и наряду с Гербом и Флагом есть существенный атрибут суверенитета республики. Исполнение гимнов – одна из древних традиций чувашского народа, связанная с важнейшими праздниками календарного цикла, поминовением предков и т.д. Создание национально-государственного Гимна Чувашии не может не учитывать эту существующую народную традицию торжественного песнопения, которая выражала важнейшие духовные ценности чуваш, этико-нравственные наставления молодым, заветы старцев, почитание природы и т.д. Характерным образом народной песни гимна является «Алран кайми аки-сухи» в обработке С.М. Максимова, лаконично выражающая приверженность земледельческому труду, связь между поколениями и национальное единение. Национально-государственный Гимн, рассчитанный

на массовое восприятие и исполнение хором в сопровождении оркестра (либо хором без сопровождения: предусматривается вариант исполнения оркестром без пения) должен иметь возвышенный строй, запоминающуюся мелодию, образный и содержательный текст, соответствующие канонам народного мелоса и поэзии».^[22]

В целом же, подчеркивалось в концепции, «как государственные и национально-культурные символы Герб, Флаг и Гимн должны представлять собой неповторимые, оригинальные произведения, выражающие общую волю и интересы чувашского народа, его неотъемлемое право на самоопределение».^[23]

Как видим, основной акцент был сделан на использование этнических мотивов в будущих символах Чувашской Республики. При этом вопрос об исторической преемственности герба Болгарского царства, зафиксированного в официальных дипломатических документах Московского государства XVI–XVII вв., не ставился.

Архивные документы свидетельствуют о том, что процесс обсуждения и выбора государственной символики протекал весьма непросто. На начальном этапе обсуждения герба и флага Комиссия по культуре, развитию языка и межнациональных отношений Верховного Совета Чувашской ССР рассмотрела более ста проектов. После объявления конкурса с четко заданными требованиями к будущей государственной символике было представлено 11 проектов, отвечающих объявленным условиям. Все желающие могли ознакомиться с ними на специальной выставке, проходившей в Чувашском государственном художественном музее в марте – апреле 1991 года.^[24]

Итоги этого конкурса были подведены 22 мая 1991 г., но почему-то не конкурсной комиссией, а Комиссией по культуре, развитию языка и межнациональных отношений Верховного Совета ЧССР. С учетом последовавших затем событий, есть необходимость полностью воспроизвести текст протокола ее заседания:

«Присутствуют: Хузангай А.П., Мадуров Ф.И., Карачарсков Н.П., Лепилин А.И., Казаков Н.Н., Семёнов Д.Ф.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Подведение итогов конкурса национально-государственных символов Чувашской ССР.

ВЫСТУПИЛИ:

Мадуров Ф.И.: Конкурсная комиссия не смогла собраться в полном составе, мнение 15 членов комиссии выявили опросным путём. Из них 8 человек высказались за то, чтобы присудить I место, а 7 человек высказались против такого решения. После арифметического вывода получили следующие результаты.

Большее число голосов получил проект 42842, за ним следуют 30691, 22442, 01789, 61318, 22440.

Хузангай А.П.: Конкурсная комиссия нам дала полномочие подводить чисто арифметические итоги.

Лепилин А.И.: 42842 похож на этикетку.

Семёнов Д.Ф.: Да, какое-то нагромождение символов чувствуется.

Карачарсков Н.П.: Всё же о том, какие символы должны быть в Гербе, какие цвета можно использовать в создании символов, необходимо было бы определиться ещё до объявления конкурса. Этого не было.

Хузангай А.П.: Такой вопрос долго обсуждался. Уже год идут дискуссии. Но единой точки зрения, единого подхода у учёных нет. Но какие-то точки соприкосновения всё же нашли. Предлагаю обнародовать авторов проектов, соединить несколько проектов для создания Герба и Флага.

Семёнов Д.Ф.: Но на 1-ое место не тянет ни одна работа.

Карачарсков Н.П.: Для меня здесь ни Герба, ни флага нет.

Казakov Н.Н.: У многих, наверное, есть желание увидеть чудо.

РЕШИЛИ:

Собрать ещё раз конкурсную комиссию на заседание для подытоживания конкурса».^[25]

Таким образом, результаты конкурса оказались совсем неоднозначными даже для лиц, причастных к его проведению.

Заседавшая 29 мая 1991 г. дважды Конкурсная комиссия по оценке национально-государственных символов Чувашской ССР по сути лишь официально озвучила имена победителей конкурса, уклонившись от каких-либо обсуждений. Первая премия была присуждена студенту Московского высшего художественно-промышленного училища Д.Ф. Мадурову; вторые премии – художнику и преподавателю Большешатъминской средней школы Красноармейского района Чувашской ССР С.Н. Михайлову (Юхтар), художнику и преподавателю Рунгинской средней школы Буинского района Татарской ССР А.И. Алексееву (Пикл); третьи премии – члену Союза художников СССР, заслуженному худож-

нику ЧССР Э.М. Юрьеву, художнику и преподавателю Рунгинской средней школы Буинского района Татарской ССР А.И. Алексееву (Пикл); художнику и преподавателю Красноармейской школы № 1 Красноармейского района Чувашской ССР Н.В. Кривошееву. Очевидно, для окончательного решения вопроса о государственной символике комиссия предложила «художникам, авторам проектов, занявших первые три места, войти в состав рабочей группы по выполнению проектов Герба и Флага в полном составе». В нее были также введены члены конкурсной комиссии, представившие ЧНИИЯЛИЭ: заведующий отделом искусства А.А. Трофимов, заведующий отделом языка А.П. Хузангай и старший научный сотрудник Н.И. Егоров. Авторы проектов по своему усмотрению могли пригласить и других лиц. Рабочая группа должна была к 9 сентября 1991 г. представить не более трех альтернативных проектов национально-государственных символов Герба и Флага Чувашской ССР.^[26]

Однако Э.М. Юрьев публично оспорил эти итоги, направив в газету «Советская Чувашия» открытое письмо под заголовком «По принципу «нравится – не нравится», в котором обвинил жюри конкурса в предвзятости.^[27] Опустив эмоциональную составляющую данного обращения, посвященную перипетиям проведения конкурсных мероприятий, выделим лишь те критические замечания, которые могли иметь практическое значение с точки зрения дальнейшей доработки. Во-первых, по мнению автора письма, проект герба Д.Ф. Мадурова «не поддается блazonированию».* Во-вторых, «с точки зрения утилитарной» Э.М. Юрьев посчитал его не выдерживающим «серьезной критики», указав в качестве аргумента на его непригодность для воспроизведения на печатях. Наконец, в-третьих, «победители не смогли проявить себя профессионалами», в том числе, с точки зрения «технологичности композиций для воспроизведения».^[28]

Тем не менее, «торжественное объявление», как сказано в протоколе заседания Комиссии по культуре, развитию языка и межнациональных отношений, итогов конкурса состоялось 18 июня 1991 года. Было фактически подтверждено ранее принятое решение конкурсной комиссии, но с некоторыми уточне-

* Благон (от старофранц. *blason* – щит) – особый язык геральдики, позволяющий подробно и точно описать герб, чтобы потом можно было воспроизвести его в виде рисунка.

ниями. Так, предлагалась создать не одну, а несколько рабочих групп с приглашением дизайнеров. Сбор всех участников разработки альтернативных проектов герба и флага предполагалось провести в Чувашском научно-исследовательском институте 24 июня 1991 года.^[29]

Данных о том, как реализовывалось это решение, к сожалению, выявить не удалось. Из протокола № 6 совместного заседания Комиссии по культуре, развитию языка и межнациональных отношений и Конкурсной комиссии по оценке национально-государственных символов Чувашской ССР от 18 ноября 1991 г. следует, что таких рабочих групп было три. Однако, Э.М. Юрьев участия в их работе не принимал. Не был он приглашен и на данное совместное заседание комиссий, хотя и присутствовал на нем.^[30]

Всего на суд обеих комиссий было представлено три проекта – А.И. Алексеева, Ф.И. Мадурова и С.Н. Михайлова. Однако ни один из них не получил однозначную поддержку у членов обеих комиссий. В качестве положительных моментов было, в частности, отмечено, что в них нашла отражение чувашская философия, а в самих проектах «правильно представлена чувашская космогония» (Н.Е. Егоров); проект Ф.И. Мадурова «будет понятен каждому ученику» (Д.И. Петрова), а использованный в нем образ лошади «очень близок чувашскому народу» (А.С. Никитин). Основные же замечания сводились к следующему: авторы проектов «не знают законов геральдики» (Э.М. Юрьев); «замысел авторов труднодоступен для простого человека» (Ю.М. Новоселов); «проекты Алексеева и Михайлова очень абстрактны», а «проект Мадурова очень насыщен различными деталями» (Г.А. Уткин); «пластика проектов Герб и Флаг оставляет несколько удручающее впечатление» (Н.П. Карачарсков). С учетом сказанного было даже высказано предложение не спешить с принятием символов. И всё же все три проекта решено было опубликовать в республиканских газетах для обсуждения.^[31]

На этом же заседании Э.М. Юрьев поднял вопрос о предоставлении ему, как призёру конкурса, возможности выставить свой вариант государственных символов.^[32] Конкурсная комиссия опросным путем большинством голосов (15 из 28) высказалась за разрешение ему представить четвертый проект.^[33]

9 января 1992 г. газета «Советская Чувашия» опубликовала четыре проекта герба и флага и предложила всем желающим

присылать в Комиссию по культуре, развитию языка и межнациональных отношений Верховного Совета Чувашской ССР или в редакцию свои предложения и замечания:

«Проект № 1

«ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА ЧУВАШСКОЙ ССР — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШГЕН

Государственный герб Чувашской Советской Социалистической Республики представляет собой гербовый щит светло-желтого цвета со стилизованными изображениями символов Вселенной и древнейшего орудия труда земледельцев — сохи. Снизу гербового щита расположены золотые колосья, по бокам два коня, сверху гербовый щит венчает корона — хушпу (женский головной убор чувашек). Внизу по горизонтали проходит лента с лозой хмеля.

Герб Чувашской ССР, выполненный по канонам европейской геральдики, символизирует стремление чувашского народа к построению цивилизованного правового, суверенного государства.

ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ ССР — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШГЕН

Государственный флаг Чувашской Советской Социалистической Республики представляет собой светло-желтое прямоугольное полотнище с полосой красного цвета с трех сторон.

В центре Флага расположен малый герб, символизирующий энергетическую взаимосвязь Вселенной с земледелием.

Отношение ширины Флага к его длине 1 : 2, ширина полосы составляет $\frac{1}{7}$ часть, а размер малого герба $\frac{1}{4}$ часть ширины Флага.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К ОПИСАНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШГЕН

Каждый элемент Герба и Флага имеет свое значение.

Наряду с общепризнанными символическими значениями: золото — богатство, сила, верность; серебро — невинность; голубой цвет — величие, красота, ясность; красный — храбрость; зеленый — надежда, изобилие, свобода; черный — скромность и т.д. у чувашского народа есть свои представления о символике цветов. Например, в чувашской символике красный цвет — оберегающий цвет; светло-желтый — цвет Вселенной (сут тёнче), цвет чистоты и т.д. Светло-желтый цвет фона щита Герба и Флага символизирует Вселенную (сут тёнче); серебристого цвета изображение коней

и хушпу – энергетическую мощь республики и чистоту культуры народа. Красный цвет – благородство и цвет, оберегающий от зла. Золотые колосья, лоза хмеля и украшения хушпу – богатство, силу и верность».

Проект № 2

ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА ЧУВАШСКОЙ ССР — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЬЕН

Герб Чувашской Советской Социалистической Республики представляет собой правильный восьмиугольник в сочетании двух цветов: сандалового (красно-коричневого) и слоновой кости (светло-желтого). В центре композиции расположен символ Мироздания. Горизонтальная полоса – Земля; вертикальная полоса – Ось мира; подковообразная дуга – Небесный свод; восьмиконечные звезды: Утреннее солнце, Полуденное солнце, Вечернее солнце (циклы Времени и Труда). С двух сторон символа Мироздания расположены символы космического огня. Над символом Мироздания на радугобразной полосе с М-образными концами написан девиз: «Эпир пулнă, пур, пулатпăр! (Мы были, есть и будем!)». Под символом Мироздания на прямоугольной полосе написано название государства: «Чавашьен». Под ним на поле Герба написано на чувашском языке: «Чăваш ССРĕ» и на русском: «Чувашская ССР».

Герб символизирует стремление народов Республики Чăвашьен к возрождению, свободному развитию и процветанию в мировом сообществе.

ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ ССР — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЬЕН

Флаг состоит из полотнища цвета слоновой кости – светло-желтого цвета, окаймленного сверху и снизу полосами сандалового (красно-коричневого) цвета. По середине размещен символ Мироздания (сандалового цвета).

Отношение ширины Флага к его длине – 1 : 2.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К ОПИСАНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГЕРБА И ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЬЕН

Каждый элемент Герба и Флага имеет определенное значение.

Символ Мироздания означает Гармонию, Единство всего живого на Земле и под Небом. Желтый цвет является одним из любимых цветов чувашского народа, несет большую смысловую нагрузку: символизирует благоденствие, миролюбие, стремление к свободе и нравственной чистоте. Полосы сандалового цвета

подчеркивают бесценность и святость Жизни, стремление чувашского народа к содружеству со всеми народами.

Цвет и символы Герба и Флага соответствуют канонам чувашского декоративного орнаментального искусства».

Проект № 3

«ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА ЧУВАШСКОЙ ССР — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЬЕН

Герб Чувашской Советской Социалистической Республики представляет собой восьмиугольник, в центре которого находится Древо жизни; по обеим сторонам Древа — птицы; в нижней части надпись «ЧАВАШЬЕН». Все это находится под сводом неба с тремя восьмиконечными звездами, поддерживаемыми двумя опорами небосвода с рогообразными завитками.

На цветном изображении Герба — символы красного цвета, общий фон — желтый.

Герб символизирует мечту народов Республики Чавашьен о возрождении, свободном развитии и процветании.

ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ ССР — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЬЕН

Флаг Чувашской ССР представляет собой желтое прямоугольное полотнище с вертикальной полосой и орнаментальной композицией красного цвета (1/3 часть длины Флага) у древка. Для окантовки использован черный цвет.

Орнаментальная композиция состоит из трех групп рогообразных завитков (по 1/3 ширины Флага).

Отношение ширины Флага к его длине — 1 : 2.

Флаг символизирует связь между прошлым, настоящим и будущим, устремленность в будущее: «Мы были, есть и будем!».

РАЗЪЯСНЕНИЕ К ОПИСАНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГЕРБА И ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЬЕН

Все элементы Герба и Флага имеют определенное значение. Композиции Герба и Флага подчинены канонам чувашского орнаментального искусства, при их построении использована национальная символика.

Все символы Герба и Флага выполнены красным цветом на желтом фоне. В отличие от других цветов, в чувашской вышивке красным цветом могут вышиваться абсолютно все фигуры. Независимо от того, какой реальный цвет имеет изображаемый предмет.

Желтый цвет связан с представлениями чувашей о прекрасном. Красный цвет — это символ огня, солнца, отваги, радости, это цвет жизни.

Древо жизни – источник жизни, символ плодородия, воплощение души народа. Птица – символ светлого небесного пространства, безгрешной души, добра, надежды и мира. Восьмиугольная звезда – образ солнца, дарящего жизнь; символ, который оберегает благополучие.

Рогообразный завиток – символ бесконечно горящего светила.

Горизонтальная полоса в нижней части Герба – земная твердь».

Проект № 4

«ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА ЧУВАШСКОЙ ССР – РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЪЕН

Государственным гербом Чувашской Советской Социалистической Республики является изображение гербовой эмблемы «Возрождающаяся Чувашия» («Вечное Древо») на золотом геральдическом щите, обрамленном золотистыми дубовыми ветвями, перевязанными синей лентой с девизом «ПУЛНӐ, ПУР, ПУЛАТПИӐР» («Были, есть и будем»).

Глава (верхнее поле) геральдического щита покрыта желтой финифтью. Оконечность, основание (нижняя часть), изображающая чувашскую землю, и эмблема «Возрождающаяся Чувашия», занимающая почетное центральное место, покрыта пурпурной, заменяющей излюбленный чувашами сандалово-красный цвет, финифтью.

ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ ССР – РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЪЕН

Государственный флаг Чувашской Советской Социалистической Республики представляет собой полотнище с соотношением сторон 5:8 (золотое сечение), пересеченное по вертикали на желтое (вверху) и сандалово-красное (внизу) поля. В центре полотнища помещено изображение гербовой эмблемы «Возрождающаяся Чувашия», занимающее 1/3 часть длины полотнища.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К ОПИСАНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГЕРБА И ФЛАГА ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ – РЕСПУБЛИКИ ЧАВАШЪЕН

Геральдический щит с пропорциями сторон 6:5, типа французских картушей (нет прямых углов) – основная несущая гербовая фигура, выполнен в традициях европейской геральдики, что указывает на местонахождение Чувашии в Европе; щит пересечен на голову (главу) и основание в соотношении 5:1.

Главная гербовая эмблема «Возрождающаяся Чувашия» («Вечное Древо») состоит из трех элементов:

Слева направо:

элемент 1 – символизирует территорию Чувашской ССР и чувашей, родившихся здесь и населяющих ее. Является стержнем эмблемы;

элемент 2 – расположен ниже и симметрично элементу 1, символизирует граждан Чувашской ССР нечувашской национальности;

элемент 3 – замыкающий, завершающий главную эмблему, начинается от краев геральдического щита симметричными линиями, которые доходят до вертикальной стержневой линии, устремляются вверх и образуют единый ствол и крону Древа. Символизирует чувашей, родившихся и проживающих за пределами Чувашской ССР.

В целом эмблема «Возрождающаяся Чувашия» («Вечное Древо»), ее силуэт напоминает традиционно почитаемый чувашами дуб. Но в Гербе это могучее дерево изображено языком древнейшей чувашской письменности. Симметричное изображение элементов Древа в поле Герба выражает стремление чувашского народа к внутренней духовной гармонии, к ладу с окружающим обществом и природой.

Для полотнища Флага взяты пропорции «золотого сечения» ($5 : 8$, а не $1 : 2$), так как в vexilloграфии большинства стран принято это соотношение как качество, проверенное тысячелетиями. $3 \frac{1}{2}$ части на высоте – верхняя часть – окрашена в желтый цвет, который, как гласит чувашский фольклор, является наиболее благородным и возвышенным. Желтое поле Флага обозначает «Сарă хĕвел» — пространство под солнцем населяемое чувашами. Нижняя часть полотнища ($1 \frac{1}{2} : 5$), означающая землю, на которой проживает чувашский народ, окрашена, как и эмблема «Возрождающаяся Чувашия», в сандалово-красный цвет. Изображение на полотнище Флага геральдической гербовой эмблемы придает Государственному флагу Чувашской ССР индивидуальность, выделяет среди двух- и трехцветных рассеченных и пересеченных полотнищ». [34] (см. вкладку илл. № 40–43)

Публикация проектов вызвала небывалый всплеск общественной активности. Без преувеличения можно сказать, что к их обсуждению не остались безучастными ни творческая интеллигенция Чувашии, ни тысячи граждан республики, ни представители чувашской диаспоры со всех концов бывшего СССР и Российской Федерации. Для того чтобы понять все перипетии трудного и ответственного выбора, который предстояло сделать республике, приведем некоторые отклики на представленные проекты.

«Нет смысла говорить, – писал в своей корреспонденции в газету «Советская Чувашия» старший художник художественно-оформительской мастерской Чебоксарского района Н. Максимов, – насколько ответственна и почетна задача – выполнить эскизы государственных символов двухмиллионного народа с древней историей, культурой, национальными традициями. <...> На мой взгляд, проекты кажутся незавершенными. Первый – явно перегружен деталями. Не найдена форма щита. Мне кажется, надо продолжить поиск, взяв за основу удачно найденную форму сохи. Второй проект очень абстрактен, в него нужно внести национальные мотивы. Мне больше импонирует четвертый вариант. Но дубовые ветки, занимающие слишком много места, не несут смысловой нагрузки, а лишь оформляют герб. Чувашия же славится в первую очередь хмелем. На мой взгляд, очень спорно присутствие текста на гербе «Пулнă, пур, пулатпăр». Звучит высокопарно и вызывающе». В заключении он пожелал авторам «создать действительно чувашский, национальный, неповторимый герб, чтобы без длинных аннотаций был понятен символ чувашского народа».^[35]

Весьма резко высказался по представленным проектам строитель В. Терентьев: «Картинки, которые находятся в середине (*варианты № 2 и 3 – В.Т.*), сразу отпадают, потому что уж слишком замысловато нарисованы, и не очень хочется верить, что в таком множестве всяких деталей есть какая-то большая мысль. Может быть, и очень интересный вариант с конями, но и в нем трудно сразу разобраться. Сразу видишь толстозадых лошадей, а только потом узнаешь, что лошади только добавляются к чему-то другому главному, а оно (главное) нарисовано как ненужное, необязательное, да еще придавлено тяжелыми хушпу. Так что остается более-менее без сомнений четвертый (правый) вариант, в котором центром является могучее дерево».^[36]

Не менее категоричным оказался и его коллега И. Мионов: «Представленные образцы государственных гербов и флагов Чăвашьен не отвечают требованиям. В них нет души народа. Все они холодные, с надуманными смыслами картинок. <...> Конкретно о проектах. Кто поймет, что в первом варианте соха? А кони там как со времен египетских фараонов. Герб громоздкий. А флаг ни о чем не говорит. Рисунок такой здесь даже лишний. Нужен более легкий, воздушный. Во втором проекте – нагромождение геометрических фигур. Если не было бы надписи «Чăваш ĕршывĕ», можно было бы принять весь рисунок как

канву для кроссворда. Флаг тоже не годится. Третий вариант. Что-то похожее на герб есть. Но пока мертв, надо оживить, облегчить, и отказаться от восьмиугольника – канвы. Может. Подойдет трапеция, окружность. Надо вдохнуть жизнь в древо жизни. Флаг более близок к существу. В четвертом варианте мне нравится оформление ядра, но почему окаймляет его только дуб? Где колосья хлеба, где хмель? Надо бы облегчить ядро. Флаг не нуждается в надуманном рисунке».^[37]

Скульптор Л. Тихонов дал следующую оценку проектам: «Из четырех проектов хочу остановиться на символике с надписями «Пулнӑ, пур, пулатпӑр» (*проект № 4 – В.Т.*), которая вполне достаточно своей большой профессиональной грамотностью и национальным оттенком. Она может быть понятной народу и принята за основу. Есть некоторые пожелания автору – убрать дубовые листья вокруг герба и надпись «Пулнӑ, пур, пулатпӑр». Оставить до предела лаконичный герб и вокруг герба на ленте надпись «Чӑваш сӗршывӗ». А флаг этого автора не вызывает никаких сомнений. Три других проекта уровня государственной символики не достигли, остались товарными знаками. Абсолютно уверен, что символика с конями даром не пропала бы. Была бы великолепным рекламным знаком, скажем, для Ядринского конезавода и т.д.»^[38]

Также остро высказался по первому проекту журналист А. Яковлев, который отметил: «Из представленных четырех проектов государственного герба и государственного флага Чувашской республики наиболее неудачным, на мой взгляд, получился первый. Он практически скопирован с эмблемы Московского цирка, и этим, пожалуй, сказано все. Этот вариант никак не отражает национальную самобытность чувашей, думается, чужд и людям других национальностей, проживающих в нашей республике». Наиболее приемлемым автор письма назвал вариант № 4, но и он, по его мнению, «не полностью отражает нашу республику, особенно надпись «Пулнӑ, пур, пулатпӑр», вместо которой А. Яковлев предлагал поместить название республики».^[39]

Житель Чебоксар И. Петров наоборот поддержал проект под первым номером: «Из гербов, без сомнения, наибольший интерес представляет первый проект, выполненный по канонам европейской геральдики. Работа просто радует глаз по сравнению с тремя другими безликими изображениями». При этом он остался недоволен проектами флагов: «Ни один из представ-

ленных четырех проектов меня не удовлетворил. Мне бы хотелось, чтобы флаг приближал нас к европейским христианским государствам. А они в своем большинстве имеют трехцветный, трехполосный флаг. Если быть точнее, то государственный флаг Чувашии я вижу таким: он представляет собой бело-желто-красное прямоугольное полотнище».^[40]

В целом, при обсуждении наибольшее предпочтение было отдано проекту № 4. «Я просмотрел все проекты, – писалось еще в одной из корреспонденций, опубликованной в газете «Советская Чувашия», – и мне понравились герб и флаг с изображением вечного дерева. Герб этот – самый простой из всех представленных, остальные слишком громоздки и неясны, а два средних проекта слишком уж загромождены языческими символами и выглядят не очень привлекательно. Наша республика состоит не из язычников. Выбранный мною проект наиболее рационально скомпонован. Флаг этого проекта наилучшей пропорции, и на нем помещен наиболее запоминающийся элемент герба».^[41]

Как видим, процесс создания главных символов государства оказался непростым. К сожалению, он протекал не совсем в русле сложившихся в мировой практике геральдических канонов.

Прежде всего, необходимо отметить, что блазон всех проектов не безупречен с точки зрения правил геральдики. Так, представленные авторами изображения символов весьма сложно соотносить с предложенными описаниям.

Основой гербов, как известно, являются щиты, получившие в геральдике, в зависимости от своей формы, соответствующие названия: варяжский (треугольный), византийский (круглый), итальянский (овальный), испанский (четыреугольный с закруглением внизу), французский или классический (четыреугольный с заострением внизу), германский (вырезной). Используемый в первом проекте щит, лишь условно можно отнести к таковому, хотя автор и утверждает, что он выполнен «по канонам европейской геральдики». Во втором и третьем проектах используется восьмиугольная фигура, которая не соответствует ни одному из описанных вариантов щитов. В четвертом проекте геральдический щит, выполненный по утверждению автора в традициях европейской геральдики, почему-то отнесен к «типу французских картушей», хотя, по сути, является вырезным и считается в геральдике «германским». Кроме того, в проектах № 2–4 используется обрамляющая щит кайма, которая в

геральдике означает понижение достоинства. Ее использование, к сожалению, авторами никак не объяснено.

Кроме того, геральдическими правилами регламентируется использование финифти (красный, голубой, зеленый, пурпуровый, черный цвета) и эмали (золото и серебро), которые могут изображаться, как краской, так и графически (штрихами). Например, красный цвет обозначается вертикальными линиями, голубой (лазурь) – горизонтальными, зеленый – диагональными линиями справа, пурпур – диагональными линиями слева, черный – пересекающимися перпендикулярно линиями или сплошной затушевкой. Телесные и натуральные цвета при изображении человеческих тел и фигур графически изображаются оттенениями и тушевкой. Золото графически обозначается точками, а серебро графически не изображается и представляет собой белый фон.^[42] Как видим, отклонение от этих цветов практически невозможно, так как каждому из них соответствует строго определенное условно-графическое обозначение. Поэтому используемые авторами понятия «светло-желтый» и «сандалово-красный» с точки зрения геральдических правил не совсем корректны. И уж совсем недопустимо называть желтый цвет финифтью, как это было сделано в четвертом проекте!

Дополнительными элементами герба являются шлем, корона, нашлемник, намет, мантия, девиз, щитодержатели. Корона, или наголовье, как один из таких элементов, служит признаком власти и своею формой определяет звание, сан и титул лица. Их внешний вид и использование также строго регламентированы.^[43] В связи с этим отождествление хушпу с короной нельзя считать приемлемым, если следовать правилам геральдики.

Наконец, в своем стремлении придать государственному гербу особую величественность не все авторы учли возможные случаи его использования. Так, например, воспроизведение, сложных по композиции вариантов № 1–3 на гербовой печати, размер которой не превышает диаметр 45 мм, безусловно, вызвал бы определенные трудности с учетом того, что на ней должен быть еще и текст с названием организации. Те же проблемы возникли бы с бланками документов, на которых согласно действовавшему на тот момент ГОСТу изображение герба не должно было превышать 20 мм в диаметре.^[44]

Как видим, участники конкурса оказались в весьма сложном положении. Они должны были либо строго придерживаться

правил геральдики, либо идти своим, непроторенным, путем. К последнему варианту подталкивало широкое обсуждение будущих государственных символов, которое показало, что в основе их художественного воплощения должны лежать национальные мотивы. Такой подход в целом разделяла и Комиссия по культуре, развитию языка и межнациональных отношений Верховного Совета республики. Ее председатель А.П. Хузангай, на одном из заседаний комиссии отмечал: «У чувашского народа традиции геральдики утеряны. Приходится начинать с нуля. <...> В народном искусстве чуваш есть свои каноны».^[45]

В целом можно констатировать, что на принятие политических решений по формированию государственной символики существенное влияние оказывало общественное мнение. При этом этнический элемент стал доминирующим.

Широкое обсуждение проектов в средствах массовой информации еще больше добавило остроты в решение вопроса о будущих гербе и флаге республики. Последний акт этой по-настоящему драматической истории состоялся в конце января – начале февраля 1992 года. Так, заседавшая 31 января 1992 г. Комиссия по культуре, развитию языка и межнациональных отношений Верховного Совета Чувашской Республики, рассмотрев проекты, приняла решение «предложить 3 авторам – Мадурову Д.Ф., Михайлову С.Н., Юрьеву Э.М. найти точки соприкосновения и поработать вместе, чтобы создать один проект и выйти с ней (*так в тексте – В.Т.*) на сессию». Но ни один из них с этим решением не согласился.^[46]

В этот же день состоялось совместное заседание Комиссии по культуре, развитию языка и межнациональных отношений и Конкурсной комиссии по оценке национально-государственных символов. О высочайшем эмоциональном накале, царившем на этом заседании, свидетельствуют даже скупые строки протокола. Приведем полностью выступления участников:

«Хузангай А.П.: Этот вопрос готовится вносить в повестку очередной сессии. Сейчас мы должны выбрать один или два проекта для сессии.

Мадуров Ф.И., Михайлов С.Н., Юрьев Э.М. рассказали о своих проектах. С проектом Алексеева А.И. познакомил Хузангай А.П.

Энтип В.И.: Я устал от этих дискуссий, споров. Гимн должен был звенеть уже перед выборами Президента, а Флаг должен был уже висеть. Мне не нравится ни один проект. Нет чу-

вашской философии. Авторы не знают чувашского фольклора, чувашская звезда не восьмиконечная, а круглая.

Яковлев В.Н.: Мои эмоциональные ощущения совпадают с мнением Энтипа В.И. Авторы хорошо рассказали о своих работах, но их рассказ не совпадает с созданными ими работами. Слишком много иррационального. Есть много неслучайного, интересного, но я ничего не могу выбрать. Декларация отталкивает, поэтому слова «Эпир пулнă. пур, пулатпăр» надо исключить.

Александров С.А.: У чувашской интеллигенции – всегда две крайности: коллективизм и индивидуализм. С принятием символов больше тянуть нельзя.

Никитин А.С.: Весь наш кризис в том, что руководители чувствуют себя временщиками. Считаю, что А.П. Хузангай должен взять на себя ответственность, определиться, и со своим мнением выйти на сессию.

Новосёлов Ю.С.: 2 и 3 проекты – сложны для понимания. Нет красоты. На один уровень ставлю 1 и 4 проекты. На сессии нельзя показывать все четыре варианта. I вариант удачнее.

Наумов Н.Е.: Нельзя сказать, что художники не работали, проделана огромная работа. Выйти на сессию с тремя проектами – первым, вторым и четвёртым. Отложить нельзя.

Станьял В.П.: Согласен с Наумовым. Принцип сурпана для Флага – более удачный. Полотнище должно быть светло-жёлтого цвета. Чтобы на любом фоне смотрелось.

Мирхолов А.С.: Надо выбрать один вариант.

Карачарсков Н.П.: Поддерживаю Мирхолова. С Энтипом согласен, хотя и не чуваш. 2 и 3 проекты – чуть-чуть однобоко для Чувашии. Много геометрии. От I варианта – в недоумении: почему хушпу – корона? У нас что – монархия? Соха и колосья – как бы масло в масле. Надо бы оставить один символ. Окончательного варианта для меня нет. Надо доработать.

Хузангай А.П.: Нельзя все сводить к нулю. По Положению этап конкурса прошли. Окончательное решение примет Комиссия по культуре, развитию языка и межнациональных отношений».[47]

Таким образом, к единому мнению участники обсуждения так и не пришли и решения не приняли. В этой ситуации последняя реплика А.П. Хузангая, по-видимому, устраивала всех. Однако заседание Комиссии по культуре 7 февраля 1992 г. стало

лишь продолжением споров. Судя по протоколу, они были такими же острыми:

«Карачарсков Н.П.: С симпатией отношусь к проекту Юрьева.

Айдак А.П.: Более удачна работа Юрьева, но здесь есть лишние элементы. Не надо делать фетиша из хмеля.

Архипов Г.Н.: Согласен с Карачарсковым.

Казаков Н.Н.: Герб Юрьева – какой-то искусственный. Претензий нет к гербу Мадурова, но подходит ли это к Гербу Чувашии...

Хузангай А.П.: В Юрьевском варианте никакой логики нет. У Михайлова есть цельность. Это законченное произведение. Хмель – символ недавнего времени. В фольклоре его нет. Есть дуб и липа, символизирующие отца и мать. Мадуровский проект очень сложен для Герба. Я считаю, что с принятием Герба надо подождать. Флаг – утвердить. Все четверо автора нашли что[-то] общее – например, цвет: желтый и красный. Семёнов Д.Ф., например, предлагает применить в создании Флага «идею сурбана»: белое полотнище с красными берегами».

В итоге все же было решено «предложить для рассмотрения на сессии три альтернативных проекта Герба и Флага, авторами которых являются Мадуров Д.Ф., Михайлов С.Н., Юрьев Э.М.»,^[48]

Нельзя не отметить одну немаловажную деталь. Ни в одном из обсуждений не упоминались и не рассматривались отклики населения, присланные в Верховный Совет и республиканские газеты. По крайней мере, в имеющихся протоколах различных комиссий и рабочих групп никаких упоминаний о них обнаружить не удалось, хотя в фонде Верховного Совета имеется отдельное дело с письмами и предложениями граждан.^[49]

Не обошлось без дискуссий и при обсуждении вопроса на заседании девятой сессии Верховного Совета 15 февраля 1992 года.^[49] И все же депутаты абсолютным большинством голосов сделали выбор в пользу проектов герба и флага, созданных народным художником Чувашской Республики Э. М. Юрьевым. Они и были приняты за основу, а их автору предложено внести коррективы в разработанные проекты с учетом высказанных замечаний и пожеланий.^[51]

Очевидно, на данном этапе лаконичностью и точностью образа он в большей степени соответствовал духовным поискам возрождавшейся нации. Как отмечает О.П. Денисова-Вовина,

«символ священного (мирового) дерева как олицетворение возвращенного наследия, восстановленной связи с предками и одновременно жизни, молодости, возрождения стал центральным в дискуссиях о проблемах народной философии, темы жизни-смерти, периодов упадка и расцвета истории народа».^[52]

Обсуждение будущего государственного гимна внешне было более спокойным. По крайней мере, его участники не позволяли себе резких, а иногда и грубых, публичных оценок, как в случае с гербом и флагом. Очевидно, это было связано с тем, что все проходило в достаточно узком кругу профессиональных сообществ музыкантов, музыковедов, поэтов, писателей и литературоведов. Но и здесь все складывалось непросто. Так, заведующий кафедрой чувашской литературы Чувашского госуниверситета В. Никитин-Станьял в статье, опубликованной в газете «Советская Чувашия», отмечал: «Печально бессильными оказались композиторы и поэты, представившие для обсуждения явно слабые произведения».^[53] Оценивая ход конкурса, А.П. Хузангай сетовал на то, что «композиторы по активности явно уступали художникам».^[54]

Поэтому собственно предстояло сделать выбор в пользу произведений давно ставших не только любимыми и популярными, но и воспринимавшимися в сознании чувашей как подлинно национальные гимны. Это были народная песня «Алран кайми аки-сухи» в обработке С.М. Максимова и торжественная песня Г. Лебедева на слова И. Тукташа «Тăван Сĕршыв» («Отчизна»).

Как подчеркивали члены конкурсной комиссии по оценке проектов текста национально-государственного гимна, у каждого из этих вариантов были свои плюсы и минусы. Так, авторитетный ученый-музыковед М.Г. Кондратьев отмечал: «Аки-сухи», несомненно, сильная вещь, намного сильнее «Тăван сĕршыв». Это национальный гимн, он живет больше в душе чуваш. А нам нужен государственный, общий символ. Лебедевское произведение – готовая эмблема с большой традицией. «Тăван сĕршыв» – чисто фольклорная вещь, именно застольная песня в самом хорошем смысле слова. Никак не назовешь танцевальной. Здесь чувствуется интонация обрядовой песни. Это – праздничная песня, на наше счастье, в ней нет моментов советской песни. Это также патриотическая песня. Гимн, конечно же, в первую очередь должен быть проникнут именно этим чувством. Она давно ушла из быта,

поется в самых торжественных случаях. Крошить текст – нельзя, можно внести небольшие коррективы».^[55]

Его поддержал художественный руководитель и главный дирижёр Чувашской государственной академической симфонической капеллы, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации и Чувашской Республики М.Н. Яклашкин: «Аки-сухи» – это настоящий Гимн нашего народа. Но она рассчитана на исполнение профессионалов. Гениальное, но очень сложное произведение. <...> Многие музыканты ратуют за песню «Тăван сĕршыв».^[56] Этого же мнения придерживался и народный артист Чувашской АССР Ю.А. Прокопьев, который отметил, что гимн не должен быть сложным. «В этом смысле «Аки-сухи» даже для меня, оперного певца, кажется трудным для исполнения. И слова должны быть простые» – резюмировал он.^[57]

В итоге было решено в качестве национально-государственного Гимна Чувашской Республики принять песню «Тăван сĕршыв» композитора Г. Лебедева и поэта И. Тукташа с небольшими коррективами в тексте.^[58] Однако, Верховный Совет Чувашской Республики своим постановлением от 15 февраля 1992 г. сделал свой выбор пока лишь в пользу музыки этого произведения. Комиссии Верховного Совета было поручено «продолжить конкурс проектов текстов Государственного гимна Чувашской Республики согласно Положению об условиях конкурса, утвержденному постановлением Верховного Совета Чувашской ССР от 6 ноября 1991 года».^[59]

Окончательный вариант текста был одобрен на заседании рабочей группы по доработке текста Гимна Чувашской Республики 6 апреля 1992 года. Он и был вынесен на обсуждение 11-й сессии Верховного Совета.^[60]

День 29 апреля 1992 г. стал для Чувашии историческим. Верховный Совет Чувашской Республики подвел черту в спорах о государственной символике, приняв пакет документов: Закон Чувашской Республики «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Чувашской Республики», постановления Верховного Совета Чувашской Республики «О Государственном гимне Чувашской Республики», «О Положении о Государственном гимне Чувашской Республики», «О Положении о Государственном гербе Чувашской Республики», «О Положении о Государственном флаге Чувашской Республики».^[61] (см. вкладку илл. № 49–50)

А уже 9 мая 1992 г. газета «Советская Чувашия» сообщила о том, что накануне, в 10 часов 30 минут, над Домом Советов в Чебоксарах был поднят вновь принятый Государственный флаг Чувашской Республики.^[62]

Новые государственные символы постепенно вошли в повседневную жизнь Чувашской Республики, стали ее неотъемлемой частью, «лицом» государства. Вместе с тем, отсутствие правовых норм, закреплявших правовой статус государственных символов, организацию контроля за соблюдением законодательства в этой сфере, препятствовало полноценному использованию главных атрибутов государственности. Данное обстоятельство предопределило принятие 14 июля 1997 г. Закона Чувашской Республики «О государственных символах Чувашской Республики» – первого в новейшей истории России регионального законодательного акта в этой весьма важной и специфической правовой сфере.^[63] Разработка его проекта была осуществлена Комитетом по делам архивов Совета Министров Чувашской Республики, наделенного с 1993 г. дополнительными полномочиями по государственному регулированию создания и использования государственных символов, эмблем и иной символики, соблюдению законодательства в области геральдики в Чувашской Республике.

16 апреля 2004 г. по предложению Чувашского республиканского общественного фонда историко-культурологических исследований имени Э.М. Юрьева и по инициативе Президента Чувашии Н.В. Федорова Государственный Совет Чувашской Республики принял закон, в соответствии с которым был установлен День государственных символов Чувашской республики, ежегодно отмечаемый 29 апреля – в день, когда были утверждены Государственный флаг Чувашской Республики, Государственный герб Чувашской Республики и Государственный гимн Чувашской Республики. В преамбуле закона особо подчеркивалось, что государственные символы «сыграли важную роль в развитии чувашской государственности и включают в себе непреходящие ценности многовековой истории чувашского народа».^[64]

Таким образом, процесс утверждения новой государственной символики Чувашии носил специфический характер. Ее принятие было обусловлено развитием национального движения и осуществлялось в контексте обретения политической самостоятельности региона. Это и предопределило использование

этнической атрибутики в главных символах, олицетворяющих современную Чувашскую Республику.

Вместе с тем, как представляется, процесс обретения государственных символов с утверждением государственных флага, герба и гимна, а также принятием Закона Чувашской Республики «О Государственных символах Чувашской Республики» себя не исчерпал. Отношение граждан к государственной символике во многом определяет уровень общественного сознания. Статья 1 закона гласит: «Государственные символы Чувашской Республики – достояние народа Чувашской Республики, его высшие святыни, охраняемые и защищаемые государством». Таким образом, буква и дух закона предоставляют возможность расширить понятие государственных символов Чувашской Республики и отнести к ним не только государственные Герб, Флаг и Гимн, но и наименования (чувашское и русское) республики (как словесный символ), ее столицу Чебоксары, а также государственные праздники и памятные дни, закрепив это в соответствующих законодательных актах.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

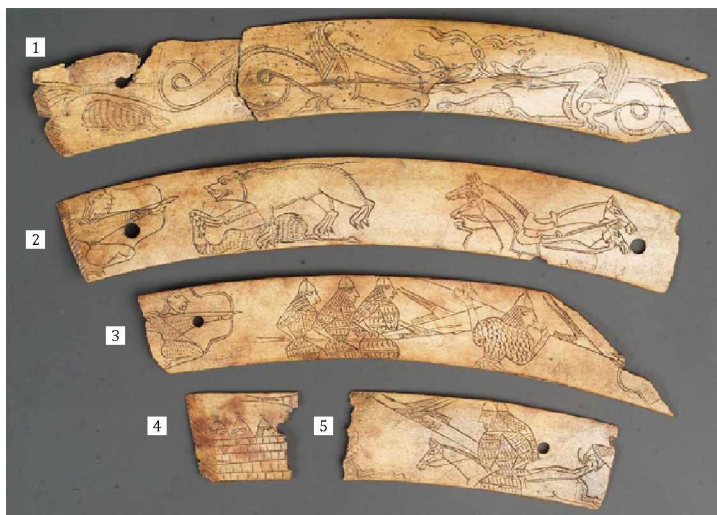

**1. Древнетиюрское «волчье знамя» VII–VIII вв.
Реконструкция М.В. Горелика.**

**2–3. Навершья «волчьих знамен» из собрания
Государственного Эрмитажа.**

[Электронный ресурс] – Режим доступа :
<http://test.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/08.+Applied+Arts/97931/?lng=en>

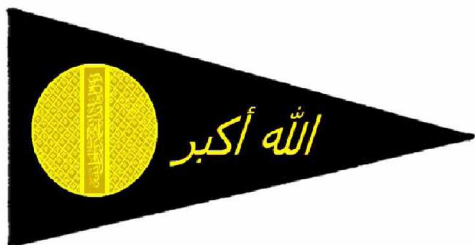

4. «Шиловские пластины»

Раннее средневековье, ранние болгары. VII век. КП-26136/32-37
 Сайт Самарского областного историко-краеведческого музея им.П.В. Алабина
 [Электронный ресурс] – Режим доступа :
<http://www.alabin.ru/ncollection/index.php?node=2&coll1=003&coll2=0001&suche=0>

5. Миниатюра из Радзивилловской летописи с изображением знамени болгарской дружины

6. Флаг Аббасидов

7. Большая государственная печать царя Ивана Васильевича.
1577 г. (?)

8. Герб Болгарский из «Царского титулярника». 1672 г.

10. «Манифест о полном гербе Всероссийской империи»,
утвержденный 16 декабря 1800 г.

11–12. Чувашка в расшитой национальным орнаментом одежде из книги И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (СПб., 1799)

13. Чувашки в национальной одежде из книги «Illustrations de Les peuples de la Russie» (Paris, 1812–1813)

14. Чувашка в национальной одежде из книги «Description ethnographique des peuples de la Russie». (СПб., 1862)

15. Герб РСФСР, утвержденный V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.

16. Латунная печать Ревкома Чувашской автономной области. 1920 г.

Из собрания БУ «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии.

ЧКМ 16726

Н. 4134

17. Латунная печать Представительства Чувашской АССР при Президиуме ВЦИК. 1925 г.

Из собрания БУ «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии.

ЧКМ 16727

Н. 4135

18–19. Удостоверение и значок
члена ЦИК ЧАССР.
1926–1927 гг.

20–22. Значки членов ЦИК
автономных республик.

23–24. Проекты герба и флага Чувашской АССР, выполненные П.Е. Мартенсом.

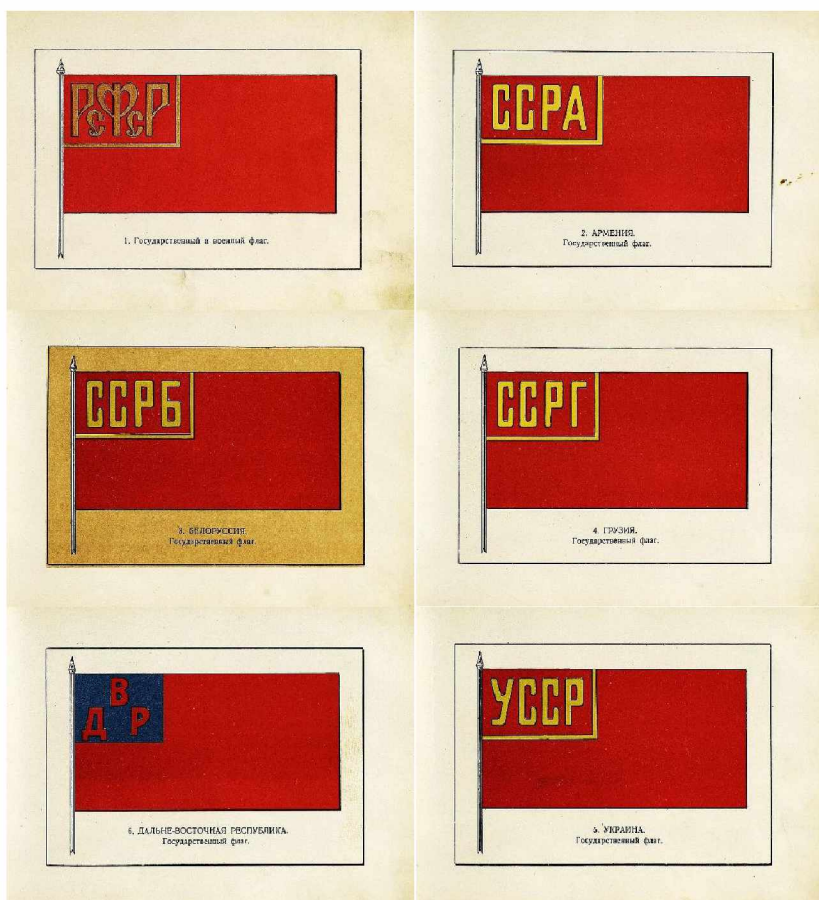
25–26. Государственные герб и флаг Чувашской АССР, утвержденные II (VII) съездом Советов республики. 1927 г.

27–28. Государственные герб и флаг Чувашской АССР, утвержденные IV (IX) съездом Советов республики. 1931 г.

29–30. Государственные герб и флаг Чувашской АССР по Конституции Чувашской АССР 1978 года.

31—36. Флаги союзных республик из «Альбома флагов и вымпелов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, союзных советских республик и иностранных государств» (Москва: Издание Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР, 1923).

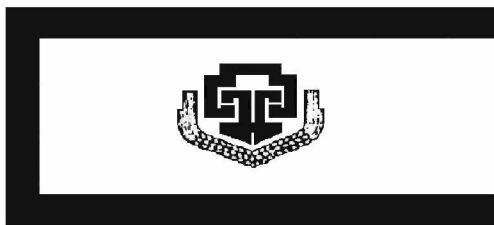
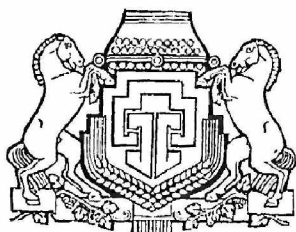

37. Памятная настольная медаль с изображением Государственного герба Чувашской АССР. Алюминий. [1980-е гг.]

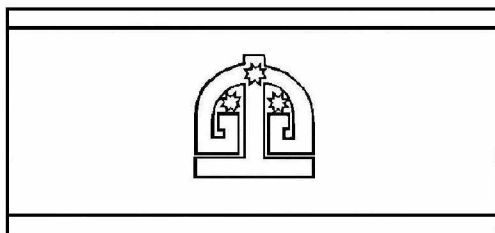
38. Почтовая марка, выпущенная к 50-летию образования Чувашской АССР, с изображением Государственного герба республики. 1970 г.

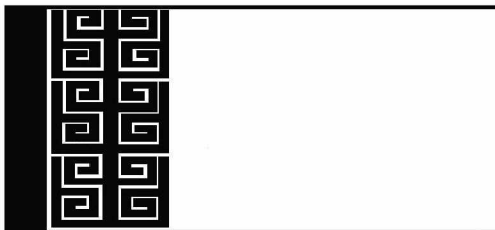
39. Памятная настольная медаль, посвященная 70-летию образования Чувашской АССР. Бронза. 1990 г. Автор Э.М. Юрьев.

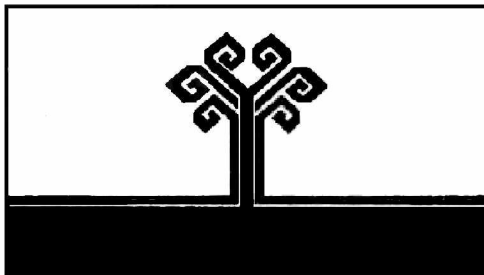
40. Проект № 1

41. Проект № 2

42. Проект № 3

43. Проект № 4.

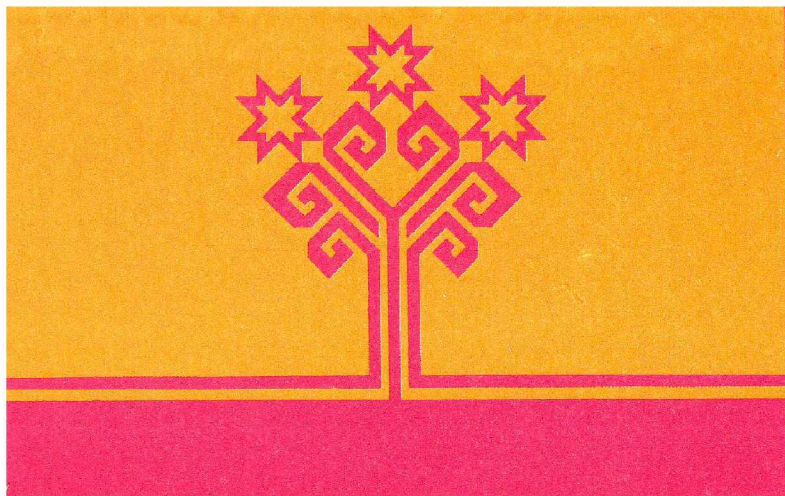
**44–48. Проекты гербов
Чувашской Республики,
разработанные Э.М. Юрьевым.
1992 г.**

Из фондов Чувашского
государственного художественного
музея.

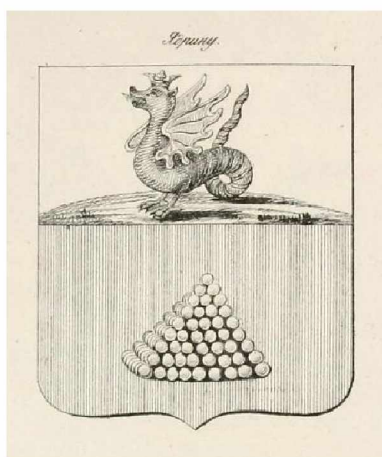
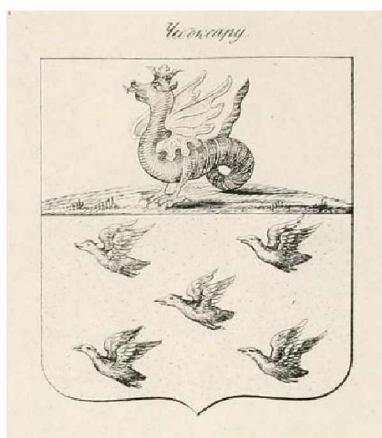
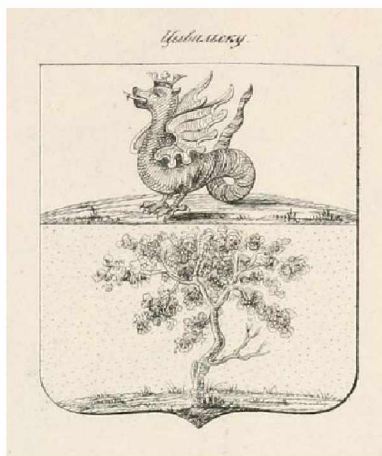
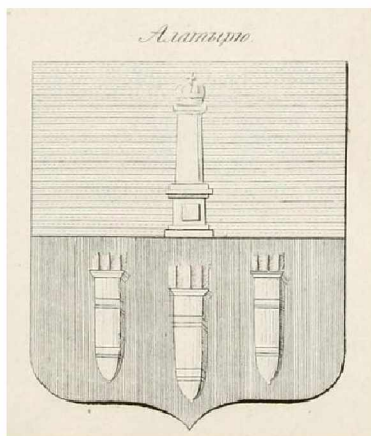
http://artmus.culture21.ru/ppage.aspx?objid=9135&author=1671&begindate=&enddate=&s_page=17

http://artmus.culture21.ru/ppage.aspx?objid=9135&author=1671&begindate=&enddate=&s_page=18

**49–50. Государственные Герб и Флаг Чувашской Республики,
утвержденные XI сессией Верховного Совета Чувашской Республики
29 апреля 1992 г. Автор – Э.М. Юрьев.**

51–54. Гербы городов Чувашии из Полного собрания законов Российской империи.

55. Печать Чебоксарской городской управы с изображением герба Чебоксар. 1914 г.

56. Герб Чебоксар, утвержденный Чебоксарским городским Советом депутатов трудящихся 5 июня 1969 г. Автор – Э.М. Юрьев

57. Сувенирные значки с изображением герба Чебоксар. 1970–1980-е годы.

58. Образец ткани, выпущенной Чебоксарским ХБК к 60-летию Чувашской АССР с изображением герба Чебоксар и чувашским национальным орнаментом. 1980 г.

**ГЕРБЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЧУВАШИИ,
ПРИНЯТЫЕ В 1970–2000-е ГОДЫ**

**59. Герб г. Шумерля. 1976 г.
Автор – В.Р.Горбунов.**

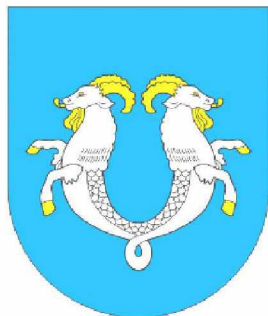
**60. Герб г. Канаш. 1976 г.
Автор – В.И. Трекозов.**

**61. Герб г. Цивильск. 1989 г.
Автор – Е.И. Соболев.**

**62. Герб г. Козловка. 2001 г.
Автор – Н.Г. Зайцев.**

**63–64. Проекты герба г. Козловка и Козловского района.
Автор – В.А. Шипунов.**

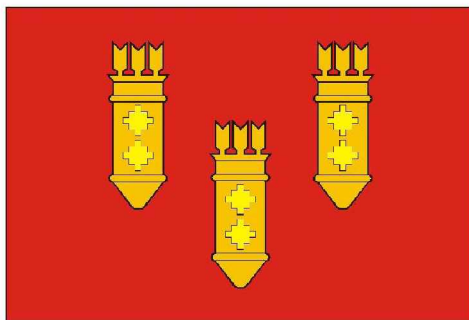
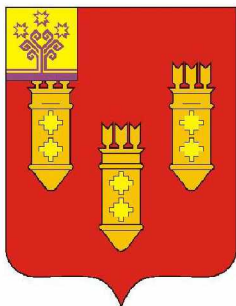
СОВРЕМЕННЫЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ЧУВАШИИ

65–66. Герб и флаг г. Мариинский Посад. 1999 г.

Автор – В.А. Шипунов.

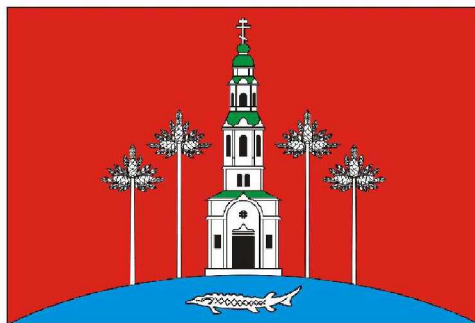
Первые муниципальные символы Чувашской Республики, зарегистрированные в Герольдии при Президенте Российской Федерации.

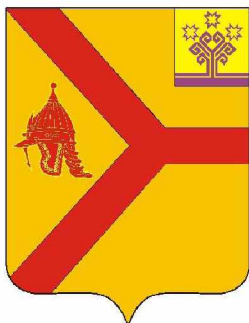
67–68. Герб и флаг г. Алатырь. 2009 г. Автор – В.А. Шипунов.

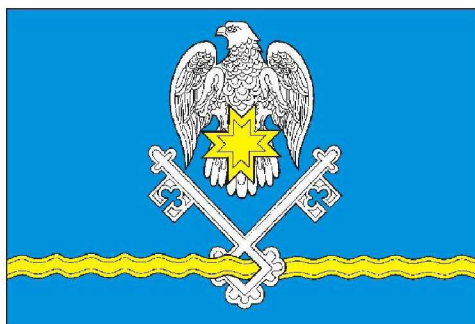
69–70. Герб и флаг г.Новочебоксарск. 2005 г. Автор – В.А. Шипунов.

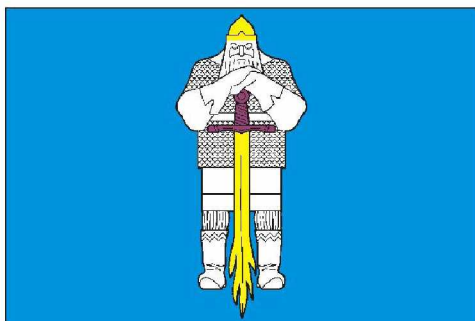
**71–72. Герб и флаг Порецкого сельского поселения
Порецкого района. 2011 г.
Автор – Э.М. Юрьев, геральдическая доработка В.А. Шипунова.**

**73–74. Герб и флаг Красноармейского сельского поселения
Красноармейского района. 2008 г. Автор – В.А. Шипунов.**

**75–76. Герб и флаг Шоршельского сельского поселения Мариинско-
Посадского района – родины космонавта А.Г. Николаева. 2006 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

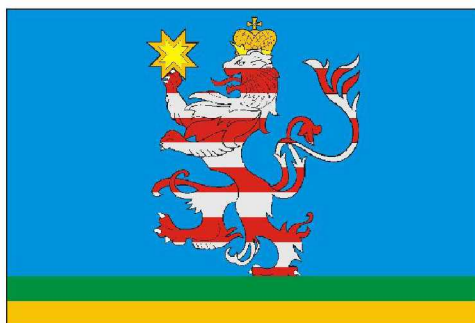
**77–78. Герб и флаг Батыревского района. 2007 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

**79–80. Герб и флаг Красноармейского района. 2004 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

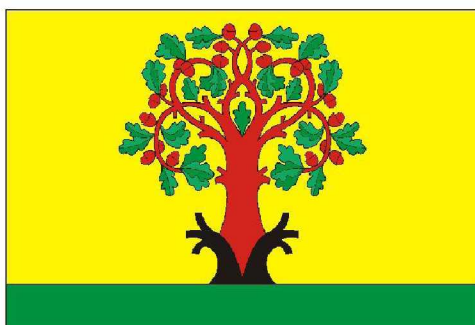
**81–82. Герб и флаг Красночетайского района. 2008 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

**83–84. Герб и флаг Мариинско-Посадского района. 2003 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

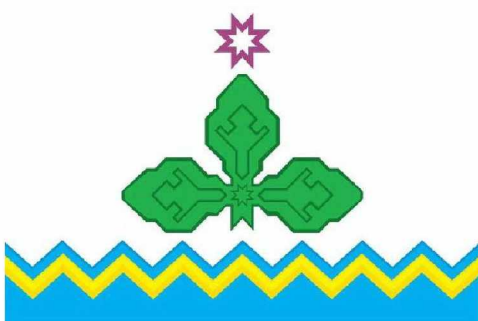
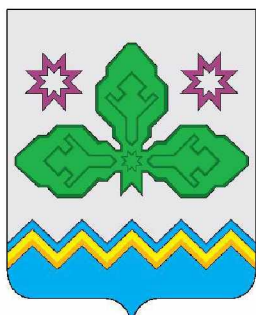
**85–86. Герб и флаг Урмарского района. 2009 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

**87–88. Герб и флаг Цивильского района и г. Цивильск. 2002 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

**89–90. Герб и флаг Яльчикского района. 2007 г.
Автор – В.А. Шипунов.**

**91–92. Герб и флаг Чебоксарского района. 2012 г.
Авторская группа: Н. Максимов, К. Мочёнов,
И. Соколова, К. Переходенко.**

ГЛАВА 2.
ГОРОДСКАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ
СИМВОЛИКА ЧУВАШИИ

2.1. Городская геральдика на территории Чувашии в XVIII – начале XX веков

«Городу иметь герб, утвержденный рукою Императорскаго Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах».
Из Грамоты на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 г.

В истории городской геральдики на территории Чувашии можно выделить три периода: первый – с начала XVIII в. до 1917 г.; второй – с конца 1960-х гг. до 1991 г.; третий – с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Первый из них, связанный с зарождением системы геральдических символов российских городов, достаточно подробно изучен.^[1] Поэтому остановимся лишь на основных аспектах, оказывавших влияние на ее становление в городах местного края.

Появлению и утверждению системы городских гербов в Российской империи предшествовал ряд важных событий. Прежде всего, в соответствии с реформой 1708 г. произошли существенные изменения в административно-территориальном делении государства. Страна была поделена на 8 губерний – Азовскую, Архангелогородскую, Ингерманландскую (с 1710 г. – Санкт-Петербургскую), Казанскую, Киевскую, Московскую, Сибирскую и Смоленскую. К их административным центрам – губернским городам – были приписаны города, ставшие, в свою очередь, центрами уездов. Так, к Казани, кроме прочих, были приписаны города Алатырь, Цивильск, Чебоксары и Ядрин с уездами – будущие муниципальные образования современной Чувашской Республики. До начала областной реформы 1719–1720 гг., предусматривавшей учреждение провинций, количество губерний в стране увеличилось до 11 (появились Астраханская, Нижегородская и Рижская губернии). В результате этой реформы Цивильск и Чебоксары оказались в составе Свияжской провинции Казанской губернии, а Алатырь, ставший центром провинции, и приписанные к нему города Курмыш и Ядрин – в Нижегородской губернии.^[2]

Как отмечают исследователи, в основе этих реформаторских устремлений Петра I лежали интересы полицейско-фис-

кального характера.^[3] Ко времени проведения второй реформы Россия, успешно завершавшая Северную войну, обладала не только одной из самых сильных, но и самых крупных армий в Европе. Существенные изменения претерпела система ее комплектования. В отличие от допетровской она стала не только регулярной, но и постоянной, то есть в мирное время не распускалась по домам как прежде. Содержать такое войско для государственной казны было делом нелегким. Создавая армию, отмечал А.А. Кизеветтер, Петр I «решил распределить ее отдельными частями по губернским округам с тем, чтобы каждая часть содержалась на сборы с населения соответствующей губернии, в пределах которой она будет расквартирована <...> Собрать с губернии положенные по табели сборы и своевременно доставить их в соответствующие полки – в этом заключалась главная сущность, альфа и омега административных задач, возложенных на губернатора».^[4]

Так, именным указом от 14 января 1711 г. предписывалось «<...> разделить по губерниям полки: первое в армии будущия, потом в гарнизонах по данным табелям, потом Флот, Посольскую Канцелярию и Артиллерию, сие все расположить из доходов, которые прошлаго года средния положены на Губернии»,^[5] а уже 19 февраля 1711 г. Петром I были утверждены «Штаты кавалерийских и пехотных полков, с показанием расположения оных по губерниям». Всего, согласно этому документу, русская армия должна была состоять из 85 пехотных (42 полевых и 43 гарнизонных) и 33 кавалерийских полков.^[6]

Расписанные по губерниям, полки не только содержались за их счет, но и стали именоваться по месту своей дислокации. В дальнейшем это обстоятельство предопределило использование изображений городских гербов на полковых знаменах. Так, на докладе Военной коллегии «О именовании полков по провинциям, где квартировать будут; о подписывании патентов Ober-офицерам; о конфирмации и учинении экзекуций по криссехтам; о предоставлении права полным Генералам производить в Ober-офицеры и давать отставку от службы и о почитании знатными дворянами людей достойных» от 11 ноября 1724 г. Петром I были наложены следующие резолюции: о наименовании полков – «Когда все полки действительно квартиры примут, тогда всех именовать по провинциям тех квартир»; в отношении использования гербов на полковых знаменах – «Где есть гербы, оные иметь; а где нет, новые надлежит учинить гербы».^[7]

Последнее указание было продублировано уже после смерти Петра определением Военной коллегии от 17 июня 1725 г. В нем, в частности, предписывалось: «А коим провинциям по гербовнику гербов нет, а полки в те провинции расположены ж, и о учинении оных гербов и о присылке в Военную коллегию посылать к герольдмейстеру промеморию».^[8]

Работа над полковыми знаменами и, соответственно, над городскими гербами была поручена товарищу герольдмейстера графу Франциску Санти, которому 6 июля 1725 г. была передана книга со старыми гербами.^[9] В Реестре рисунков гербов, отданных Ф. Санти из Военной коллегии, среди прочих значился и герб Казанский.^[10]

Полагая, что городской герб должен в своем рисунке отражать хозяйственную деятельность города, его место в политической жизни государства, территориальные и природные особенности, исторические события, наложившие отпечаток на его развитие, Ф. Санти определил круг сведений, необходимых, по его мнению, для составления гербов и разработал вопросник, рассылавшийся по городам империи.^[11] То есть им были заложены важные принципы создания гербов, которые в дальнейшем широко использовались геральдическим ведомством Российской империи.

К февралю 1727 г. расквартирование полков закончилось.^[12] Причем оказалось, что у Алатырской провинции, в которой дислоцировался Владимирский драгунский полк, герба не было.^[13] В феврале–мае того же года были уточнены названия полков с указанием числа душ, на плечи которых легла обязанность по их содержанию. Так бывшие Троицкий и Владимирский драгунские полевые полки стали именоваться соответственно Первым и Вторым Алатырскими.^[14] Одновременно были установлены цвета полковых знамен. Согласно «Реестру расцветки знамен в полевых и гарнизонных полках» знамена обоих алатырских полков должны были быть брусничными, а зубцы по углам полотнища – зелеными. Возможно, именно брусничный цвет этих знамен сыграл определенную роль при выборе финифти будущего герба Алатыря. Учитывая то, что в это время Алатырская провинция герба еще не имела, на знаменах предполагалось поместить вензель Екатерины I.^[15] Однако, в связи с последовавшей вскоре кончиной императрицы высочайшим указом от 6 июня 1727 г. ее вензель был заменен на вензель Петра II.^[16] Однове-

менно было подтверждено решение «в полки знамена делать по прежнему определению – по провинциям».^[17]

К ноябрю того же года ситуация с Алатырскими полками изменилась. Так, в Реестре полевым и гарнизонным драгунским и пехотным полкам, приложенном к именному указу из Верховного Тайного Совета Сенату от 6 ноября 1727 г. они не значились.^[18] Очевидно, именно поэтому все последующие решения верховной власти по вопросам создания гербов для их размещения на полковых знаменах никак не повлияли на появление в этот период геральдического символа ни у Алатырской провинции, ни у Алатыря. По понятным причинам (в перечисленных законодательных актах речь шла о расквартировании полков по провинциям и создании гербов провинций же) гербы Цивильска, Чебоксар и Ядрина на данном этапе появиться не могли. Это стало возможным значительно позднее – лишь в результате реформы 1775 г., когда эти города получили новую упорядоченную структуру управления.

Необходимо также отметить, что к концу 1727 г. появилось изображение Симбирского герба. Так, в расписании полевых, гарнизонных и ландмилиционных полков, составленном Военной коллегией в ноябре–декабре 1727 г., напротив Симбирского гарнизонного полка (бывшего Смоленского) имеется следующая отметка о гербе: «Есть, вновь учинен».^[19] В этом же документе указывалось на отсутствие гербов у 39 городов. В приведенном списке Алатырь отсутствовал,^[20] как, впрочем, не были упомянуты и оба алатырских полка в самом расписании.

В связи с возникшей заминкой в разработке городских гербов и, соответственно, создании полковых знамен по причине ареста и ссылки в июне 1727 г. Ф. Санти, заподозренного в причастности к антиправительственному заговору, работа над гербами и знаменным гербовником перешла в ведение Военной коллегии. Ее определением от 11 декабря 1727 г. герольдмейстеру предписывалось немедленно составить рисунки недостающих гербов и представить их на утверждение в Сенат и Верховный Тайный совет.^[21]

Именным указом Петра II от 7 июня 1728 г. «О бытии в полках знаменам с изображением Российского государственного герба и городского», объявленном из Верховного тайного совета Военной коллегии, было вновь подтверждено принятое еще Петром I решение помещать на полковые знамена гербы городов «по которым полки званиями состоят <...>, а в полках же, не

имеющих городских гербов, до конфирмации Гербовника, быть старым знаменам».^[22] Интересно, что согласно реестру имеющихся в Военной коллегии рисунков гербов, составленном 15 июля 1728 г., из городов Казанской губернии такой рисунок имелся лишь у Казани.

Завершить работу над созданием «Знаменного гербовника» было поручено графу Бурхарду Миниху.^[23] Для этой цели им был привлечен художник А. Баранов. В конце мая 1729 г. Б. Миних представил на утверждение в Военную коллегию 91 вновь составленный герб.^[24] В подготовленном им перечне значились, в том числе, следующие гербы и их описания: «10. Казанский. Змей черный под короною золотою казанскою, крылья красные, поле белое. <...> 43. Симбирский прежний старый. На столбе белом золотая корона, поле лазоревое».^[25] Получив одобрение в марте 1730 г., «Знаменный гербовник» послужил основой не только для «строения» полковых знамен, но для создания городских гербов уже в эпоху Екатерины II.

В завершение «знаменной» темы необходимо остановиться на ряде документальных свидетельств, которые иногда неверно истолковываются местными краеведами. Так, в росписи городам Среднего и Нижнего Поволжья, составленной не позднее 16 июня 1704 г., по городу Саранску имеется следующая запись: «Знамя тафтяное большое. Сотенных кумачных и киндяшных 10 знамен»,^[26] которая трактуется как свидетельство наличия у города знамени.^[27]

Аналогичные сведения имеются и по другим городам, в частности, по Чебоксарам и Ядрину. Так в описании имущества Чебоксар указывается «18 знамен, в том числе 3 тафтяных, 2 до-рогилных, 9 кумачных, знамя киндяшное, знамя полотняное, 2 крашенинных», а по Ядрину – «знамя стрелецкое кумачное с опушкою киндяшною, ветхо».^[28] Собственно в последней из приведенных записей и кроется ответ на вопрос, о каких знаменах идет речь в документе – о стрелецких, точнее о знаменах городских стрельцов.

Помощник директора Московской оружейной палаты Л. Яковлев в своем исследовании «Русские старинные знамена» отмечал: «По уничтожении московских стрельцов 1 июня 1699 года, городские стрельцы, поселенные издавна в Новгороде, в Пскове в Смоленске и в *понизовых городах* (выделено мною – В.Т.), существовали до 1710 года, и принимали участие в военных действиях против шведов. В этот промежуток времени,

в стрелецких полках существовали по-прежнему знамена: первое полковничье, второе подполковничье, и братские знамена, по числу рот или сотен. Полковничье и подполковничье знамена строились по-прежнему; на братских же знаменах начинают водворяться священные изображения».^[29]

Автор очерка приводит их подробное описание: «<...> В стрелецких полках, пред их уничтожением знамена были:

Первое знамя полковничье – четырехугольное продолговатое, мерою в длину от 4 до 5 арш., в ширину от 3 до 4 арш. Средине знамени кроилась целиком из одного куска ткани, на ней писались священные изображения; кайма делалась из ткани особого цвета, – на ней писались иногда Святые угодники, но чаще травы, репы и звезды; иногда на кайме нашивались наугольники.

Второе знамя полуполковничье, устройством одинаковое со знаменем полковничьим, но меньших размеров, в длину и в ширину около трех аршин.

Полковничье и полуполковничье знамена обшивались иногда бахромою.

Сотенные или братские знамена, по числу сотен полка, строились в виде продолговатых четырехугольников; в середине вшивался крест, деливший знамя на четыре равные части, в левой верхней четверти вшивался осьмиконечный крест с подножием, и около него звезды, число которых соответствовало номеру сотни в полковом порядке, по краям знамя опушалось каймою.

Древки были писанные красками, с яблоками; мешочки делались из сукна красного лятчины, а иногда из сукна красного анбурского, из холста, крашенины, а также из той ткани, из которой сделано было знамя.

Навершья были железные, на копейное дело, гладкие и прорезные, с изображением креста с тростию и копием.

Втоки были железные и медные».^[30]

Но особо интересно его указание на то, что на знаменах городских стрельцов, которые в это время назывались жилыми стрелецкими полками, появляются гербы городов, в которых поселены были стрельцы. Знамена эти изготавливались из шелковых тканей.^[31] Однако отождествлять подобные воинские атрибуты с городскими знаменами, конечно же, нельзя!

В связи с этим необходимо упомянуть еще одно документальное свидетельство, причем более позднего времени. В рос-

писном списке, составленном 24 декабря 1751 г. при смене чебоксарского воеводы Федора Шахмаметева и «правлящего воеводскую должность» Дмитрия Кайсарова вновь определенным на их место князем Алексеем Алексеевичем Путятиным, имеется следующая запись: «При Чебоксарской же канцелярии имеетца <...> Знамя кумашное с полотняною белою опушкою ветхое».^[32] Но и в данном случае нельзя говорить о наличии у города собственного знамени хотя бы по причине того, что законодательством это не предусматривалось. Учитывая ветхость реликвии, можно предположить, что речь идет об одном из сохранившихся стрелецких знамен.

В качестве важной предпосылки создания городских гербов необходимо отметить и сенатский указ от 10 августа 1724 г. «О сделании во всех присутственных местах для запечатывания судных дел печатей». Им предписывалось «как в Полицейских Канцеляриях, так и в Надворных Судах и во всех судебных местах сделать печати, а именно: в Губерниях и провинциях и в городах, которые имеют герб, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской Канторе, и с оных отослать те рисунки для розсылки во все судебные места в Юстиц-Коллегию; и для того всей Российской Империи прежним гербам рисунки взять в ту Герольдмейстерскую Кантору из Иностранной Коллегии».^[33]

Как отмечает Н.А. Соболева, «в Военной коллегии под влиянием насущной потребности помещать изображение городского герба на знаменах полков сосредоточились рисунки многих городских гербов». При этом созданные для нужд военного ведомства отличительные знаки городов мало использовались в городской практике. Например, в 1730-е годы лишь в отдельных городах были печати с изображением гербов, хотя их изображения уже имелись в «Знаменном гербовнике».^[34]

Вместе с тем, данные о том, что в Чебоксарах в первой половине XVIII века местными органами государственного управления использовался герб Казанский, имеются в упоминавшемся выше росписном списке от 24 декабря 1751 г., в котором указывалось: «При Чебоксарской же канцелярии имеетца <...> 725 году пять клею, которыми клеили заповедной лес. Клеимо ж Казанского гербу».^[35] Сведения о наличии герба у Ядрина имеются в описании города и уезда, датированном 1764 годом: «Город Ядрин герб имеет двуглавого орла <...>».^[36]

Важным фактором в развитии городской геральдики стала губернская реформа 1775 года. Созданная Петром I сложная система местных органов государства была разрушена после его смерти. Законом от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» она была создана заново.^[37] Желая «снабдить империю нужными и полезными учреждениями для умножения порядка всякого рода и для беспрепятственного течения правосудия»,^[38] Екатерина II, наряду с губернскими и уездными органами управления, предусмотрела в данном акте создание соответствующих структур для управления городами (глава XX). В ходе реализации закона было пересмотрено и административное деление России. Все это создало необходимые предпосылки для формирования системы городских гербов.

Хотя формально первое официальное пожалование городского герба состоялось в октябре 1767 г. (этой чести была удостоена Кострома), массовое учреждение геральдических символов городов Российской империи пришлось на конец 1770-х – первую половину 1790-х годов. В этот период территория современной Чувашии административно была разделена между Казанской и Симбирской губерниями. При этом города Цивильск, Чебоксары и Ядрин вошли в состав Казанской, а город Алатырь – в состав Симбирской губерний.

Первым из них обрел свой герб Алатырь. В высочайше утвержденном докладе Сената от 22 декабря 1780 г. дано следующее описание геральдического символа города: «Три золотые колчана, наполненные стрелами, в красном поле, в знак того, что сих мест жители сие орудие с похвалою употреблять умели». В главе щита был помещен герб Симбирска – «в синем поле на белом столбе золотая корона» – «в означение» территориальной принадлежности Алатыря.^[39] (см. вкладку илл. № 51)

Утверждение гербов Цивильска, Чебоксар и Ядрина состоялось 18 октября 1781 года. Согласно описанию герб Цивильска представлял собой «большой старый коренастый дуб в золотом поле, в знак изобилия оных мест таковыми лесами», герб Чебоксар – «пять летящих в золотом поле диких уток, в знак того, что в окрестностях сего города оных очень изобильно», герб Ядрина – «треугольною пирамидою сложенные пушечные чугунные ядра в красном поле, означающим собою имя сего города». В главе щитов было помещено изображение герба Казанского –

«змий черный, под короною золотою Казанскою, крылья красныя, поле белое».^[40] (см. вкладку илл. № 52–54)

Следует отметить, что традиция деления щита пополам и помещение в его верхней части герба наместничества (позднее – губернии), введенная в российскую геральдику товарищем герольдмейстера И.И. фон Энденом в 1778 г., в дальнейшем вызвала критику среди знатоков геральдической науки в XIX веке. При подобной композиции главной являлась эмблема наместнического герба, а символ самого города играл подчиненную роль, занимая в гербовом щите второстепенное место.^[41] Эта «своеобразная конструкция российского городского герба, – по мнению Н.А. Соболевой, – визуально воплощала суть правительственной политики по отношению к городу: город (это показано при помощи подчиненности, вторичности городского герба) имеет самостоятельность (самоуправление) по монаршему благоволению (символ верховной власти над городским гербом)». Кроме того, во внешней форме герба города нашла отражение и политика правительства по урегулированию административно-территориального устройства России. Форма герба (вверху – наместнический (губернский), основной, внизу – городской, подчиненный) соответствовала реальной структуре административного деления России.^[42]

Составителем всех перечисленных геральдических знаков городов был Александр Андреевич Волков, исполнявший обязанности герольдмейстера с 1777 по 1783 гг. Весьма нелестную оценку его деятельности на этом поприще дал известный отечественный правовед А.В. Лохвицкий в своем исследовании «Губерния, ее земские и правительственные учреждения»: «Екатерина II перенесла к нам средневековое западное установление гербов, выросшее из рыцарства. Она предписала сенату дать гербы всем городам и губерниям. Открылось обильное поприще для фантазии тогдашнего герольдмейстера Волкова. Он их сочинял десятками за один раз, щиты делал очень богатые – золотые, серебряные, лазоревые, – а для герба избирал какой-нибудь остаток древности, <...> или предмет местного произведения, часто просто какую-нибудь вещь, название которой было созвучно с названием города».^[43]

Сарказм данного утверждения, вероятно, мог иметь под собой определенные основания. Действительно, при А.А. Волкове за относительно небольшой период времени было создано около 400 городских гербов. Однако эта категоричность диктует слиш-

ком упрощенный подход в оценках результатов проделанной в то время работы по формированию геральдической системы России.

Что же реально могло послужить основанием для составления местных гербов?

Выбор в пользу колчанов со стрелами в качестве городских символов Алатыря может быть связан с его ролью в истории Русского государства. Основываясь на документах о состоянии сторожевой службы, собранных в 1571 г. боярином М.И. Воротынским, И.Д. Беляев отмечает, что к середине XVI века существовала длинная цепь укрепленных городов, защищавшая рубежи Московского государства – от Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля.^[44]

Службу по охране границ, как известно, несли казаки. То есть первоначально Алатырь был населен ими, а также стрельцами, пушкарями и посадскими людьми. «В, так называемых, украинских или пограничных городах <...>, – указывает И.Д. Беляев, – учредился особый класс служилых воинских людей, известный под именем городских казаков, которые обязывались постоянно быть на службе, ездить в степи, смотреть за движениями татар по известным степным дорогам, называемым шляхами и сакмами, перехватывать языков, и доставлять вести воеводам и государю, а в случае, нечаянного набега ордынцев защищать украинские города. В службу эту набирались вольные люди из всех сословий; они получали за сию службу определенное количество земли по статьям, кто в которую годен, освобождались, с своими семействами, от всех податей, а иногда награждались и денежным жалованьем, вооружение же и лошадей должны были иметь на свой счет».^[45]

Согласно третьей ревизии (1761–1767 гг.) в Алатыре числилось казаков: 192 человека мужского пола и 191 – женского. По численности они занимали третье место, уступая мещанам (311 и 282 душ соответственно) и экономическим крестьянам (219 и 203). К четвертой ревизии (1781–1795 гг.) их количество не только не уменьшилось, но и увеличилось на несколько десятков человек – 213 душ мужского пола и 248 душ женского.^[46]

В проекте законов о правах войск казачьих, внесенных на рассмотрение Уложенной комиссии, указывалось: «Казацкия войска суть люди, служащие к обороне границ Российской Империи, и во время войны бывают против неприятеля с прочими регулярными войсками. Происхождение свое имеют они из разных званий народов, пропитание свое получают от разных промыс-

лов, звериных и рыбных ловель, от скотоводства и земледелия. Из оных многие имеют земли и принадлежащая к оным всякия угодыя, данные им на целыя общества. По службе своей могут они причисляться к военнослужащим, а по промыслам – к мещанству, также и земледельцам. Они разделяются на части и общества, которыя имеют разныя названия; но в главном роде их службы во всем почти, по их нерегулярству, единообразны».^[47]

В силу выполняемых военно-пограничных функций, а также в связи с необходимостью добывать себе средства к существованию, в том числе с помощью звериного промысла, местные казаки должны были в совершенстве владеть искусством лучного боя. Причем, в отличие от большинства видов оружия точность и дальность попаданий из лука в наибольшей степени зависела от степени тренированности стрелка. Вплоть до появления капсюльного огнестрельного оружия лук обладал неоспоримым преимуществом и по скорости стрельбы (10–12 стрел в минуту).^[48] Еще одно ценное качество лука заключалось в его бесшумности, что было важно при проведении разведывательных операций и на охоте. Таким образом, мастерство лучника и в военное, и в мирное время служило залогом не только его жизни, но и жизни и благополучия его семьи.

Приведенные сведения вполне вписываются в логику принятия решения по изображению на алатырском гербе.

Ключ к объяснению происхождения городского символа Чебоксар, возможно, кроется в записках побывавшего в городе в 1715 г. английского путешественника Дж. Белла, который оставил следующую запись о здешних местах: «<...> Соколы, ловимые в этой стороне, сильнее и лучше всех на свете. Турки и персияне весьма их превозносят и покупают дорогою ценою. Русские редко берут их из гнезда и предпочитают молодым старым, которых приучают они ловить лебедей, гусей, журавлей и цаплей. Татары же употребляют их для ловли сайг и зайцев. Я сам однажды видел, как такой сокол выхватил из воды дикую утку несмотря на то, что она была совершенно вся в воде и выставила один только нос. Есть соколы белые, как голуби. Ловят соколов самым простым способом: на берегу реки, на высоком и открытом месте, ставят длинный шест и растягивают около него сеть, под которую сажают на привязи множество мелких птичек. Охотник подергивает за привязки, и птички начинают биться и попархивать. Сокол, завидев их, садится на шест и потом оттуда

стремительно бросается, не подозревая опасности. Охотник тотчас затягивает сеть и получает птицу».^[49]

Не случайно в различных архивных документах мы находим указание на наличие в Чебоксарах особой категории служилых людей – птичьих помытчиков, в чьи обязанности входило ловить и помыкать (или помыскать) ястребов, соколов и кречетов. Согласно пятой ревизии в конце XVIII века в Казанской губернии числилось 102 кречетых и соколых помытчиков, из них 40 – в Чебоксарах. В среднем это было в 2–3 больше, чем, например, в Казани (19), Козьмодемьянске (16), Свияжске (10) и селе Сундырь (17). А всего по России их общее число достигало 1205 душ мужского пола.^[50]

Интересно, что согласно именному указу от 9 марта 1800 г. «Об обращении состоящих по разным губерниям соколых помытчиков в Дворцовые крестьяне», данному Сенату, состоящие по разным губерниям соколы помытчики, «исключая помыкающих кречеты Казанской губернии 102 душ», было велено обратиться в дворцовые крестьяне с обложением их податями и подчинением ведомству Казенных Палат наравне с прочими казенными поселянами. При этом кречетьи помытчики в Казанской губернии были оставлены «на прежнем основании».^[51] Таким образом, и к началу XIX века Чебоксары сохраняли за собой статус своеобразной «столицы» птичьего промысла.

К сказанному следует добавить, что книга Дж. Белла была издана в России Императорской Академией Наук в 1776 г., то есть всего за пять лет до высочайшего утверждения чебоксарского герба, и не могла остаться незамеченной современниками, в том числе, возможно, А.А. Волковым или его помощниками.

В связи с выбором коренастого дуба в качестве городского символа Цивильска необходимо отметить, что в XVIII веке в Цивильском уезде имелись довольно обширные заповедные дубовые леса. Известно, что в 1766 г. крестьяне-чуваши уезда в ряде наказов в Уложенную комиссию просили разрешить цивильской канцелярии отдавать им для личного использования «посохшие и к корабельному строению и ни на какие казенные потребности негодные» сухие деревья и валежник.^[52] Согласно описанию городов и уездов Казанского наместничества, составленному в 1795 г. по итогам пятой ревизии, в «Цивильской округе» значилась заповедная дубовая роща «мерю 529 десятин 452 сажени» (около 580 гектаров).^[53]

Кроме того, обращает на себя внимание публикация под названием «Географические известия» в газете «Казанские известия» за 1815 год, в которой приводятся данные об этом городе и «уезде онаго». В ней, в частности, отмечается, что сам Цивильск «стоит в долине, окруженной со всех почти сторон горами, покрытыми частью мелким лесом», а «уезд сей изобилен лесом, а особливо дубовым и орешником».^[54]

Герб Ядрина считается гласным (говорящим, именным). Таковыми являются гербы, изображение на которых связано с названием или именем владельца. Когда появилась и каким событиям обязана своим происхождением легенда о производстве ядер в городе, давшем ему имя – неизвестно. Основными источниками информации о ней являются Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона^[55] и «Очерки по родиноведению» Н.А. Спасского,^[56] в которых говорится о том, что на месте города отливались чугунные ядра для войска Ивана Грозного, ходившего на Казань.

Однако эта версия была поставлена под сомнение в летописи приходской Троицкой церкви г. Ядрина, в которой, в частности, указывалось: «Город Ядрин получил название не от литья в нем ядер пушечных; ибо тут негде было брать материалу для этого, да о литейном заводе не сохранилось никакого ни следа, ни предания; а говорят, что в старину жили на месте сем черемисы, чувашши, а после них и татары. Из черемис жил богач витязь Чабак, а из чуваш богач Ядрый, от Чабака близ г. Ядрина гора получила название Чебаковой. А город сам получил название от чувашина Ядрия». При этом в записи обращалось внимание на то, что «город в старину писался Ядрын», что подтверждалось текстом на печатях.^[57] Это свидетельство из церковной летописи было дословно воспроизведено Н. Сутыриным в очерке «По родной земле», опубликованном в журнале «Русская старина».^[58]

На наличие у чувашей имен Ядар, Ядер, Ядияр указывал в свое время В.К. Магницкий. В.А. Прохорова также связывала происхождение данного топонима с распространёнными в здешних местах чувашскими языческими именами и предложила свое видение его трансформации: Ядрна – Ядрн – Ядрын – Ядрин.^[59] Не противоречит этому утверждению и предположение о его происхождении от названия чувашского поселения Етёрне, названного по имени владельца земли.

С учетом изложенного напрашивается вывод, что, составляя герб, А.А. Волков использовал созвучие имени города и

названия артиллерийского снаряда, не вдаваясь в детали истории поселения, о которых в то время вряд ли было что-либо известно. Ведь даже в начале XX века историки спорили о дате его основания. Сама же легенда, скорее всего, появилась уже после того как Ядрин обрел своей геральдический символ.

Кульминацией формировавшейся в XVIII веке системы городских геральдических символов стала «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., в которой гербам была посвящена отдельная двадцать восьмая статья: «Городу иметь герб, утвержденный рукою Императорского Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах. *Примечание.* В жалованных грамотах включается в сем месте настоящий герб того города красками изображенный, а внизу описание герба».^[60]

Оценивая события, предопределившие появление геральдических символов у городов Российской империи, следует отметить, что для развития городской символики изначально определяющим фактором стало копирование западных традиций. «Главным критерием для принятия того либо иного «иноземного обычая» – как справедливо полагает К.В. Татарников – (не важно, идет ли речь о символике на воинских знаменах, покрое одежды или видах досуга), была не столько прямая необходимость, сколько степень его распространенности, а точнее – частота употребления в западных странах. Таковым образом – через подражание во внешних формах – демонстрировалось восприятие европейской системы ценностей. Вхождение россиян (действительное или желаемое – вопрос другой) в семью «просвещенных народов» закономерным образом потребовало унификации по принятому в ней образцу целого ряда знаковых систем, государственных и общественных институтов».^[61]

Вместе с тем, относиться к российским городским гербам как заимствованию западноевропейских обычаев, по справедливому замечанию Н.А. Соболевой, означало бы их недооценку. «При всех мучительных родовых трудностях, – отмечает исследовательница, – российское герботворчество не было простым копированием западноевропейского, а носило самостоятельный характер».^[62]

Таким образом, какими бы не были первопричины появления городских гербов, необходимо отметить, что, начиная со второй четверти XVIII столетия, они стали частью государственной управленческой культуры, выразителями официальной

идеологии. Характеризуя городские гербы Российской империи как подлинно государственные знаки, Н.А. Соболева приводит следующие аргументы в пользу такой их оценки: «Во-первых, в России они возникли в XVIII–XIX вв. под эгидой верховной власти и подобно прочей государственной символике оформлялись законодательно. Их описание вносилось в Полное собрание законов Российской империи. Во-вторых, бесспорна близость художественного оформления многих городских гербов и других символов государственной власти. В обоих случаях заметна идеологизированность символики. В-третьих, в городской символике среди явных атрибутов самодержавия присутствуют и индивидуальные черты города, местности, их «особенности», составляющие непередаваемую индивидуальность, красоту этих сторон жизни России, что, бесспорно, пробуждает патриотические чувства, как и главные символы страны, символы ее государственного суверенитета».^[63] В целом, рассмотренные выше гербы городов вполне соответствуют данной характеристике.

2.2. Возрождение традиций городской геральдики в Чувашии и ее развитие в конце 1960-х – начале 1990-х годов

«Создание герба города – дело граждан, живущих в нем, любящих и знающих его историю».

Из памятки Координационной комиссии по созданию и пропаганде новых городских гербов при Отделении истории АН СССР по разработке проектов городских гербов. 1988 г.

После 1917 г. традиция «обозначивания» города особым отличительным знаком прервалась. В контексте последующих событий особо следует подчеркнуть, что новая власть формально не отменяла прежнюю городскую символику, а лишь прекратила ее официальное использование. То есть создававшиеся в Российской империи на протяжении 200 лет городские гербы фактически сохранили свою легитимность.

Некоторое смягчение идеологического прессинга на историческую науку на рубеже 1950-х – 1960-х гг., обусловленное «хрущевской оттепелью», позволило поставить вопрос и о возврате к традициям обозначения населенных пунктов особым отличительным знаком – гербом. Все чаще стали раздаваться голоса в поддержку этого начинания.

С инициативой «придумать эмблему своего города, области, края» выступил в одном из ноябрьских номеров газеты «Известия» за 1959 г. писатель Даниил Гранин. Несмотря на то, что его статья в своей основе была посвящена развитию идей ленинского плана монументальной пропаганды, в частности, увековечению памяти лиц, именами которых названы улицы, само ее название – «Пусть у города будет герб» – фактически прозвучало призывом к возрождению традиций использования геральдических символов в жизни современных городов. Причем, как полагал автор, «это может быть достигнуто соединенными усилиями художников, скульпторов, поэтов, архитекторов», а организаторами этого дела должны были выступить местные Советы.^[1]

Публикация в газете породила заинтересованные отклики читателей «Известий». Так, например, в письме профессора К. Кострина из Уфы указывалось: «Наши предки гербами выражали главное дело своего города, то, чему посвящали жизнь. –

Гербы наших замечательных городов должны еще более ярко и образно изображать то главное, что совершено в этом городе». По его мнению, на гербах должны были изображаться эмблемы нефти и химии (Уфа), эмблемы угля (Караганда), эмблемы машиностроения (Свердловск), гидроэлектростанция (Куйбышева), характерные особенности города, его наиболее известные здания и природные достопримечательности. «По мнению многих читателей, – отмечала газета, – гербы уже складываются сами по себе». Читатель А. Заболотников из Москвы указывал, что спортсмены некоторых городов используют геральдические символы на своей форме: горьковчане – оленя, ярославцы – медведя (как известно эти изображения были на старинных гербах Нижнего Новгорода и Ярославля). Высказывались предложения сделать герб города «маркой выпускающей промышленной продукции». «Надо полагать, – резюмировала редакция газеты, – что предложения, высказанные писателем Д. Граниным и поддержанные читателями «Известий», станут предметом обсуждения широкой общественности – среди депутатов местных Советов, художественной интеллигенции, в частности, среди художников, которым принадлежит немалая роль в создании гербов наших городов, в дальнейшем развитии ленинских мыслей о монументальной пропаганде».^[2]

Эти идеи получили развитие на страницах журнала «Декоративное искусство СССР». В первом номере за 1961 г. издание опубликовало небольшую статью С. Земцова «О гербе города», проиллюстрированную десятью проектами городских гербов О. Силантьева. Комментируя рисунки, автор статьи указывал, что они «ни в коей мере не являются образцами, в них художник лишь намечает пути, по которым следует вести проектирование гербов». Таких путей было обозначено два: первый – это поиски формы на основе традиционной геральдики с использованием старой символики, дубовых венков, лент и т.д., второй – создание новых гербов с символикой, олицетворяющей современный советский город.^[3] «За сорок лет развития Советского государства, – подчеркивал автор, – накопился опыт социалистической эмблематики, поэтому сейчас вопрос создания и утверждения новых городских гербов должен найти свое место в ряду важных государственных мероприятий. Назрела необходимость «озаглавить» наши города торжественными, яркими и лаконичными гербами, которые говорили бы сердцу каждого советского гражданина о славе его города, воспитывали бы патриотические

чувства, любовь к родной стране. <...> Герб это и есть графическое выражение того «норова», тех индивидуальных, экономических, исторических, природных особенностей, отличающих города друг от друга. Присвоение герба городу – это акт государственного значения, и само создание городского герба, так же как и его вручение представителям общественности города, должно регламентироваться специально разработанным статутом».[4] Кроме того, автор предлагал использовать городской герб на здании городского Совета, на фронтонах вокзала, пристани, театра, на трамваях, автобусах и такси, в городских средствах массовой информации, в деловой переписке городских организаций. Гражданам города, чьи портреты помещались на Доску почета, предлагалось в торжественной обстановке вручать нагрудный знак с изображением герба.[5]

Научные сотрудники Государственного исторического музея в статье «Рассказывают гербы», опубликованной в журнале «Наука и жизнь» за 1965 г., совершив небольшой экскурс в историю российской геральдики, отмечали: «Вспоминая старые городские гербы, невольно задумываешься: не следует ли возродить эту традицию? Вопрос этот уже поднимался в печати. Конечно, неузнаваемо изменился облик большинства старых городов, возникли сотни новых, социалистических. Нужны новые символы – символы нашей эпохи. Вероятно, можно отказаться от некоторых правил классической геральдики. Но многое останется. И забытая наука опять будет полезна людям, по-своему, красочно и лаконично отражая главные черты современных городов, их яркое прошлое и героическое настоящее».[6]

Подобного рода предложения не могли оставаться незамеченными, в том числе и со стороны властных структур. Так, например, в 1966 г. постановлением правительства Литовской ССР была создана Республиканская комиссия по геральдике, которая взяла на себя заботу о городских гербах Литвы. Ею рассматривались проекты вновь создаваемых или изменяемых старых гербов, которые затем утверждались городскими или районными исполнительными комитетами. В нее вошли представители министерства культуры (возглавил комиссию заместитель министра культуры республики), юристы, художники, историки и др.[7]

Однако в череде публикаций на эту тему обращает на себя внимание один немаловажный факт. В обсуждении проблем городской геральдики изначально тон был задан не профессио-

нальными историками, а представителями творческих профессий. Наученные горьким опытом гонений на историческую науку и историческое краеведение, ее представители включились в эту сферу общественной инициативы лишь после того, как стал очевиден массовый интерес к гербам, который уже нельзя было игнорировать, и когда власти понадобилось придать этой общественной инициативе не только научное, но и «идеологически правильное» направление развития.

Как бы то ни было, начало было положено. Несмотря на существовавшее неофициальное противодействие, энтузиасты продолжали настойчиво трудиться над созданием новых гербов. Не осталась в стороне от этих процессов и Чувашия.

Главным событием второго периода в развитии городской геральдики на территории Чувашии стало обретение после более чем полувекового перерыва герба города Чебоксары – столицы республики. Принятие ныне используемого герба Чебоксар в 1969 г. являлось частью широкомасштабных мероприятий, посвященных 500-летию города. Но, очевидно, это был не единственный фактор, повлиявший на решение. Так, в интервью корреспонденту газеты «Советская Чувашия» заместитель председателя горисполкома и председатель жюри конкурса на лучший эскизный проект Е.В. Мастерова отмечала наличие гербов у таких крупных областных центров, как Горький и Ярославль, но особо упомянула о недавно утвержденном гербе города Йошкар-Ола – столицы соседней Марийской АССР. То есть события, происходившие в стране в сфере возрождения геральдической культуры, не остались незамеченными для местных городских властей. Она же озвучила и официальную позицию по поводу облика будущего герба: «Настоящая история Чебоксар началась лишь после Великого Октября, и сейчас наш город стал заметным в стране промышленным пунктом, университетским городом, бурно растущим центром орденоносной республики. Однако в новом гербе, кроме эмблемы, определяющей сегодняшнее экономическое, культурное и политическое лицо Чебоксар, должны найти место и геральдические знаки старого герба. Тем самым должен быть подчеркнут разительный контраст между прошлым города и его настоящим».^[8]

Принять участие в конкурсе мог любой желающий – самостоятельно или в составе авторского коллектива. Причем, участники имели возможность выступить с неограниченным количеством конкурсных проектов. Каждый проект с приложением по-

дробного описания сопровождался девизом, а фамилии авторов запечатывались в конвертах. В состав жюри вошли деятели искусств, ученые, представители общественности.

Всего в конкурсе на право называться главным городским символом участвовало 276 проектов. Работа над гербом длилась около двух месяцев и широко освещалась средствами массовой информации. Можно без преувеличения утверждать, что к выбору эмблемы столицы Чувашии не осталось безучастным не только население города, но и всей республики. Вот как описывают организаторы конкурса представленные проекты: «Прежде всего бросается в глаза упорный поиск современной эмблемы города – основного элемента герба. Предложения тут разные – от памятника прославленному земляку Чапаеву до колосьев, от плотины Чебоксарской ГЭС до стилизованных изображений дубовых листьев. На многих проектах символы, отражающие промышленное развитие города, – шестерни, реторты, циферблаты приборов, мотки пряжи, кипы ткани, ажурные опоры электролиний, строительные конструкции. Некоторые предлагают в качестве эмблемы товарные знаки городских предприятий. Стремление подчеркнуть волжский характер Чебоксар заключено в эмблеме парящей чайки, якоря, теплохода, волн и даже... русалки с молотком в одной руке и с мастерком в другой. Встречаются эмблемы солнца, электрической лампы, космического корабля, есть и синусоида электричества, и стилизованный зигзаг электрического разряда».^[9]

Из всех проектов жюри отклонило 76 «слабо выполненных эскизов, не отвечающих условиям конкурса», еще 129 работ было решено частично использовать при определении окончательного изображения герба, и только 71 лучший проект был вынесен на всеобщее обсуждение – выставку отобранных работ, которая и должна была помочь в принятии решения по итогам конкурса.^[10] Как и было запланировано, она прошла в январе 1969 года. Местом ее проведения стал Дом политпросвещения.^[11] Отзывы и пожелания посетителей выставки были учтены жюри.

Но сами итоги конкурса оказались неожиданными. Ни один из проектов не получил не только первую, но и вторую премии. Лишь несколько из них были отмечены третьими премиями. Жюри сочло необходимым продолжить разработку герба и после подведения итогов. Она была поручена одному из авторов отмеченных эскизов, художественному редактору Чувашского государственного книжного издательства Э.М. Юрьеву,

который, с учетом пожелания членов жюри и представителей общественности, разработал герб, сохранив при этом главный элемент герба-предшественника, высочайше утвержденного в 1781 г., – пять летящих конвертом уток. Этот вариант был одобрен художественным советом и рекомендован исполкомом горсовета для рассмотрения на сессии.

Утверждение нового герба состоялось 5 июня 1969 года.^[12] В его описании указывалось: «Герб города Чебоксар представляет собой четырехугольный щит с заострением внизу при отношении высоты к ширине как 6:5. Верхняя часть щита (две седьмых по высоте) имеет красный цвет, нижняя (пять седьмых по высоте) – синий. Это цвета государственных флагов РСФСР и Чувашской АССР, символизирующие советский период истории, когда Чебоксары из захолустного уездного городка превратились с помощью русского и других братских народов в крупный индустриальный и культурный центр Поволжья, главный город социалистической автономии чувашского народа.

Верхняя, красная, часть щита (глава) отделена от нижней его, синей, части (основания) зубчатой линией, напоминающей стилизованные волны, что указывает на географическое положение Чебоксар на великой русской реке Волге.

На красном фоне главы – чувашский национальный орнамент, выполненный белыми линиями. Он состоит из трех стилизованных дубов, означающих прошлое, настоящее и будущее. Середина среднего дуба синего цвета с серебряными цифрами «1469», указывающими год первого летописного упоминания о Чебоксарах. Присутствие на гербе этой даты начала документированной истории Чебоксар не только подчеркивает историчность города, но и закрепляет собственно чебоксарскую принадлежность герба.

На синем фоне основания изображены силуэты пяти летящих влево от зрителя серебряных уток. Утки расположены так называемым «конвертом» то есть две в верхнем ряду, одна в центре и две в нижнем ряду. Эта старинная городская эмблема, присвоенная Чебоксарам еще в 1781 году в знак богатства окружающей город волжской природы, полностью сохраняет свое первоначальное значение. Однако, в отличие от дореволюционного изображения эмблемы, птицы на новом гербе даны в более стремительном полете».^[13] (см. вкладку илл. № 56)

Впервые изображение нового герба было использовано в газете «Советская Чувашия» от 2 августа 1969 г. при публикации

материалов по истории города под рубрикой «Чебоксарам – пять веков»,^[14] а уже с 27 сентября того же года художественная заставка для рубрики «Субботние Чебоксары» сменила силуэт главной достопримечательности города – памятника В.И. Чапаеву – на рисунок герба.^[15] Изображение герба было помещено на пригласительные билеты для участников юбилейной сессии Чебоксарского городского Совета депутатов трудящихся, посвященной 500-летию города, а также на программу праздничного концерта по случаю этой даты.^[16]

На появление нового герба у Чебоксар откликнулась и всеобщая пресса. Так, журнал «Наука и жизнь» в одном из номеров за 1970 г. опубликовал его вместе с другими новыми гербами городов Российской Федерации.^[17] В 1978 г. это же издание поместило изображение коллекционного значка с воспроизведенным на нем гербом города.^[18]

Новый герб постепенно вошел в сознание горожан как неотъемлемая часть повседневной жизни, важный элемент внешнего облика крупного волжского города. С тех пор он широко используется на товарной продукции местных предприятий, сувенирных изделиях, справочно-информационных и рекламных изданиях. (см. вкладку илл. № 57–58) Таким образом, герб столицы Чувашской Республики в его новой интерпретации стал частью ее истории, прочно ассоциируется в сознании горожан с современным обликом Чебоксар. По этой причине городское собрание депутатов отказывается от возврата к историческому гербу, даже несмотря на то, что Герольдия при Президенте Российской Федерации не принимает городской герб к регистрации в Геральдическом регистре в его нынешнем виде.

Тем не менее, значение этого события для истории геральдики в Чувашии трудно переоценить. Во-первых, это была первая в республике попытка возрождения древней традиции официального применения гербов в жизни города. Во-вторых, это был и первый опыт «осовременивания» старинного облика его геральдического символа. Наконец, самое главное – появление герба у столицы республики открыло дорогу для создания аналогичных геральдических эмблем и в других населенных пунктах республики.

Однако, понадобилось еще несколько лет, прежде чем этот опыт получил дальнейшее развитие. Причем, следующим шагом стало создание гербов населенных пунктов, никогда ранее ими не обладавшими. Так, в 1976 г. в Чувашии появилось сразу

два новых городских герба: в феврале – у города Шумерля, а в июле – у города Канаша.

Принятию городской символики в обоих случаях предшествовал конкурс эскизов. Так, исполком Шумерлинского городского Совета принял решение о проведении конкурса еще в 1974 г.^[19] В официальном сообщении об объявлении конкурса указывалось, что он должен был пройти в течение трех месяцев – с 10 сентября по 10 декабря. Его участникам предлагалось представить в отдел главного архитектора города оформленные на ватмане формата А 4 проекты герба, в которых необходимо было отразить «природные условия и черты промышленного производства Шумерли». К каждому проекту должна была прилагаться легенда – «объяснение символов герба». Для победителей конкурса устанавливались премии – одна первая в 50 рублей и две вторых по 25 рублей.^[20]

Однако за все время проведения конкурса ни один из проектов не был опубликован в местной прессе, а принятое обычно в таких случаях обсуждение эскизов на страницах газеты не проводилось. Всего для участия в конкурсе было подано более десятка проектов.^[21] Местная газета «Вперед» в номере за 8 июля 1975 г. сообщила об утверждении исполкомом городского Совета решения жюри по его итогам. Были отмечены три лучшие работы: первая премия досталась художнику декоративно-прикладного искусства В. Горбунову, вторые – художникам-оформителям Г. Стаканкину и двум соавторам В. Резникову и В. Колчину. При этом ни описания герба, ни его изображения опубликовано не было.^[22] Более того, ни в одном протоколе исполкома за весь 1975 г. такого решения не зафиксировано!

Окончательно геральдический символ города был утвержден 11 февраля 1976 г. на заседании исполкома горсовета. Решение по этому вопросу было предельно лаконичным: «Представленный на рассмотрение эскизный проект герба гор. Шумерля, выполненный автором Горбуновым В.Р., утвердить». Причем ни его изображения, ни его описания к данному документу приложено не было.^[23]

Герб города Шумерли представлял собой обрамленный золотой канвой французской щит, в красном поле которого была изображена белая (серебряная?) шестерня, внутри нее – зеленый дубовый лист с двумя желудями; под ними – синяя волнообразная линия. Шестерня и дуб, очевидно, должны были символизировать «природные условия и черты промышленного

производства Шумерли», а синяя волнообразная линия – реку Суру. В серебряном поле главы щита были помещены красного цвета чувашский орнамент и название города, написанное золотыми буквами. (см. вкладку илл. № 59)

В г. Канаш для участия в конкурсе было подано 18 проектов. Как указывалось в официальном сообщении, в их разработке принимали участие «рабочие, служащие, школьники, художники» (именно в такой последовательности!). Проекты были представлены для обсуждения депутатам, принимавшим участие в VIII сессии городского Совета.^[24] Причем, ни в официальном сообщении о ее проведении,^[25] ни в самом протоколе сессии^[26] вопрос об обсуждении городского символа в повестке дня не значился. Большинство городских избранников отдало предпочтение проекту, подготовленному машинистом локомотивного депо В.И. Трекозовым. Он и был утвержден исполнительным комитетом городского Совета 21 июля 1976 года.^[27]

В описании обретенного городом символа указывалось: «Герб Канаша представляет собой щит, основной фон которого красный с голубой полосой в верхней части – цвета государственного флага РСФСР. По голубому полю золотыми буквами написано слово «Канаш». На красном поле помещена шестерня голубоватого цвета, символизирующая машиностроительную и металлообрабатывающую промышленность, к которой относятся наиболее крупные предприятия города. Поверх шестерни по ее горизонтальной оси расположен рисунок серебристых крыльев, символизирующих движение, в данном случае железнодорожное и автотранспортное, играющее наиболее важную роль в промышленном потенциале города. В верхней части щита на бордовом фоне золотом нанесен рисунок чувашского национального орнамента».^[28] (см. вкладку илл. № 60)

Как видим, общим для гербов Шумерли и Канаша стало изображение шестеренки, как олицетворение индустриального развития. Такой подход был вполне закономерен в условиях социального заказа, формировавшегося идеологическими установками партийных органов. К сожалению, все это реализовывалось вне рамок вековых традиций геральдики. Так, впервые появившись на городских гербах Чувашии, символы промышленности (в их советском понимании) положили, к сожалению, начало традициям псевдогерботворчества.

К середине 1980-х годов ситуация в сфере общественного интереса к отечественной геральдической культуре стала ме-

няться коренным образом. Важную роль в деле ее популяризации сыграл один из самых читаемых журналов советского времени «Наука и жизнь», публиковавший на своих страницах исторические гербы городов Российской империи, а также вновь создаваемые геральдические эмблемы населенных пунктов Советского Союза.

Важным этапом на пути возрождения интереса к местной символике стало образование в 1987 г. Координационной комиссии по созданию и пропаганде новых городских гербов при Отделении истории АН СССР. В нее вошли представители от аппарата Президиума Верховного Совета СССР, Советского Фонда культуры, Министерства культуры СССР, художники, фалеристы. Возглавил комиссию член-корреспондент АН СССР Ю.А. Поляков, а его заместителем стала авторитетный ученый и крупнейший отечественный специалист по геральдике, доктор исторических наук Н.А. Соболева. В задачи комиссии входило научное консультирование местных органов власти по вопросам составления городских гербов, налаживание учета уже созданных гербов, организация их публикации с соответствующим научным комментарием.^[29]

Значение этого события для того времени трудно переоценить. Оно придало новый импульс созданию гербов на местном уровне. Учитывая повышенный интерес к герботворчеству во множестве городов страны, комиссией была подготовлена специальная памятка, в которой были изложены принципы разработки городского символа».^[30]

Примечательна позиция авторов документа, считавших, что «создание герба города – дело граждан, живущих в нем, любящих и знающих его историю». То есть они рассматривали акт обретения городом своего геральдического символа, прежде всего, как общественную инициативу. Обращает внимание и демократичность процесса принятия герба: «<...> Первое и непременное условие при создании герба – гласность. Советуем объявить конкурс на создание проекта герба вашего города с публикацией условий в городской или районной газете, по местному радиовещанию. Создайте при исполкоме горсовета конкурсную комиссию, в которую желательно включить как официальных представителей, так и общественность; ознакомьте горожан с представленными на конкурс проектами герба на выставке; опубликуйте статьи и отклики в газете». При этом указывалось

на полезность установления соответствующего поощрения за призовые места.

Роль конкурсной комиссии заключалась в учете мнения горожан о представленных проектах, отборе лучших из них, а при необходимости объявлении второго тура конкурса или вынесении решения о доработке конкретных проектов, информировании о своих действиях жителей города, подготовке проекта положения о гербе города.

При создании герба предлагалось придерживаться ряда принципов. Во-первых, подчеркивалось в памятке, городской герб, являясь «визитной карточкой города», должен был отражать особенности, присущие только ему одному, и памятные его жителям события. Характерными отличительными признаками города, по мнению авторов, могла стать природная достопримечательность, живущая в памяти поколений историческая традиция. Кроме того, специфика города могла выражаться в символах, возникших в советское время. То есть герб должен был ассоциироваться с конкретным городом. Во-вторых, указывалось далее в документе, в современной городской геральдике могли использоваться как традиционные формы и принципы компоновки геральдических фигур, так и новые приемы составления герба. В целях увеличения наглядности и облегчения зрительного восприятия, запоминания герба рекомендовалось придерживаться ряда правил: «эмблемы располагаются в поле гербового щита; нельзя перенасыщать гербовый щит фигурами – это усложняет рисунок и делает их неразличимыми на сувенирных значках и мелких предметах; по сравнению с реалистическим рисунком стилизованная эмблема имеет большую выразительность; по возможности нужно использовать традиционные геральдические цвета». При этом не рекомендовалось злоупотреблять цветами государственного флага республики, так как городов в ней могло быть значительное количество. «Узнаваемости» герба должны были способствовать его лаконичность и ясность образного решения.^[31]

Герб города и его описание в цветном и черно-белом вариантах, положение о гербе города, в котором определялся порядок его применения, предлагалось утверждать сессией городского Совета народных депутатов. Необходимость правового закрепления символики авторы памятки объясняли тем, что «герб, не утвержденный городским Советом, не может использоваться в каких-либо официальных мероприятиях и документах». В описании

герба рекомендовалось давать толкование образных и цветовых решений. Оговаривалась и целесообразность официального закрепления авторства герба – личного или коллективного.^[32]

Таким образом, процесс возрождения и создания новой городской символики в Советском Союзе стал одним из факторов общественного развития, признанным органами государственной власти и научным сообществом на самом высоком уровне. Весьма симптоматичным в этой связи представляется высказанное на страницах журнала «Наука и жизнь» предложение одного из читателей о назревшей необходимости «всеобщего завершения создания гербов наших городов». Мотивировалось это расширением обмена общественных, культурных и спортивных связей между городами страны и мира, увеличением количества городов-побратимов. Поэтому, резюмировал автор письма, «каждый советский город должен иметь свою визитную карточку».^[33] С этой аргументацией трудно было не согласиться.

Именно в такой обстановке повышенного интереса к геральдике и возрождению традиций обозначения городов особыми геральдическими символами продолжился в Чувашии процесс возвращения городам республики их исторических гербов.

В 1980-е гг. еще два города Чувашии вернули себе официальный символ – Цивильск и Ядрин. Причем Цивильск сделал это даже дважды – в 1983 и в 1989 гг.!

При этом данные о проведении в Цивильске конкурса и его итогах в 1983 г., а также описание или изображение герба в местной прессе не публиковались. Автором городского символа был учитель Цивильской средней школы № 2 Е.И. Соболев. При проведении повторного конкурса в 1989 г., приуроченного к празднованию 400-летия города, ему была предоставлена возможность вынести на суд жителей города описания сразу пятнадцати своих проектов и шесть эскизов. В одном из мартовских номеров районной газеты «Путь Октября» для этого было отведено более одной полосы. Причем, как указывал автор, всего со времени принятия первого варианта в 1983 г. им было разработано около сорока вариантов герба.^[34]

Комментировать каждый из предложенных проектов нет смысла. Отметим лишь принципиальную позицию автора. «Отдавая дань старине и ее людям, но не забывая о том, что и мы делаем историю, и наш труд находит свое место в истории города <...>», Е.И. Соболев в ряде случаев попытался сохранить в новой интерпретации старинный символ города – дуб, а в других ис-

пользовал изображения местной достопримечательности – Тихвинского монастыря; опоры линии электропередачи; цветных полос, обозначающих, по мнению автора, дороги; главы щита герба Чебоксар и другие элементы. Особое внимание было уделено чувашскому национальному орнаменту, олицетворяющему культуру народа.^[35]

Главным же недостатком всех предложенных вариантов являлось произвольное использование финифтей и металлов, их трактовка, введение негеральдических фигур и т.д., т.е. полное игнорирование правил геральдики.

Нельзя не отметить еще один существенный момент. Проекты других авторов в местной прессе не публиковались и не обсуждались. Меньше чем через месяц с момента публикации указанных проектов – 28 апреля 1989 г. – сессия городского Совета народных депутатов утвердила городской герб. Официальное уведомление о новом городском символе было предельно кратким. «Новый герб города Цивильска утвержден на девятой сессии горсовета народных депутатов. Эскиз подготовлен учителем Цивильской средней школы № 2 Евгением Ивановичем Солевым» – сообщалось на первой полосе газеты «Путь Октября» за 20 июня 1989 года. Здесь же было помещено его черно-белое изображение. При этом описания герба дано не было.^[36]

В своем новом виде герб Цивильска представлял собой французский щит, поделенный на четыре части: в верхней – голубой – было помещено название города, написанное серебряными буквами; ниже – в красном поле заимствованный из герба Чебоксар серебряный чувашский орнамент, в центр которого на золотом фоне была вписана красными цифрами дата «1589»; еще ниже – в золотом поле коричневый дуб с зелеными листьями; в оконечности щита – узкая зеленая полоса. (см. вкладку илл. № 61)

В ходе проведения конкурса в Ядрине изначально было заявлено о необходимости сохранения в новом гербе его прежнего главного элемента – сложенных треугольной пирамидой ядер, что совершенно справедливо, так как ядринский герб считается гласным и является в этом смысле единственным в республике. Так, один из участников конкурса фотокорреспондент газеты «Знамя труда» В. Артемьев, представляя для обсуждения свой проект, отмечал: «Главным условием при создании новых гербов городов я считаю бережное отношение к старинным гербам – как к памятникам истории. <...> При создании нового герба г. Ядрина не стоит изощряться – ища для него новый символ, в ущерб исто-

рическим традициям. Основной элемент – ядра нужно оставить, как символ того, что здесь стоял сторожевой пункт стрельцов, охранявших границы русского государства от набегов кочевых племен. А верхнюю часть пусть, согласно древним традициям, займет изображение уток – символ столицы Чувашии».^[37]

Это мнение было поддержано другими участниками конкурса – методистом районного Дома культуры В. Кораблевым и директором Ядринской детской художественной школы В. Разумовым. Оба также предложили ввести в герб чувашский национальный орнамент. Вот каким видел будущий городской символ В. Кораблев: «В верхней части предлагаю декоративный орнамент – подобие чувашской вышивки, напоминающий двух птиц, обращенных друг к другу. Их объединяет элемент орнамента, напоминающий крышу дома (первого жилья, появившегося на территории будущего города), под крышей указана дата первого упоминания о городе – 1590. Ядра в нижней части герба подняты на небольшом пьедестале, что подчеркивает прошлое происхождение герба г. Ядрина с ядрами на красном фоне».^[38]

Поддерживая проект герба В. Артемьева, В. Разумов отмечал: «<...> Считаю, что в верхнюю часть герба не нужно втискивать полностью герб столицы, а достаточно узора национального характера на голубом фоне. Тем более, голубой фон – символ реки и чистого неба – отлично сочетаются с нижним красным фоном (красный цвет в геральдике означает храбрость)».^[39]

Следует отметить, что были и альтернативные взгляды на будущий городской герб. Так, директор детской художественной школы из д. Верхние Ачаки М. Разумов представил на суд жителей города и района два весьма футуристичных проекта. К сожалению, они были опубликованы без описания. Поэтому ограничимся лишь указанием на то, что в обоих были воспроизведены название города и дата его основания, а также некие зубчатые колеса. В одном из них были использованы мотивы чувашской национальной вышивки, а в другом – фигуры, с трудом поддающиеся описанию.^[40]

Итоги длившегося около двух лет конкурса были подведены в начале августа 1989 г. В числе его участников были преподаватели местных детских художественных школ, фотокорреспондент газеты, работник Дома культуры, слесарь кирпичного завода и др. Всего было рассмотрено более трех десятков рисунков предполагаемого герба, из которых был выбран один, разработанный директором городской художественной школы

В.Н. Разумовым. Он и был представлен на обсуждение девятой сессии Ядринского городского Совета народных депутатов, которая утвердила его «как современный герб Ядрина». В описании герба указывалось: «Герб города Ядрина представляет собой четырехугольный щит с заострением внизу при отношении высоты к ширине 6:5. Верхняя часть щита (две седьмых по высоте) имеет синий цвет, нижняя (пять седьмых по высоте) – красный. Это цвета государственных флагов РСФСР и Чувашской АССР, символизирующие советский период истории города. Кроме того, здесь соблюдена преемственность от старого герба Ядрина: в центре красного поля – сложенные в кучу боевые ядра... Верхняя часть герба (глава) отделена от нижней красной части (основания) зубчатой линией, напоминающей стилизованные волны. Это указывает на географическое положение Ядрина на реке Суре. На синем фоне главы – чувашский национальный орнамент, выполненный золотыми линиями. Он состоит из трех стилизованных дубов. Дубы эти означают прошлое, настоящее и будущее города Ядрина. «1590» – эти золотые цифры вписаны на средний символический дуб и указывают год первого летописного упоминания о Ядрине. Присутствие на гербе этой даты начало документированной истории Ядрина не только подчеркивает древность города, но и закрепляет собственно ядринскую принадлежность герба. На красном фоне основания герба изображены золотые ядра. В отличие от прежнего герба ядра эти на новом гербе даны в стилизованном виде. В порядке преемственности, они указывают на историчность Ядрина, как бывшего города – крепости».^[41] Как видим, этот текст был попросту заимствован из описания герба Чебоксар 1969 года.

Весьма символично то, что возвращение городской символики обоих городов состоялось практически одновременно, также как когда-то вместе они были высочайше утверждены рукою Екатерины II. Что же кроме этого объединяет оба эти события в истории местной геральдики. Принятие новых гербов Цивильска и Ядрина было связано с празднованием юбилейных дат – 400-летием их основания. В обоих случаях утверждению обновленных гербов предшествовала публикация эскизных проектов в местных средствах массовой информации для обсуждения. Оба герба сохранили свои исконные элементы: большой старый коренастый дуб – на гербе Цивильска и треугольная пирамида из сложенных пушечных ядер – на гербе Ядрина. Одинаковой стала и глава щитов, позаимствованная из герба Чебокс-

сар 1969 года. Таким образом, была возрождена заложенная создателями гербов XVIII века особая композиция гербов, о которой говорилось выше.

Последними событиями данного периода истории городских гербов Чувашии стало появление гербов у села Порецкое и города Мариинский Посад – старинных поселений, ранее не имевших своего геральдического символа.

Герб села Порецкое был утвержден на четвертой сессии Порецкого сельского Совета народных депутатов 6 февраля 1991 г. Его автор – заслуженный художник Чуваши, лауреат государственной премии Чувашской ССР имени К. Иванова Э.М. Юрьев. К сожалению, сведений о проведении конкурса, поданных проектах и прочих организационных мероприятиях, связанных с его созданием, выявить не удалось.

В описании герба указывалось: «Гербом села Порецкого является изображение на серебряном геральдическом щите колокольни Троицкого собора в окружении корабельных сосен на фоне холма у реки, по которой плывет стерлядь. В правом верхнем почетном углу геральдического щита помещен земельный герб Симбирска, в левом – Нижнего Новгорода. В наружном оформлении в верхней части герба помещена деталь герба города Чебоксары. Между нею и геральдическим щитом находится покрытая пурпурной финифтью лента, заканчивающаяся справа и слева русским орнаментальным мотивом. В центре ленты – серебряная дата «1591».

Деталь герба города Чебоксары указывает на современное административное положение села Порецкое: оно входит в состав Чувашской ССР, столицей которого является г. Чебоксары.

Дата «1591» – год первого упоминания Порецкого в русских летописях.

Земельные гербы Симбирска и Нижнего Новгорода указывают на историческое прошлое Порецкого, что оно в разные годы своего существования входило в Симбирскую и Нижегородскую губернии.

Река с плывущей стерлядью и холм, возвышающийся за изображением колокольни, указывают на географическое положение Порецкого. Это река Сура, некогда богатая рыбой.

Колокольня в центре герба – дань выдающемуся памятнику храмовой архитектуры и поныне являющемуся основной архитектурной доминантой Порецкого. Корабельные сосны, изображенные по краям колокольни, напоминают, что Порецкое нахо-

дится в лесах, откуда вывозился лес для становления русского флота.

Верхнее поле герба покрыто пурпурной финифтью, нижнее – зеленой, река – голубой (синей)».^[42]

Внешне очень эффектный герб, к сожалению, оказался не безупречным с точки зрения правил геральдики. Вместе с тем, он имел и одну отличительную особенность, делавшую его непохожим на другие аналогичные геральдические эмблемы. Впервые в геральдике Чувашии в его вольной части были помещены изображения Нижегородского и Симбирского гербов. С точки зрения правил геральдики использование вольной части для указания бывшей административной подчиненности села двум субъектам, в то время как само оно на момент создания геральдического символа находилось в юрисдикции третьего, выглядела нелепой. Однако сама идея оказалась плодотворной. В 2000-х гг. использование главной геральдической эмблемы Государственных Герб и Флага Чувашской Республики – «Древа Жизни» в вольной части муниципальных гербов стало активно использоваться для обозначения территориальной принадлежности населенного пункта.

В 1991 г. сессия Мариинско-Посадского городского Совета также утвердила городской герб (автор – В.А. Шипунов), впоследствии основательно переработанный. Его отличительной особенностью стала попытка автора использовать символ, традиционно применяющийся в классической геральдике – корону. Глава щита повторяла чувашский национальный орнамент, изображенный на гербе Чебоксар 1969 года.

Заключительным событием рассматриваемого периода стало создание в апреле 1991 г. Всесоюзного геральдического общества, которому, увы, не суждено было развернуть свою деятельность в силу известных политических событий, потрясших страну в том году.

Итак, выделим несколько ключевых моментов данного этапа. Прежде всего, необходимо отметить, что процесс формирования геральдической символики городов Чувашии проходил в условиях нарастающего интереса к геральдике и герботворчеству в целом в стране. Этому в значительной степени способствовали многочисленные публикации в профессиональных и научно-популярных журналах, издание научной литературы и переиздание наиболее значимых трудов по отечественной геральдике. Комментируя повышенный интерес к старым и новым

гербам в нашей стране, председатель Координационной комиссии по созданию и пропаганде новых городских гербов при Отделении истории АН СССР Ю.А. Поляков как о свершившемся факте говорил о развитии молодой научной дисциплины – советской геральдике.

Массовое увлечение геральдикой, усилия энтузиастов по созданию гербов населенных пунктов уже не могли игнорироваться ни центральной, ни местной властью. Весьма показательным в этом смысле было участие партийных органов в мероприятиях по популяризации геральдических знаний и организации конкурсов по созданию местной символики. Например, выпущенная в Киеве обществом «Знание» Украинской ССР брошюра В.В. Румянцевой «Історія, карбована в гербах» («История, запечатленная в гербах») вышла в серии «История, теория и политика КПСС».^[43] При проведении конкурса эскизных проектов герба Ядрина все замечания и предложения предлагалось направлять в идеологический отдел райкома партии, а комиссию по его проведению возглавлял начальник этого отдела.^[44]

Своеобразным драйвер-фактором процессов создания гербов в Чувашии во всех случаях была подготовка к празднованию юбилейных дат городов, что обеспечивало инициаторам возрождения традиций использования городских геральдических символов поддержку со стороны местных органов власти – городских Советов.

Вместе с тем, с точки зрения правил геральдики ни один из появившихся в рассмотренный период гербов нельзя считать полноценным. Это было обусловлено тем, что геральдические символы городов рождались в системе историко-культурных координат, формировавшихся под влиянием идеологических институтов того времени, что и определило специфику использовавшейся в то время символики. При этом явный приоритет отдавался не описанию (блазону) герба, а его художественно-графическому воплощению. Возможно, именно это обстоятельство сыграло решающую роль в подмене традиций классической геральдики творческими экспериментами художников в области советской эмблематики. В связи с этим, очевидно, правильнее было бы называть подобные городские символы не гербами, а геральдическими эмблемами.

Представляются спорными и попытки авторов гербов Цивильска, Ядрина, Мариинского Посада дублировать главу герба Чебоксар в своих проектах. Во-первых, такой подход вызывал

критику еще в XIX веке у специалистов в области геральдики, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, в условиях Советской власти это не диктовалось какой-либо необходимостью и не имело под собой никаких оснований (правовых, научно-методических, практических и др.). В-третьих, главным элементом герба Чебоксар были пять летящих «конвертом» уток, а не декоративный орнамент, вообще не имеющий отношения к геральдике.

Очевидно, поэтому уже на следующем этапе изображения части гербов, появившихся в рассмотренный хронологический отрезок, были пересмотрены.

В целом, создание городских гербов в 1960–1980-е годы происходило по инициативе снизу без соответствующего правового обеспечения в виде специального законодательства. В условиях советской власти такое вообще было невозможно, а любая законотворческая инициатива подобного рода могла быть расценена как попытка возврата к «мрачному царистскому прошлому». Поэтому «рождение» геральдических символов населенных пунктов носило в большей степени стихийный, чем системный характер и в каждом конкретном случае обуславливалось местной инициативой. Последняя, как правило, была связана с празднованием юбилейных дат населенных пунктов. Эти и другие факторы не только значительно сужали возможности использования гербов в различных сферах государственной и общественной жизни, но и препятствовали формированию единой системы городской геральдики страны.

Разрабатывавшиеся в Чувашии в этот период геральдические эмблемы, к сожалению, не были лишены серьезных иконографических и семантических недостатков. Причина этого видится в низком уровне геральдической культуры, отсутствии у разработчиков специальных знаний и пренебрежении традициями герботворчества. Вместе с тем, нельзя не отметить стремление местных авторов городских геральдических эмблем сохранить главные элементы исторических гербов. Причем, использовавшиеся визуальные образы даже во вновь разрабатываемых гербах были лишены какой-либо политической составляющей.

Главным же итогом рассмотренного периода в Чувашии, при всей спорности созданных в это время геральдических эмблем, следует признать инициирование энтузиастами процессов, связанных с созданием и активным использованием городской символики, прочно вошедшей в повседневный быт населенных пунктов республики.

2.3. Становление современной системы муниципальных символов в Чувашской Республике

«Муниципальные образования в соответствии с федеральным законодательством и геральдическими правилами вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности».

Из ст. 9. Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

Точкой отсчета третьего периода развития городской (а затем и муниципальной) геральдики можно считать создание в феврале 1992 г. Государственной геральдической службы Российской Федерации^[1] и возникновение в апреле того же года Всероссийского геральдического общества.^[2]

Эти события не остались незамеченными в Чувашии. Так, в мае 1993 г. Комитет по делам архивов Совета Министров Чувашской Республики (Чувашкомархив) был наделен дополнительными полномочиями, связанными с государственным регулированием создания и использования государственных символов, эмблем и иной символики, соблюдения законодательства в области геральдики в Чувашской Республике. Круг предоставленных ему полномочий был достаточно широк и включал: осуществление единой государственной политики в области создания и функционирования геральдической системы Чувашской Республики; координацию деятельности органов государственной власти Чувашской Республики в области геральдики; контроль за соблюдением законодательства в области геральдики на территории Чувашской Республики; подготовку проектов законодательных актов и нормативных документов, направленных на обеспечение проведения единой политики в области создания и использования официальных символов, разработку обязательных к исполнению правил, инструкций, методических пособий; проведение экспертизы геральдических эмблем и ведение их централизованного государственного учета на территории Чувашской Республики; хранение эталонов – образцов офици-

альных символов Чувашской Республики, а также местной символики; проведение проверок выполнения учреждениями, организациями и предприятиями, независимо от их ведомственной подчиненности и форм собственности, требований законодательства в области геральдики; осуществление международных связей в области геральдики.^[3]

Одним из первых шагов комитета стала разработка «Положения о порядке использования учреждениями, организациями и предприятиями государственной символики Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика».^[4] Его реализация была возложена на специально созданную правительственную комиссию, положение о которой также было разработано Чувашкомархивом.^[5] Он же осуществлял организационно-техническое обеспечение деятельности комиссии, а также разрабатывал проекты законодательных и нормативных правовых актов по вопросам ее компетенции. Так, в 1997 г. комитетом был разработан проект закона Чувашской Республики «О государственных символах Чувашской Республики»,^[6] ставший первым законодательным актом в этой сфере в России. Велась разработка проекта закона о муниципальных символах. Однако вся эта работа была фактически свернута в 2004 году после передачи функций Госкомитета по делам архивов Министерству культуры Чувашии.

Решение правительства республики о наделении одного из органов исполнительной власти – Чувашкомархива – полномочиями в области геральдики и создание Правительственной комиссии по выдаче разрешений на право использования государственных символов Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика», ставшей «предтечей» Геральдической комиссии Чувашской Республики (образована в 2005 г.), было весьма своевременным. В начале 1990-х гг. герботворчество в Чувашии стало приобретать массовый характер. В 1993 г. появляются гербы города Новочебоксарска (автор – В.И. Разин), поселка Ибреси (автор – Э.М. Юрьев). В 1996 г. обрели свои гербы поселки Вурнары (в окончательном варианте – коллективный творческий труд всех художников – участников конкурса и членов комиссии) и Урмары (сведений об авторе найти не удалось). Среди них обращает на себя внимание вурнарский герб, так как впервые в главе щита появляется один из элементов государственных символов Чувашской Республики –

«Древо Жизни», как знак территориальной принадлежности поселка.

Однако создание этих гербов происходило под влиянием практики, сложившейся в предшествующий период со всеми ее негативными моментами с точки зрения соответствия требованиям геральдики. В них продолжали использоваться кайма, название населенного пункта, дата его основания, шестеренки, колосья, химические реторты, имело место наложение друг на друга финифтей и т.д.

Исправить эту характерную не только для Чувашии, но и для всех регионов страны, тенденцию должно было утвержденное в марте 1996 г. Положение о Государственном геральдическом регистре Российской Федерации,^[7] призванное обеспечить единство государственной политики в области геральдики, систематизировать и упорядочить использование официальных и отличительных знаков. В этот регистр, кроме прочего, должны были отныне вноситься «официальные символы местного самоуправления и иных муниципальных образований (флаги, гербы, эмблемы)». Без сомнения это была важная веха в истории развития современной отечественной геральдики.

Появление указанного документа совпало по времени с принятием и активной реализацией федерального и республиканского законодательства о местном самоуправлении, которое особо оговаривало наличие собственной эмблемы у местного самоуправления. К сожалению, создание гербов в республике приобрело неконтролируемый характер. Крайне отрицательно сказалось желание глав местных администраций ускорить регистрацию уставов путем упрощения процедуры утверждения гербов, которая могла затянуть принятие этого главного документа самоуправления. Так, например, урмарская районная газета «Хёрлё ялав» напечатала 5 сентября 1996 г. проект Устава Урмарского района, первая статья которого предусматривала наличие герба, утверждаемого районным собранием депутатов.^[8] А уже 5 октября 1996 г. она опубликовала его в качестве официального документа, принятого 12 сентября того же года собранием депутатов. Согласно тексту первой статьи, герб района был утвержден в этот же день! При этом никакой информации об объявлении конкурса, работе над проектом, авторе эскиза и других сведений жителям района на страницах печати сообщено не было, как, впрочем, не публиковалось ни изображение, ни описание герба.^[9]

Увы, мало кто из руководителей районных администраций всерьез задумывался о негативных последствиях подобных действий. Сложный и ответственный процесс создания главного символа местного самоуправления стал лишь бюрократической формальностью. Создание гербов доверялось лицам, мало или совсем незнакомым с тонкостями геральдической науки. За псевдогеральдической риторикой в описании и объяснении создаваемых символов часто скрывалось элементарное невежество ее авторов. Все это породило не только массовое и бездумное тиражирование шестеренок, колосьев, книг и тому подобных атрибутов, столь характерных для эмблематики советской эпохи, но и множество геральдических казусов, а иногда и просто курьезов.

Помнится, в этот период в Чувашкомархив поступил эскиз герба одного из районов республики. Прежде всего, в данном проекте удивила рассекавшая щит серая полоса с нанесенной на нее белой пунктирной линией. Автор пояснял ее наличие тем, что через весь район проходит автотрасса федерального значения. Несмотря на все доводы о нелепости такого решения, этот элемент был сохранен при утверждении герба собранием депутатов.

Еще более озадачила в одном из представленных на экспертизу проектов штриховка, нанесенная поверх финифти поля щита. Оказывается, по замыслу составителя количество штрихов должно было соответствовать количеству населенных пунктов в районе!

Результат подобного «творчества» – безликость появлявшихся в этот период муниципальных символов, произвольное использование и истолкование цветов финифтей, геральдических фигур и т.д. Имело место и совершенно недопустимое с точки зрения правил геральдики воспроизведение на гербах названия населенного пункта, даты его основания и т.д. И уж совсем странным выглядело использование в гербах каймы, которая в геральдике является самостоятельным смысловым элементом, имеющим понижающее значение. Фактически это означало принижение статуса владельца герба. Очевидно, по этим причинам долгое время в Чувашии не было гербов, зарегистрированных в Государственном геральдическом регистре.

Вместе с тем, попытка создать в начале 1990-х годов институт экспертов на уровне органа государственной власти закончилась неудачей. Чувашкомархив (с 1998 г. – Госкомархив Чувашии), наделенный соответствующими полномочиями в этой сфере и попытавшийся объединить усилия историков, краеве-

дов, художников, не смог стать полноценным центром по выработке государственной политики в данной области. К сожалению, в большинстве случаев он ставился перед свершившимся фактом принятия того или иного герба района, районного центра, поселения. Причина такого положения была проста – самостоятельность органов местного самоуправления подменялась самоуправством местных администраций в этой весьма специфической сфере деятельности. Работа же правительственной комиссии, деятельность которой обеспечивал комитет, свелась к выдаче разрешений на право использования наименования Чувашской Республики в названиях организаций. Но даже в этих условиях специалистами комитета проводилась определенная разъяснительная работа, оказывались консультационные услуги разработчикам местной символики. В ряде случаев это способствовало пересмотру геральдических эмблем, принятых в советское время и в начале 1990-х годов.

Таким образом, вопрос, каким быть современному гербу населенного пункта, оказался не так уж прост. Постепенно пришло осознание необходимости придать процессу герботворчества четко организованный и строго правовой характер. Мысли о создании единой системы геральдических символов республики особенно волновали народного художника Чувашии Э.М. Юрьева в последние годы его жизни. К сожалению, безвременная кончина в январе 2001 г. не позволила ему завершить этот процесс.

Дело, начатое основоположником геральдики Чувашии, было продолжено новым поколением чувашских художников-геральдистов. К их числу принадлежит заслуженный работник культуры Чувашской Республики, действительный член Всероссийского геральдического общества В.А. Шипунов, который в конце 1990-х гг. работал под методическим руководством члена Всероссийского геральдического общества Э.М. Юрьева.

В.А. Шипунов является автором абсолютного большинства современных муниципальных гербов и флагов Чувашской Республики. Все они успешно прошли экспертизу в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации и занесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации. Именно благодаря его активной творческой деятельности ситуация стала меняться в лучшую сторону. Фактически усилиями одного энтузиаста была проделана работа, оказавшаяся не под силу официальным органам. В первую очередь это касается обеспечения единства подходов к созданию муниципальной

символики, ее строгого соответствия геральдическим правилам, а также активной популяризации геральдики среди населения. В результате постепенно начала складываться система гербов муниципальных образований Чувашской Республики, прошедших государственную регистрацию и признанных российским геральдическим сообществом.^[10]

В целом, современная муниципальная символика Чувашии отвечает историко-культурным, экономическим, географическим и иным особенностям республики и соответствует самым высоким геральдическим стандартам.

В настоящее время она представлена 8 гербами муниципальных районов, 4 городскими и 36 гербами сельских поселений.*

По своей иконографии современная муниципальная символика Чувашии весьма разнообразна. Основное внимание в ней уделено историческим сюжетам, основанным, как правило, на местных преданиях и легендах, а также экономическому и культурному развитию, географическим и природным особенностям, памятным событиям и др. Многие гербы сочетают в себе несколько таких составляющих. Поэтому достаточно сложно провести их четкое разграничение и представить в виде точных цифровых данных. Но все же абсолютное большинство связано с историческим прошлым населенных пунктов, что объясняется значительно возросшим интересом к краеведению, а также стремлением к восстановлению утраченных исторических корней и культурных традиций.

Основой гербов является щит характерной для российской геральдики французской формы. Из признаваемых в классической геральдике тинктур (*название красок и покрытий гербовых тел в геральдике* – В.Т.) щитов использованы: металлы – золото (в 13 гербах) и серебро (в 2 гербах); финифти – червлень (красный цвет) в 9, лазурь (синий цвет) в 17 и зелень в 20 гербах. Пурпуровая и черная финифти не использованы ни разу.

В покрытиях фигур предпочтение отдается металлам – золоту (27 раз) и серебру (22 раза). Из финифтей зелень использована 15 раз, червлень – 10, лазурь – 8 и по 4 раза пурпур и чернь.

* Здесь учитываются только те гербы, которые прошли официальную регистрацию и включены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации по состоянию на 1 мая 2015 года.

Всего в муниципальных гербах Чувашии использовано 19 почетных, 1 простая и 86 негеральдических фигур (в том числе естественных – 52, искусственных – 25, фантастических – 9).

В них практически не используются дополнительные элементы, такие как щитодержатели, намет, девизные ленты и прочие атрибуты.

Новым явлением в системе муниципальной символики Чувашии стал флаг, который, так же, как и герб, служит одним из важнейших атрибутов, олицетворяющих собой самостоятельность муниципальных образований. Первый флаг был разработан В.А. Шипуновым для г. Мариинский Посад и утвержден местным собранием депутатов 20 мая 1999 года.^[11] Все принятые органами местного самоуправления в Чувашии флаги повторяют изображение герба. Они используются при проведении различных мероприятий. (см. вкладку илл. № 65–92)

Несмотря на обозначившиеся с начала 2000-х гг. позитивные тенденции в развитии системы муниципальных геральдических символов Чувашии, следует признать, что в целом перелома в официальном восприятии муниципальной символики пока не наступило. Об этом красноречиво свидетельствует анализ сайтов районов и городов республики. Так, по состоянию на 1 мая 2015 г. из 26 сайтов органов местного самоуправления 11 не содержат информацию о наличии у них муниципальных символов (Алатырский,^[12] Вурнарский,^[13] Ибресинский,^[14] Канашский,^[15] Красноармейский,^[16] Порецкий,^[17] Цивильский,^[18] Шемуршинский,^[19] Ядринский,^[20] Янтиковский,^[21] районы и г. Канаш^[22]). При этом Ядринский район информирует посетителей лишь о наличии у него гимна, а 4 поместили изображение герба лишь в хедере сайта (Вурнарский, Порецкий, Цивильский, Шемуршинский районы).

Сведения об их символике с ее описанием удалось найти лишь на сайте Минкультуры Чувашии в разделе «Туристический паспорт Чувашской Республики».^[23]

Из тех же районов и городов, которые сообщают о своей символике, обращает на себя внимание отсутствие единообразия в структуре подачи информации. Например, только сайты Батыревского,^[24] Комсомольского,^[25] Красночетайского,^[26] Мариинско-Посадского,^[27] Чебоксарского^[28] и Яльчикского^[29] районов непосредственно указывают на имеющуюся у них символику в разделе «Карта сайта», хотя и под разными названиями: «Муниципальные символы Батыревского района», «Муниципаль-

ные символы Комсомольского района», «Символы района» (Красночетайский, Яльчикский районы), «Геральдика района» (Мариинско-Посадский район), «Герб и флаг Чебоксарского района».

Остальные «упрятали» информацию в разделах: «Портрет района (города)» (Аликовский,^[30] Козловский^[31] и Шумерлинский^[32] районы, города Алатырь,^[33] Новочебоксарск,^[34] и Шумерля^[35]); «О Моргаушском районе»;^[36] «Урмарский район»;^[37] «О нашем городе» (Чебоксары)^[38].

Весьма странной выглядит отсылка с официального сайта Мариинско-Посадского района к личному сайту художника-геральдиста Вадима Шипунова, на котором и размещены изображения районных герба и флага, их геральдические описания, обоснование символики, а также свидетельства о регистрации Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации. И это притом, что после регистрации права собственности на символику должны были перейти от автора к местному самоуправлению.

Приведем еще несколько цифр. Так, только четыре района обнародовали на сайте документы о государственной регистрации своих геральдических символов. Также только три района и один город опубликовали муниципальные правовые акты об их утверждении. Еще три сослались на наличие таковых. В отношении публикации положения о гербе это сделали лишь пять районов и один город, положения о флаге – шесть районов и один город, а положения о гимне еще меньше – всего четыре. Немногим лучше обстоит дело с публикацией описаний гербов. Их дали соответственно восемь районов и четыре города. Аналогичная ситуация и с описаниями флагов. Это было сделано девятью районами и двумя городами.

Практически никак не представлена геральдика сельских поселений. Лишь Комсомольский район выставил на сайте комплект соответствующих документов по всем своим 12 населенным пунктам.^[39]

Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в необходимости самого серьезного отношения к муниципальной символике всё еще надо «убеждать» местных руководителей. Весьма красноречиво начинается одна из публикаций на геральдическую тему в республиканской газете «Советская Чувашия», озаглавленная «Трудности перевода»: «Отцов еще одного района удалось уговорить мариинско-посадскому художнику-геральдисту

Вадиму Шипунову на обновление герба и флага». Причем, «некоторые главы все еще медлят, размышляют». «Похоже, – резюмирует автор статьи, – пора районам и городам начать объявлять конкурсы на обновление символики, отбирать лучшие проекты и представлять на экспертизу в российский Геральдический совет».^[40]

В процессы обновления или создания новых геральдических символов пока еще слабо вовлечено население. Это красноречиво продемонстрировало общественное обсуждение двух проектов нового герба города Канаш. В объявленном на сайте администрации в декабре 2014 г. голосовании по вопросу «Какой из вариантов герба по вашему мнению соответствует (подходит) городу Канаш» приняло участие всего 2676 человек.^[41] И это притом, что здесь проживает более 45 тыс. жителей!

В новостном телесюжете ГТРК «Чувашия» «В Канаше не могут сойтись на символике герба», вышедшем в эфир 23 марта 2015 г., сообщалось: «26 марта депутаты Канаша должны принять новый герб, но в то, что это все-таки случится, горожане уже не верят. Варианты герба народные избранники обсуждают уже 6 лет и ни на чем не могут остановиться. Неравнодушные жители Канаша за последние полтора месяца уже дважды собирались на общественные слушания, но тоже ни к чему не пришли. Многие горожане просят оставить старую символику – шестеренкой, хотя никаким канонам геральдики она не соответствует».^[42]

В этой практически «патовой» ситуации нерешительную позицию заняли депутаты городского собрания. На это указала управляющий делами администрации г. Канаш Н. Золотова: «У нас 6 лет длится это, и каждый раз предыдущее собрание депутатов высказывается: а пусть следующий созыв примет. Следующий созыв уже 5-ый год принимает. Мы неоднократно выносили – видите, такие дебаты, непонятно, чем это дело может закончиться».^[43]

Споры по гербу Канаша получили отклик на форуме «НАСВЯЗИ.ру». Так, один из участников обсуждения, комментируя проект приложения № 2 к решению от 19 февраля 2015 г. № 57/10 «О гербе муниципального образования «город Канаш Чувашской Республики», так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Как видим из решения Собрания депутатов, никакого вопроса о новом гербе не выносилось на очередное публичное слушание. На первом публичном слушании, когда зал был пол-

ный, почти все присутствующие проголосовали за старый герб. На втором публичном слушании (народа было очень мало) почему-то вопросы рассматривались не по повестке, а заинтересованные начали присутствующих опять агитировать за какие-то новые гербы. Многие из выступающих были за старый герб. В итоге никакого решения не было вынесено. Представители из президиума сказали – пусть решают депутаты. А депутаты на своем очередном собрании большинством голосов сняли вопрос о гербе с повестки дня. Сначала, наверно, изучат этот вопрос досконально. Приятно, что у нас в городе есть депутаты, которые имеют свое мнение, прислушиваются к своим избирателям и принимают решения обдуманно».[44]

«Прийти к единому мнению жители пока не могут» – констатировали авторы указанного новостного телесюжета. А появится ли в год 90-летия города новая символика «зависит только от готовности городских депутатов взять на себя ответственность и поменять герб».[45]

Не может не настораживать еще один, как представляется, существенный момент – почти полное отсутствие конкурентной среды в деле создания муниципальной символики Чувашии. Доминирование практически единственного разработчика гербов поселений, кроме отмеченных выше положительных моментов, несет в себе и опасность фактического «навязывания» единственной точки зрения на облик символа, призванного олицетворять определенную территорию и ее население.

К сожалению, прецеденты, связанные с этой проблемой, уже имели место в республике. Так, в 2008 г. вопрос о гербе Козловского района и его административного центра – города Козловки вызвал бурную полемику, в том числе, в местной печати. Поводом послужила опубликованная в районной газете «Знамя» статья В.А. Шипунова «Обретение муниципальных символов – добрый знак», в которой автор ознакомил читателей со своими проектами гербов и флагов района и городского поселения в качестве альтернативы действующим геральдическим символам.[46]

Редакция отвела под нее целую полосу. Основная часть публикации изобиловала примерами использования изображения козла в геральдических символах городов разных стран. В конце, подытожив сказанное, автор предложил следующее обоснование гербового символа района: «В предлагаемом проекте герба Козловского района («гласный герб») фигура морско-

го козла (козерога) говорит о расположении района на берегу реки Волги и его названии. В нижней части щита изображены мурованные холмы, обозначающие Балановский могильник и Катергинское городище, находящиеся на территории района. Лист хмеля – издавна называют «зеленым золотом» Чувашии. Таким образом, фигуры герба указывают на происхождение названия района, а также на то, что территория Козловского района была заселена еще в глубокой древности».^[47]

Аналогичным образом В.А. Шипунов подошел и к решению городского геральдического символа, также предложив сделать его «гласным». «Композиция проекта герба Козловского городского поселения Козловского района <...> тоже формируется через его название, составлена в лучших и древнейших традициях «гласных гербов». <...> Языком геральдических символов, двух морских козлов, переплетенных в виде подковы, указывается связь с личным гербом Н.И. Лобачевского, а также тот факт, что город Козловка расположен на берегу великой русской реки Волги. Город является центром района (фигуры герба расположены в центре щита и смотрят вокруг себя)».^[48] (см. вкладку илл. № 63–64)

В обращении к читателям от редакции указывалось: «Вопрос, который поднимает В.Шипунов, конечно, требует всестороннего осмысления. Поэтому мы призываем читателей к дискуссии на тему обретения новых муниципальных символов Козловского района и города Козловки. Вы можете высказать свое мнение по представленным автором статьи проектам, насколько они удачны и соответствуют нашим представлениям. Можете прислать к нам свои проекты гербов и флагов. К дискуссии приглашаем также глав сельских поселений и депутатов, ведь статья 9 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» № 131-ФЗ дает право органам местного самоуправления устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности не только на уровне муниципального района, но и поселения. Пока еще ни одно сельское поселение не имеет своего герба и флага, хотя прецеденты в других соседних районах имеются. Итак, редакция ждет откликов на данную публикацию».^[49]

Хотя статья была опубликована в рубрике «Дискуссия», ее предваряло сообщение об уже имеющемся экспертном заключении, подписанном Государственным герольдмейстером России

Г.В. Вилинбаховым, в котором выражалась «горячая поддержка проектам гербов и флагов Козловского района и города», предложенных В.А. Шипуновым. Особый акцент авторитетнейшего специалиста в области геральдики был сделан на то, что в случае принятия положительного решения, «они, безусловно, займут одно из самых первых мест среди лучших образцов гербов и флагов современных муниципальных образований Российской Федерации».^[50]

О какой дискуссии могла идти речь, когда жители города и района фактически были поставлены перед фактом существования проектов, уже получивших «добро» уважаемого учреждения в лице его руководителя?! Создается впечатление, что в своем желании создать именно гласный герб, имеющий по выражению А.Б. Лакиера «особенное значение для русской геральдики»^[51] в силу того, что для русского человека традиционно более важен смысл герба, автор публикации стремился убедить читателей в единственно возможном варианте выбора главных символов муниципальных образований – образе козла.

Негативная реакция на публикацию не заставила себя долго ждать. Так, 30 июля 2008 г. газета опубликовала корреспонденцию А. Данилова «Это нам не подходит», в которой автор изложил свою позицию: «Вопрос о геральдике, действительно, требует всестороннего осмысления. Конечно В. Шипунов, как и все авторы, всесторонне защищает и подталкивает свой труд, за это мы его не осуждаем. Он приводит много примеров городов и населенных пунктов, на гербах которых имеется изображение козла. Якобы этот знак – предвестник расцвета и благосостояния жителей города и района. Было бы хорошо, если действительно так, но я сомневаюсь. Мы, козловчане, и так от названия города наполовину «козлы», а если на здании администрации района, поселений и на других видных местах появится двуглавый козел, то станем ими на 100 процентов. <...> Когда по улице идет рогатый, бородастый и вонючий козел, от него все люди шарахаются по сторонам. Символы козлам уместно установить там, где содержатся животные такого вида: на фермах, комплексах, а не на зданиях администраций и других видных местах. И зачем еще какое-то непонятное мистическое животное рыба-козел? У нашего города и района имеется нормальный герб, где есть нормальная рыба, а не только хвост, есть красивая птица чайка, плавающий теплоход. А вместо шестерни хорошо бы поместить листья хмеля, которые гармонично сочетаются с дубовыми ли-

ствиями. Это мое мнение. Хочу еще добавить: эти животные приносят немало вреда садам и огородам. За ними нужен глаз да глаз. Автор пишет, будто козлы спасли Тверь от монголо-татар. Нас спасли русские войска, а не эти животные».^[52]

Эта позиция нашла поддержку и у других читателей. 6 августа 2008 г. последовал рассерженный отклик студентки факультета журналистики Чувашского госуниверситета Е. Сергеевой. Поддержав своего земляка, она отметила: «Ни один житель нашего города не захотел бы так возвысить данных животных, с которыми «воюем» все время. Сколько деревьев они уничтожили в городе сколько было написано про их вред! И никто нас не переубедит в обратном, и никогда нам слово «козел» не понравится, как бы ни убеждал автор нового проекта. <...> Многие рады бы поменять не герб, а само название – Козловка, созвучное со словом «козел», а тут предлагают еще увековечить его в таких важных атрибутах нашей жизни. Лично меня это ничуть не радует, а только удивляет».^[53]

Обстоятельный ответ автору новой символики попытался дать депутат районного собрания депутатов В. Потапов, опубликовав в газете «Знамя» на целую полосу материал «Ответ на вопрос «по двум морским козлам». В качестве аргументов в споре с художником он процитировал ряд источников – правовые акты, словари, научные исследования по истории города. В первую очередь, он обратил внимание разработчика проектов на то, что муниципальные образования «в соответствии с федеральным законодательством и геральдическими правилами вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности» и указал на действующий порядок принятия и использования муниципальных символов, закрепленный в уставе Козловского района. Далее он остановился на негативных ассоциациях, традиционно связанных с козлом, о которых не считал нужным упомянуть В.А. Шипунов, а затем привел различные легенды, сведения и мнения специалистов относительно названия населенного пункта Козловка, которые почему-то были проигнорированы художником. Вердикт народного избранника был категоричен: «<...> Эти мифические «два морских козла» ничуть не отражают наши «исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности», так как это выдумка отдельных личностей. Я проживаю на берегу великой реки Волги и до моря нам очень далеко. Подобные услуги оказы-

ваются либо по конкретной просьбе, либо по личной инициативе для получения морального или материального удовлетворения. В районном бюджете на 2008–2010 годы денег на данных «двух морских козлов» депутаты не предусмотрели. Существующий герб, созданный нашим автором Н. Зайцевым, в достаточной мере мне понятен и устраивает меня как жителя города Козловки, Козловского района».^[54] (см. вкладку илл. № 62)

Так абсолютно правильный посыл В.А. Шипунова о необходимости замены действующей символики города и района, не выдерживающей никакой критики с точки зрения правил геральдики, получил резкий и единодушный отпор лишь по причине откровенного навязывания своего мнения, как единственно возможного решения проблемы.

К сожалению, подобный подход стал весьма распространенной практикой. История с «предварительным одобрением» в Герольдии вновь повторилась при обсуждении герба Канаша в начале 2015 года.^[55] Никто не спорит, что предварительная экспертиза проектов геральдических символов должна обязательно проводиться специалистами для подтверждения того, что выполненная художником-геральдистом работа соответствует действующей нормативно-правовой и методической базе и не противоречит исторически сложившимся правилам геральдики. Но при этом она ни в коей мере не может носить оценочный характер в части отдачи предпочтений тому или иному проекту. Это целиком прерогатива населения и тех лиц, которые уполномочены им на принятие соответствующих решений.

Как показывает практика, навязывание пусть и высококвалифицированного, но непонятного для абсолютного большинства людей мнения, как правило, не дает положительных результатов. В случае же «волевого» административного решения утрачивается едва ли не главная функция символики – ее объединяющее начало. К навязанным символам со временем можно привыкнуть, но изменится ли от этого их восприятие, будут ли они объектом гордости и станут ли фактором патриотического воспитания, будут ли способствовать развитию исторического краеведения, смогут ли сыграть заметную роль в формировании привлекательного образа поселения или района – вопросы, не имеющие однозначного ответа.

К сожалению, необходимо признать, что популяризацией геральдики никто в республике систематически не занимается. Стоит ли удивляться определенной отчужденности населения

при решении проблем обретения населенными пунктами собственной символики, что и создает предпосылки для принятия решений по столь серьезным вопросам узким кругом лиц.

Современное законодательство России о местном самоуправлении обозначило право муниципальных образований на свою символику – гербов и флагов, которые в новых исторических условиях могли бы стать реальным олицетворением самостоятельности территорий в решении вопросов местного значения в интересах населения. Однако, данное направление государственной и общественной деятельности нуждается в серьезной правовой базе и комплексе организационных мероприятий, которые бы позволили муниципальным символам стать полноценной частью единого геральдического пространства России.

В этой связи не может не волновать роль Геральдической комиссии Чувашской Республики в решении указанных вопросов. Ее работа, несмотря на республиканский статус, не отражена на сайте Минкультуры Чувашии, которое обеспечивает деятельность комиссии.^[56] Из-за этого неясно, проводит ли она соответствующую экспертизу, согласовываются ли с ней действия по получению заключений из Герольдии при Президенте Российской Федерации, имеются ли для этого соответствующие организационные механизмы, например, в виде административного регламента или других документов. К сожалению, имеющаяся на Портале государственных услуг Чувашской Республики ссылка на прием заявлений и документов, консультирование заинтересованных лиц для получения разрешений на право воспроизведения и использования государственных символов Чувашской Республики, геральдических эмблем и знаков отличия, наименований «Чăваш Республики», «Чувашская Республика» также не содержит никакой информации.^[57] Да и сама формулировка услуги формально не предполагает осуществление указанной выше деятельности.

Практически никак не артикулирована позиция Совета муниципальных образований Чувашской Республики в вопросах создания системы муниципальных символов. Возможно, есть необходимость провести и парламентские слушания по этим проблемам в Чувашии. Их кажущаяся «второстепенность», как представляется, отнюдь не очевидна!

Первостепенная же задача в области создания современной системы муниципальной символики в Чувашии на данном этапе – органично вписаться в общероссийский и мировой геральдиче-

ский контекст. Альтернативы этому пути не существует, так как геральдика, кроме прочих составляющих, это еще и универсальный язык глобальной коммуникации. Предлагать взамен ему псевдогеральдическую «тарабарщину», понятную лишь ее авторам, – задача бесполезная и бесперспективная.

Как показывает опыт, гербы и флаги городских и сельских поселений, муниципальных районов не могут быть плодом чьей-либо личной фантазии, вкусов или пристрастий. Основой работы над ними должно стать объединение усилий историков, юристов, архивистов, краеведов, представителей местной общест-венности, художников-геральдистов и всех, кому не безразлично не только прошлое, но и будущее отдельного поселения или района.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2015 г. Чувашская Республика отмечает свое 95-летие, но уже сегодня она живет ожиданием одного из главных событий своей истории XXI века – 100-летия государственности чувашского народа.

В преддверии предстоящего празднования особенно важно обратиться к тем страницам истории края, которые пока еще ждут своего глубокого научного осмысления. Данная книга – первая попытка комплексного исследования проблем, связанных с созданием и функционированием геральдической системы Чувашии.

Не претендуя на полноту охвата всех аспектов этой большой и сложной, а в ряде случаев и деликатной темы, автор попытался проследить на примере конкретного региона, как одна символическая реальность сменялась другой, как смена эпох определяла акценты в репрезентации власти с помощью геральдических символов, а также выявить роль последних не только в легитимационных процессах, но и в повседневной жизни социума.

Специфика темы исследования обусловила необходимость ее изучения с позиций особого дискурса истории, включающего такие его элементы, как излагаемые события, их участники, перформативная информация, а также «не-события», то есть: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценки участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями.^[1] Такой подход, как представляется, позволил несколько шире взглянуть даже на те явления, которые уже получили интерпретацию в научной литературе.

Все основные выводы, сделанные в ходе данного исследования, содержатся в соответствующих разделах книги. Автор будет считать свою миссию выполненной, если затронутые в монографии проблемы становления, развития и современного функционирования геральдической системы Чувашии привлекут внимание специалистов, представляющих различные сферы научного знания. Их решение требует объединения усилий работающих в данном направлении историков, политологов, правоведов, культурологов, искусствоведов, геральдистов, представителей других наук.

Кроме того, не менее актуальным представляется и привлечение внимания к ним со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, в компетенции которых

находится решение вопросов, связанных с развитием государственной и муниципальной символики в республике.

В свое время, предваряя курс лекций по русской истории, В.О. Ключевский весьма точно охарактеризовал смысл и содержание исторического процесса: «Сменялись народы и поколения, перемещались сцены исторической жизни, изменялись порядки общежития, но нить исторического развития не прерывалась, народы и поколения звеньями смыкались в непрерывную цепь, цивилизации чередовались последовательно, как народы и поколения, рождаясь одна из другой и порождая третью, постепенно накапливаясь известный культурный запас, и то, что отложилось и уцелело от этого многовекового запаса, — это дошло до нас и вошло в состав нашего существования, а через нас перейдёт к тем, кто придёт нам на смену».^[2]

В этих словах не только суть истории в ее чистом виде. В более широком смысле они о величайшей ответственности ныне живущих перед прошлыми поколениями — за сохранение их наследия и перед грядущими — за то, что будет оставлено им.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- [1] **Лосев, А. Ф.** Диалектика символа и его познавательное значение / А. Ф. Лосев // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Вып. 3. Том XXXI. – 1972. – Май–июнь. – С. 229.
- [2] **Турен, А.** Социальные изменения двадцатого столетия / А. Турен // Социологическое обозрение. – 2002. – Том 2. – № 4. – С. 51.
- [3] **Философия:** Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
- [4] **Ефимов, П. И.** Становление и развитие территориальной символики в Марийском крае :XVIII – начало XXI вв. : Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / П. И. Ефимов. – Казань, 2006. **Тунник, Г. А.** Современная российская геральдика как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства: историко-политологический анализ. Монография / Научн. ред. К. И. Калинина, А. Ф. Дашдамиров. М., 2007; **Тунник, Г. А.** Современная российская геральдика в условиях политической модернизации / Г. А. Тунник. – М.: Полиграфист и издатель, 2008. – 447 с.; **Тунник, Г. А.** Современная российская геральдика как фактор отражения специфики Российского государства: историко-политологический анализ : Автореферат дис. ... доктора политических наук / Г. А. Тунник. – Москва, 2008. 53 с.; **Закутнов, О. И.** Становление и развитие современной геральдической системы в конце XX – начале XXI вв. : на материале Нижнего Поволжья : Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / О. И. Закутнов. – Астрахань, 2009. – 18 с.; **Нужин, К. В.** Конституционно-правовое регулирование государственной символики в субъектах Российской Федерации : Автореферат дис. ... кандидата юридических наук / К. В. Нужин. – Саранск, 2009. – 23 с.
- [5] **Пашков, П. Н.** Гербы и флаги Карелии / П. Н. Пашков. – Петрозаводск, 1994; **Сапрыков, В.** Символы Республики Мордовия / В. Сапрыков // Наука и жизнь. 1995. № 11. С. 25 – 29; **Завальный, А. Н.** Государственные символы Самарской области / А. Н. Завальный, В. Н. Зинченко, В. С. Мокрый. – Самара, 1999; **Ворончихин, А. Ф.** Государственная и муниципальная символика Удмуртской республики: история разработки и перспективы развития / А. Ф. Ворончихин // Геральдика в прошлом, настоящем и будущем. Материалы конференции к 20-летию Геральдического семинара при Государственном Эрмитаже / Под ред. Г. В. Вилинбахова, В. М. Файбисовича. СПб., 2000. С. 9–13; **Ефимов, П. И.** Эволюция территориальной геральдики Марийского края / П. И. Ефимов // Вестник Поморского университета. 2006. № 3.
- [6] **Ткаченко, В. Г.** Государственные символы Чувашской Республики / В. Г. Ткаченко // Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2006. – Т. 1 : А–Е. – С. 444–445; **Ткаченко, В.** Из истории создания государственных символов Чувашской Республики / В. Ткаченко // XXI – Двадцать один. – 2006. – № 1. – С. 10–12; **Щербаков, С. В.** Из истории первых государственных символов чувашского народа // КИЛ. 2008. № 3. С. 148–151; **Ткаченко, В. Г., Шипунова, Г. Н.** Гербы и флаги: традиция и современность / В. Г. Ткаченко // Гербы и флаги современной Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. – С. 5–26; **Ткаченко, В. Г.** Государственные символы Чувашской Республики: к истории создания / В. Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2013. – № 5. – С. 5–25; **Ткаченко, В. Г.** Потестар-

- ные символы Волжско-Камской Болгарии (по данным письменных и археологических источников) / В. Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2014. – № 1 (7). – С.15–32.
- [7] **Щербаков, С. В.** Государственные символы Чувашской Республики: история создания, проекты, документы и материалы / С.В. Щербаков. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2014. – 94 с.
- [8] **Геральдические символы Ямала** в законах, решениях, постановлениях и распоряжениях / Составитель В. И. Степанченко. – Салехард: 2001. – 160 с.; **Лавренов, В. И.** Геральдика Селигерского края. История и современность / В. И. Лавренов Тверь: Изд-во А. Ушаков и Ко, 2003. – 47 с.; **Шпунтов, А. В.** Гербы, эмблемы и символы Стародубья / А. В. Шпунтов – Тверь, 2003. – 61 с.; **Моченов, К. Ф.** и др. Официальные символы Челябинской области и муниципальных образований. / К. Ф. Моченов, Г. А. Туник – М.: ИПЦ "Русский рапирет", 2004. – 296 с.; **Официальная символика Кубани** // Известия геральдической комиссии при главе администрации Краснодарского края. Выпуск 1. – М.: «Гербы и флаги», 2006. – 96 с.; **Грефенштейн, А. К.** Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований / А. К. Грефенштейн, В. К. Кондюрин, Е. Ю. Рукосуев – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 400 с.; **Гербовник Костромской области.** Региональная и муниципальная символика / Составители: В. А. Неймарк, И. А. Хлебникова – Кострома: Редакционно-издательский отдел Костромской областной думы, 2008. – 120 с.; **Мочёнов, К. Ф.** и др. Липецкая область. Геральдика. История. Современность / К. Ф. Мочёнов, Ю. В. Коржик – М.: «Регионсервис», 2009. – 208 с.; **Корников, А. А.** Геральдика Ивановского края / А. А. Корников. – Иваново: Изд. Ивановского государственного университета, 2010, 128 с.; **Мочёнов, К. Ф.** и др. Официальные символы муниципальных образований Красноярского края / К. Ф. Мочёнов, Ю. В. Коржик, В. Б. Дюков. – М.: «Гербы и флаги», 2011. – 168 с.; **Кошелев, А. В.** и др. Официальные символы Новосибирской области и муниципальных образований, входящих в ее состав / А. В. Кошелев, А. Ю. Журавков – Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2012. – 300 с.; **Официальные символы Ямало-Ненецкого автономного округа** / Г.В. Калашников (ред.) – Салехард: Издательство Баско, 2012. – 296 с.; **Хайрутдинов, Р. Р.** и др. Геральдическое наследие Республики Татарстан / Р. Р. Хайрутдинов, Р. Р. Салихов, И. Р. Миннуллин, Г. М. Бушканец, И. Л. Измайлов, К. Ф. Мочёнов – М.: «Регионсервис», 2012. – 328 с. и др.
- [9] **Вилинбахов, Г. В.** Государственная геральдика в России: теория и практика : Дисс. в виде науч. докл. ... д-ра ист. наук / Г. В. Вилинбахов – СПб., 2003 – 105 с.; **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Н. А. Соболева – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – 488 с.; **Туник, Г. А.** Современная российская геральдика как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства: историко-политологический анализ. Монография / Научн. ред. К. И. Калинина, А. Ф. Дашдамиров. М., 2007; **Туник, Г. А.** Современная российская геральдика в условиях политической модернизации / Г. А. Туник. – М. : Полиграфист и издатель, 2008. – 447 с.; **Туник, Г. А.** Современная российская геральдика как фактор отражения специфики российского государства: историко-политологический анализ : Автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Г. А. Туник. – М., 2008. – 53 с.

- [10] **Кузьмин, М. А.** Правовой статус официальных символов муниципальных образований / М.А. Кузьмин // Вестник Чебоксарского кооперативного института : научно-теоретический журнал. – 2008. – № 2 (2). – С.140–144; **Ткаченко, В. Г.** Муниципальные символы в Чувашской Республике: истоки и современность / В.Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2014. – № 1 (6). – С.4–33.
- [11] **Ткаченко, В. Г., Шипунова, Г. Н.** Гербы и флаги: традиция и современность / В.Г. Ткаченко, Г.Н. Шипунова // Гербы и флаги современной Чувашии. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2013. – С.5–26.

Глава 1. От родового туга до символов государственности

1.1. Символы власти в Волжско-Камской Болгарии

- [1] **Ковачев, А.Н.** Символы власти и их интерпретация в различных культурных контекстах / А.Н. Ковачев // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I / Ред.: Д.М. Бондаренко. – М.: ЦПРИ РАН, 2005. – С.29.
- [2] **Багаутдинов, А. В.** и др. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья) / А. В. Багаутдинов, Р. С. Богачёв, С. Э. Зубов – Самара, 1998. – С. 168.
- [3] **Чуваши:** этническая история и традиционная культура / Авторы-сост.: В. П. Иванов, В. В. Николаев, В. Д. Димитриев. – М.: Издательство ДИК, 2000. – С. 20.
- [4] **Гаркави, А. Я.** Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в. по Р.Х.) / А.Я. Гаркави. – СПб.: Типография импер. Акад. наук, 1870. – С.91, 263; Знаменитые люди о Казанском крае. – Казань, 1990. – С. 8–12; **Ковалевский, А. П.** Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы, комментарии / А. П. Ковалевский. – Харьков: Издательство Харьковского госуниверситета, 1956. – С. 119–148; **Татищев, В. Н.** История Российская в 7 т. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1962–1968. – Т. 3. – С. 128; **Валеев, Р. М.** Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань: Издательство «Фест», 1995. – С. 39, 75.
- [5] **Повесть временных лет.** – М.–Л., 1950. – С. 59–60, 257–358; **Мартынов, С.** «Договор» Владимира с волжскими болгарами 1006 г. // Историк-марксист. – 1941. – № 2. – С. 116–117; **Греков, Б. Д.** Волжские болгары в IX – X вв. / Б.Д. Греков // Избранные труды. – Т. 2. – М.: 1959. – С.525–526; **Татищев, В. Н.** История Российская ... – Т. 2. – С. 69; ПСРЛ. – Т. 15. – С.330–332; **Татищев, В. Н.** История Российская ... – Т. 3. – С. 225.
- [6] **Гагин, И. А.** Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии (X – первая треть XIII вв.) / И. А. Гагин. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.i-gagin.ru/razdel_art-6.html
- [7] **Ковалевский, А. П.** Книга Ахмеда Ибн-Фадлана ... С. 121.
- [8] **История Европы. Т. 2.** Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. – С. 473.
- [9] Там же. С. 474, 473.
- [10] **Санников, С. В.** Образы королевской власти эпохи великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Монография. / С. В. Санников. – Новосибирск, 2011. – С. 59.
- [11] Подробнее о транскрипции имени и титула болгарского царя см.: **Фахрутдинов, Р. Г.** Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии / Р. Г. Фахрутдинов // Советская тюркология. – 1979. – № 2 (март–апрель). – С. 63–71.

- [12] **Ковалевский, А. П.** Книга Ахмеда Ибн-Фадлана ... С. 132.
- [13] Там же. С. 133.
- [14] **Янина, С. А.** Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X века / С. А. Янина // МИА. – 1962. – Т. 111. – С. 197.
- [15] **Ковалевский, А. П.** Книга Ахмеда Ибн-Фадлана ... С. 136.
- [16] Там же. С. 136–137.
- [17] Там же. С. 132.
- [18] Там же. С. 131.
- [19] Там же. С. 132.
- [20] Там же. С. 140.
- [21] Там же. С. 137.
- [22] **Бартольд, В. В.** Историко-географический обзор Ирана / В. В. Бартольд // Работы по исторической географии и истории Ирана. – М.: Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН, 2003. – С. 212.
- [23] **Караулов, Н. А.** Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане / Н. А. Караулов [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/Karaulov/frametext7.htm> (дата обращения: 01.02.2014), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [24] **Гантцхорн, Ф.** Восточный ковер (фрагменты книги) / Ф. Гантцхорн // Анив. Армянский журнал. – 2012. – № 6 (45). – С. 53.
- [25] **Ковалевский, А. П.** Книга Ахмеда Ибн-Фадлана ... С. 131.
- [26] Там же. С. 19.
- [27] Там же. С. 37.
- [28] **Николаев, Н. Г.** Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии : Великокняжеский и царский периоды / Николаев Н. Г., Ген. штаба полк.-к. – СПб.: Гл. интендант. упр., 1898. – С. 9.
- [29] **Рабинович, М. Г.** Военная сигнализация и связь по данным археологии и этнографии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 3. М.–Л., 1947. – С. 74–78; **Снесарев, Г. П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма / Г. П. Снесарев. – М.: Наука. 1969. – 336 с.; **Дмитриев, С. В.** Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии (некоторые вопросы терминологии и морфологии) // Para Bellum. – № 14 – 2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.parabellum.vzma.kh.ru/n14_s4.shtml (дата обращения: 10.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус. ; **Советова, О. С., Мухарева, А. Н.** Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) / О. С. Советова, А. Н. Мухарева // Археология Южной Сибири. Вып. 23. [Сб. к 60-летию В.В.Боброва.] Кемерово: 2005. С. 92–105; **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения (к вопросу о функциях и символизме тут) / Н. С. Терлецкий // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2: [сборник] / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Р.Р. Рахимов, М. Е. Резван]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – С. 112–149.
- [30] **Рабинович, М. Г.** Военная сигнализация и связь ... С. 77.
- [31] **Рабинович М. Г.** Древние русские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах / М. Г. Рабинович // Новое в археологии. М., 1972. С. 176.
- [32] **Дмитриев, С. В.** Указ, соч // Para Bellum. – № 14. – 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.parabellum.vzma.kh.ru/n14_s4.shtml

- [33] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 116.
- [34] Там же. С. 116.
- [35] **Радлов, В. В.** Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. – СПб., 1903. Т. 3. Вып. 17. – С. 1425; **Древнетюркский словарь** / под ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов и др. – Л., 1969. – С. 584; **Уйгуро-русский словарь** / сост. Э. Н. Наджип; ред. Т. Р. Рахимов. – М., 1968. – С. 335; **Вербицкий В.** Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / В. Вербицкий. – Казань, 1884. – С. 370; **Скрынникова, Т. Д.** Представления о харизме и культ Чингисхана у монголов / Т. Д. Скрынникова // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1995. Вып. 15. – С. 152.
- [36] **Clauson, Gerard.** An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. P. 464; **Владимирцев, Б. Я.** Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика / Б. Я. Владимирцев – М., 1989. 2-е изд. – С. 59; **Малов, С. Е.** Памятники древнетюркской письменности / С. Е. Малов – М.; Л., 1951. – С. 433; **Рясянен, М.** Материалы по исторической фонетике тюркских языков / М. Рясянен – М., 1955. – С. 103; **Шерваншидзе, И. Н.** Фрагменты общетюркской лексики. Заимствованный фонд / И. Н. Шерваншидзе // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 68–69.
- [37] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 115–116.
- [38] **Древнетюркский словарь** / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – С. 584.
- [39] **Василевич, Г. М.** Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков / Г. М. Василевич // Собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XVII. М.–Л., 1957. – С. 155–156. См. также: Эвенкийско-русский словарь : около 25000 слов / Г. М. Василевич – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – С. 404; **Василевич, Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки / Г. М. Василевич Л.: Издательство Наука, 1969. – С. 213.
- [40] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые аспекты почитания деревьев у оседлого населения Центральной Азии / Н. С. Терлецкий // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. III. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 90.
- [41] **Кубарев, В. Д.** Древнетюркские изваяния Алтая / В. Д. Кубарев – Новосибирск: Наука, 1984. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.altaiinter.info/project/culture/Geography/Culture%20of%20Turks/Graven%20Images/izvo8.htm> (дата обращения: 10.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [42] **Войтов, В. Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культовопоминальных памятниках Монголии V–VIII вв. / В. Е. Войтов – М.: Гос. музей народов Востока, 1996. – С. 74–75, 116–117.
- [43] **Rachewiltz, Igor de.** Introduction to Altaic philology: Turkic, Mongolian, Manchu / by Igor de Rachewiltz and Volker Rybatzki; with the collaboration of Hung Chin-fu. p. cm. – (Handbook of Oriental Studies = Handbuch der Orientalistik. Section 8, Central Asia; 20). – Leiden; Boston, 2010. – P. 7; **Дыбо, А. В.** Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков / А. В. Дыбо – М.: Академия, 2004. – С. 766.
- [44] **Чувашско-русский словарь** : около 40000 слов / Андреев И. А., Горшков А. Е., Иванов А. И. и др. Под ред.: М. И. Сковцова. – М.: Рус. яз., 1982. – С. 495–496.

- [45] **Дмитриев, С. В.** Указ. соч. // Para Bellum. – № 14. – 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.parabellum.vzmaKh.ru/n14_s4.shtml
- [46] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 119–120.
- [47] **Дмитриев, С. В.** Указ. соч. // Para Bellum. – № 14. – 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.parabellum.vzmaKh.ru/n14_s4.shtml
- [48] **Советова, О. С., Мухарева, А. Н.** Об использовании знамён в военном деле средневековых кочевников ... С. 94–96.
- [49] **Дмитриев, С. В.** Указ. соч. // Para Bellum. – № 14. – 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.parabellum.vzmaKh.ru/n14_s4.shtml
- [50] **Окладников, А. П.** Конь и знамя на Ленских писаницах / А. П. Окладников // Тюркологический сборник. Т. I. – М.–Л., 1951. – С. 148.
- [51] **Дмитриев, С. В.** Указ. соч. // Para Bellum. – № 14. – 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.parabellum.vzmaKh.ru/n14_s4.shtml
- [52] Там же.
- [53] Там же.
- [54] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 116.
- [55] **Советова, О. С., Мухарева, А. Н.** Об использовании знамён в военном деле средневековых кочевников ... С. 96–103.
- [56] **Бичурин Н. Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – Т. 1. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 220–221.
- [57] Там же. С. 311.
- [58] Там же. С. 229.
- [59] **Кляшторный, С. Г.** Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 149.
- [60] **Багаутдинов, Р. С.** и др. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья) / Р. С. Багаутдинов, А. В. Богачев, С. Э. Зубов. – Самара, 1998. – С. 187.
- [61] Там же. С. 109.
- [62] Там же. С. 108–109.
- [63] **Комар, А. В.** К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов / А. В. Комар // Труды по археологии : Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А. В. Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 11.
- [64] Там же. С. 23.
- [65] Там же. С. 30.
- [66] Там же. С. 26.
- [67] Там же. С. 28.
- [68] Там же. С. 39.
- [69] **Рабинович, М. Г.** Древнерусские знамена (X–XV) по изображениям на миниатюрах / М. Г. Рабинович [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/rabin_drevnznam.php
- [70] Там же.
- [71] **Радзивилловская летопись** [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=432#sel> (дата обращения: 11.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [72] **Радзивилловская летопись** [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=147#sel> ; <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=310#sel> ; <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=310#sel>

- letopis.ru/index.php?id=312#sel ; <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=315#sel> ; <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=400#sel> ; <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=405#sel> и др. (дата обращения: 11.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [73] **Арциховский, А. В.** Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. М., 1944. – С. 4.
- [74] **Мартынюк, А. В.** Древнерусская миниатюра как исторический источник / А. В. Мартынюк // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. – Мн: БГУ, 2004. – С. 106.
- [75] **Давлетшин, Г.** Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление и развитие) / Г. Давлетшин – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – С. 45.
- [76] **Корни наши едины:** из сокровищницы тюркских литератур. – Казань: Магариф – Вақыт, 2014. – С.23.
- [77] **Галиуллина, Г. Р.** Тюркские традиции в антропонимическом пространстве современных тюркских народов / Г.Р. Галиуллина // Түркологиялык зерттеулер. Жауапты редакторы Сагидолда Г. – Астана, «Сарыарка» баспа үйі, 2012. – С. 83–84; [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.turkacadem.kz/books/turkissled/files/assets/basic-html/page83.html> ; <http://www.turkacadem.kz/books/turkissled/files/assets/basic-html/page84.html> (дата обращения: 11.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [78] **Чувашско-русский словарь ...** С.346.
- [79] **Кляшторный, С. Г.** Степные империи древней Евразии ... – С. 141.
- [80] **Корни наши едины ...** С.23.
- [81] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 116.
- [82] **Бойко, К. А.** Хадис / К. А. Бойко // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. – М. : Наука, 1991. – С. 262–263.
- [83] **Акунов, В. В.** Было ли «знамя пророка» зеленым? / В. В. Акунов [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.imha.ru/1144536520-bylo-li-znamya-islama-zelenym.html#.U73OXpR_vSk (дата обращения: 18.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [84] **Абу Усман Амр ибн Бахр аль-Джахиз.** Послание ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Jahiz/frametext.htm> (дата обращения: 23.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [85] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 112.
- [86] Там же. С. 143.
- [87] **Кубарев, В. Д.** Указ. соч. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.altaiinter.info/project/culture/Geography/Culture%20of%20Turks/Graven%20Images/izvo8.htm> (дата обращения: 10.09.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [88] **Димитриев, В. Д.** Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века / В. Д. Димитриев // Вопросы археологии и истории Чувашии. – Чебоксары, 1960. – С.281, 300.

- [89] **История Агван Моисея Каганкатваца**, писателя X века / пер. с арм. К.Патканяна. – СПб., 1861. – С.193.
- [90] **Димитриев, В. Д.** Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. статей. / В.Д. Димитриев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С.113.
- [91] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 113–114.
- [92] Там же. С. 123, 134.
- [93] **Чувашско-русский словарь** ... С. 229. Д. Мессарош указывает на то, что слово масар (кладбище) было заимствовано чувашами из мусульманской религиозной терминологии. Подробнее см.: **Мессарош, Д.** Памятники старой чувашской веры. Пер. с венг. / Д. Мессарош [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://gov.sar.ru/hierarchy_sar.asp?page=,86/3743/3437/3695 (дата обращения: 09.10.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [94] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения ... С. 121.
- [95] **Снимки древних русских печатей** государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. – М.: издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел, 1882. – С.18; РГАДА. Ф.135. Оп. 1. Отд. 5. Рубр. III. № 7. Л. 60.
- [96] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов / Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1985. – С.27–28.
- [97] Там же. С.28–29.
- [98] **Арциховский, А. В.** Древнерусские областные гербы / А. В. Арциховский // Ученые записки МГУ. Вып. 93. – История. – Кн. 1. – М., 1946. – С. 43–66; **Халиков, А. Х.** Маклашеевская всадница / А. Х. Халиков // Советская археология. – 1971. – № 1. – С. 106–117; **Халиков, А. Х.** Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах / А. Х. Халиков // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 5–20; **Давлетшин, Г. М.** Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). / Г. М. Давлетшин – Казань, 2004. – С. 59–68; **Баранов, В. С.** О геральдическом изображении барса из Болгар / В. С. Баранов // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 126–130.
- [99] **Измайлов, И.** «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен...». Символы болгарской государственности (X – первая треть XIII в.) / И. Измайлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg/numbers/2009_2/02/01/ (дата обращения: 14.07.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [100] **Фаизов, С. Ф.** Казанский «дракон»: происхождение, морфологические и функционально-смысловые метаморфозы / С. Ф. Фаизов // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 3. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С.177.
- [101] Там же. С.181–182.
- [102] **Соболева, Н. А.** Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. / Н.А. Соболева. – М.: Издательство «Наука», 1981. – С.167.
- [103] Там же. С.163–165.
- [104] Там же. С.165.

- [105] **Мордвинова, А. И.** Введенкий собор города Чебоксары / А.И. Мордвинова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С.68.
- [106] **Арциховский, А. В.** Древнерусские областные гербы / А. В. Арциховский // Ученые записки МГУ. Вып. 93. История. Кн. 1. Москва. Изд-во МГУ, 1946. – С.46.
- [107] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Соболева Н.А. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – С.441.
- [108] **Фаизов, С. Ф.** Казанский «дракон» ... С.177.
- [109] **Тройницкий, С. Н.** О гербе смоленском / С. Н. Тройницкий / Известия РАИМК. – Т. 1. – Пг.: Государственное издательство, 1921. – С.351.
- [110] **Соболева, Н. А.** Российская городская и областная геральдика ... С.200.
- [111] РГИА Ф.1411 Оп.1 Д.8. Л.14.
- [112] **Соболева Н. А.** О датировке большой государственной печати Ивана IV // Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Н. А. Соболева – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – С.161.
- [113] **Халиков, А. Х.** Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 5–20; **Кочкина, А. Ф.** Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С. 75–80; **Трофимов, А. А.** Древнечувашская руническая письменность. – Чебоксары, 1993. – 52 с.; **Баранов, В. С.** О геральдическом изображении барса из Болгар // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 126–130 и др.
- [114] **Измайлов, И.** Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg/numbers/2009_2/02/01/ (дата обращения: 14.07.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [115] **Рогачев, В. И.** Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокиши) / В.И.Рогачев. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2003. – С.52.
- [116] **Жирмунский, В. М.** Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. Л.: Наука, 1974. – С.525.
- [117] **Соловьев, Е. Т.** Знаки собственности в России. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Археологический очерк. – Казань: Типография Губернского Правления, 1885.
- [118] **Каховский, В. Ф.** Происхождение чувашского народа. – 3-е изд., перераб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. – С.45.
- [119] Там же.
- [120] **Измайлов, И.** Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg/numbers/2009_2/02/01/ (дата обращения: 14.07.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [121] **Ольховский, В. С.** Тамга (к функции знака) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kroraia.com/alan/olhovskij.html>
- [122] Там же.
- [123] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики ... С.74.
- [124] **Мухаметшин, Р. М., Мухамадеев, А. Р.** История развития мусульманского права среди волжских болгар / Р. М. Мухаметшин, А. Р. Мухамадеев // Научный Татарстан. – 2013. – № 3. – С. С.47–48.
- [125] Там же. С.48.

- [126] **Авакова Р. А., Бектемирова С. Б.** Отражение образа собаки в тюркских и славянских языках / Р.А. Авакова, С.Б. Бектемирова // Вестник РГГУ. Ежемесячный научный журнал. Серия «Востоковедение. Африканистика». – 2009. – № 8/09. – С.41.
- [127] **Ковачев, А. Н.** Символы власти и их интерпретация в различных культурных контекстах /А.Н. Ковачев // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I / Ред.: Д.М. Бондаренко. – М.: ЦЦРИ РАН, 2005. – С.41.
- [128] **Рабинович, М. Г.** Древние русские знамена (X–XV вв.) ... С.171.
- [129] **Терлецкий, Н. С.** Некоторые аспекты почитания деревьев ... – С.79.
- [130] **Мессарош, Д.** Указ. соч. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://gov.cap.ru/hierarchy_cap.asp?page=, /86/3743/3437/3695 (дата обращения: 09.10.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [131] **Димитриев, В. Д.** Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. статей. / В.Д. Димитриев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – С.76.
- [132] Там же. С.95.
- [133] **История Европы.** Т.2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. – С.477.
- [134] **Димитриев, В. Д.** Вопросы этногенеза ... С.106.
- [135] **Димитриев, В. Д.** История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773–1775 годов) / В.Д. Димитриев – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1959. – С.35 – 36.
- [136] **Волков, Г. Н.** Этнопедагогика : Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г. Н. Волков. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: Издательским центр «Академия», 2000. – С. 98.
- [137] **Волков, Г. Н.** Чувашская этнопедагогика / Г. Н. Волков ; [предисл. Т. Н. Петровой ; послесл. Н. Т. Саврукова]. – Изд. 3-е, доп. – Чебоксары : Фонд И. Я. Яковлева : Чебоксар. ин-т экономики и менеджмента СПбПУ, 2004. – С. 357.
- [138] **Димитриев, В. Д.** Вопросы этногенеза ... С.165.
- [139] **Палас, П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Часть I. – СПб: Императорская Академия Наук, 1773. – С.135–136.
- [140] **Миллер, Г.-Ф.** Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках, сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии Наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции. – Санкт-Петербург: Изданием Императорской Академии Наук, 1791. – С.21.
- [141] **Русские писатели о чувашах:** Сб. произведений / Сост. и авт. вступ. статьи Ф. Е. Уяр; авт. комментариев Г. И. Федоров; авт. послесловия В.Г. Родионов. – Изд. 2-е, доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 375–376.

1.2. Создание и развитие государственных символов Чувашии в советский период

- [1] **Faryno J.** Эмблемы СССР // Ibid. S.269. (Цит. по: **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Соболева Н.А. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – С.242.)
- [2] **Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским съездом**, состоявшемся в г. Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. – Симбирск: Типолитография губернского исполнительного комитета, 1917. – С.14.
- [3] Там же.
- [4] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р–499. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.
- [5] Там же. Л. 45.
- [6] Там же. Л. 45 об.
- [7] Там же. Л. 47 об.
- [8] Там же. Ф. Р–501. Оп. 1. Д. 3. Д. 74–74 об.
- [9] Там же. Ф. Р–499. Оп. 1. Д. 24. Л. 47 об.
- [10] Там же Л. 47.
- [11] Там же. Л. 62 об.
- [12] Там же. Д. 9. Л. 31.
- [13] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики ... – С.237.
- [14] **Романова, Ф. А.** Театр, любимый народом / Ф. А. Романова – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1988. – С.7–9.
- [15] ГИА Чувашской Республики Ф. Р–499. Оп. 1. Д. 91. Л. 63.
- [16] **Нестеров, В.А.** Населенные пункты Чувашской АССР / В. А. Нестеров– Чебоксары, 1981. – С.28.
- [17] ГИА Чувашской Республики Ф. Р–202. Оп.6. Д.6. Л.552 об.
- [18] Там же. Л.738.
- [19] Там же. Ф. Р–333. Оп. 1. Д. 3. Л. 165.
- [20] ГАСИ Чувашской Республики. Ф.П-1. Оп. 6. Д. 11. Л.93.
- [21] **Русские писатели о чувашах** : Сб. произведений / Сост. и авт. вступ. статьи Ф.Е. Уяр; авт. комментарии Г.И. Федоров; авт. послесловия В.Г. Родионов. – Изд. 2-е, доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С.213.
- [22] ГИА Чувашской Республики Ф. Р–125. Оп.1. Д.3. Л.69 об.
- [23] Там же. Ф. Р–123. Оп.1. Д.7. Л.37 об.
- [24] **Чувашский Национальный музей** // Известия облисполкома и областного РКП АЧО. – № 7. – 1921, 18 февраля. – С.2.
- [25] **Отчет** о деятельности общества изучения местного края Чувашской автономной области за 1921–1923 годы. – Чебоксары: Об-во изучения местного края, 1921. – С.4–5.
- [26] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р–125. – Оп.2. – Д.96. – Л.39.
- [27] **Научная экспедиция** // Известия облисполкома и областкома РКП АЧО. – № 46. – 1921, 23 октября. – С.2.
- [28] ГИА Чувашской Республики Ф. Р–333. Оп.1. Д.3. Л.75–79 об.
- [29] Там же. Л.85–86 об.
- [30] Там же. Д.4. Л.289–289 об.
- [31] Там же. Д.3. Л.151.
- [32] Л.160–161 об.
- [33] Там же. Л.178.
- [34] Там же. Ф. Р–202. Оп.1. Д. 213. Л.70; Д.231. Л.4–4 об.
- [35] **Денисов, П. В.** Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей / П. В. Денисов. – Чебоксары, 1969. – С. 10.
- [36] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р–202. Оп. 6. Д. 32. Л. 18.
- [37] Там же. Оп. 1. Д. 200. Л. 21.

- [38] Там же. Оп. 6. Д. 33. Л. 214.
- [39] Там же. Оп. 1. Д. 213. Л. 9 об.
- [40] **Советский знак**. Каталог. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.sovietznak.ru/badge/2247?sphrase_id=38823 (дата обращения: 28.07.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [41] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 199. Л. 7, 15.
- [42] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 213. Л. 15.
- [43] **Отчеты о деятельности Общества изучения местного края** Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики за 1924–1926 годы. – Чебоксары: Общество изучения местного края, 1927. – 33 с.; ГИА Чувашской Республики Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3.
- [44] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 680; Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.
- [45] Там же. Ф. Р- 221. Оп. 1. Д. 207. Л. 20–21.
- [46] Там же. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 213. Л. 15.
- [47] ГАСИ Чувашской Республики. Ф. 2741/1527. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- [48] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 199. Л. 10–10 об.
- [49] Там же. Л. 4.
- [50] ГАСИ Чувашской Республики. Ф. 2741/1527. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.
- [51] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 199. Л. 11–11 об.
- [52] Там же. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 207. Л. 13.
- [53] Аналогичная ситуация сложилась с принятием герба Чебоксар в 1969 г. Подробнее об этом рассказывается в разделе 2.2 «Возрождение традиций городской геральдики в Чувашии и ее развитие в конце 1960-х – начале 1990-х годов» настоящего издания.
- [54] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.
- [55] Там же. Л. 5.
- [56] Там же. Л. 127.
- [57] Там же. Оп. 2. Д. 199. Л. 13.
- [58] Там же. Л. 15–21.
- [59] Там же. Оп. 1. Д. 24. Л. 623.
- [60] Там же. Л. 623.
- [61] Там же. Л. 624.
- [62] Там же. Л. 625.
- [63] Там же.
- [64] **Постановления 2 (7) Всечувашского съезда Советов**. – Чебоксары: Изд. Центрального Исполнительного Комитета ЧАССР, 1927. – С. 68.
- [65] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 24. Л. 625–627.
- [66] Там же.
- [67] Там же.
- [68] Там же.
- [69] Там же. Л. 666.
- [70] Там же. Л. 627.
- [71] Там же. Д. 23. Л. 62 – 62 об.; Д. 200. Л. 99–99 об, 100–100 об., 101–101 об.
- [72] Там же Д. 23. Л. 62 – 62 об.
- [73] Там же. Д. 200. Л. 190–190 об., 191–191 об.
- [74] Там же. Л. 190–190 об.
- [75] Там же Д. 23. Л. 62 – 62 об.
- [76] Там же. Д. 24. Л. 666.
- [77] **Постановления 2 (7) Всечувашского съезда Советов**. – Чебоксары: Изд. Центрального Исполнительного Комитета ЧАССР, 1927. – С. 68.
- [78] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 200. Л. 314, 315, 316.

- [79] См., например: ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 200. Л. 319–319 об.
- [80] **История** Чувашии новейшего времени : [в 2 кн.] / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук ; [И. И. Бойко и др.]. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2001. – Кн. 1 : 1917–1945. / А.В. Изоркин, В.Н. Клементьев, Г.А. Александров. – С.175–176.
- [81] **О борьбе на два фронта** с уклонами в национальном вопросе (Из доклада отв. секретаря ОК ВКП (б) тов. Петрова на объединенном собрании членов и кандидатов ВКП (б) ячейки типографии и республиканского совещания 25-ти тысячников) // Красная Чувашия. – № 267 (1493) – 1930, 18 ноября. – С.2–3.
- [82] Там же. С.3.
- [83] **За ленинскую национальную политику** (Переработанный доклад на XI-й Чувашской Областной Конференции ВЛКСМ 5 декабря 1930 г.) // Красная Чувашия. – № 290. – 1930, 15 декабря. – С.3; № 292. – 1930, 18 декабря. – С.3; № 294. – 1930, 20 декабря. – С.4; № 296. – 1930, 22 декабря. – С.4.
- [84] Там же. № 292. – 1930, 18 декабря. – С.3.
- [85] Там же.
- [86] Там же. № 294. – 1930, 20 декабря. – С.4.
- [87] Там же. № 296. – 1930, 22 декабря. – С.4.
- [88] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 68. Л. 467–471.
- [89] Там же.
- [90] Там же.
- [91] Там же.
- [92] Там же.
- [93] Там же. Л. 468.
- [94] Там же.
- [95] Там же.
- [96] Там же. Л. 468–469.
- [97] Там же. Л. 469.
- [98] Там же.
- [99] Там же. Л. 469–470.
- [100] Там же. Л. 470–471.
- [101] **Русские писатели о чуваших**: Сб. произведений / Сост. и авт. вступ. статьи Ф. Е. Уяр; авт. комментариев Г. И. Федоров; авт. послесловия В.Г. Родионов. – Изд. 2-е, доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 376.
- [102] **Чувашская АССР**. Конституция (Основной закон) Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. – Чебоксары: Партсектор – Чувашиздат, 1937. – С.49–50.
- [103] **Чувашская АССР**. Верховный Совет Чувашской АССР. О дополнении и уточнении статей 44, 111 и 112 Конституции (Основного закона) Чувашской АССР : Закон Чувашской АССР // Третья сессия Верховного Совета Чувашской АССР 10 – 11 июня 1940 г. Стенографический отчет. Приложение: Законы, принятые Третьей сессией Верховного Совета Чувашской АССР. – Чебоксары: Гос. изд-во Чувашской АССР, 1941. – С.120.
- [104] **Вексиллологический справочник по флагам Российской Империи и СССР** /сост. В. А. Соколов. – Т.1 – М.: МГИУ, 2002. – С.399–400.
- [105] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1196. Л. 17–18.
- [106] **Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика**. Верховный Совет РСФСР. О Государственном флаге РСФСР : Закон РСФСР // Заседания Верховного Совета РСФСР 3-го созыва. Пятая сессия (31 мая – 2 июня 1954 г.) – М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1954. – С. 228.
- [107] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1196. Л. 13.

- [108] Там же. Д. 1204. Л. 13.
- [109] Там же. Оп. 6. Д. 290. Л. 32–33.
- [110] Там же. Л. 32.
- [111] Там же. Л. 32–33.
- [112] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. О внесении изменений в Положение о Государственном флаге Чувашской АССР : Указ Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 5 января 1967 г. // Протокол № 34 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР шестого созыва. – Чебоксары, 1967. – С. 7.
- [113] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. О внесении изменений и дополнений в положение о Государственном флаге Чувашской АССР : Указ Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 6 июля 1979 г. // Протокол № 35 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР девятого созыва от 8 августа 1979 г. – Чебоксары, 1979. – С. 23.
- [114] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Положение о Государственном флаге Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики // Протокол № 12 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва 28 мая 1981 г. – Чебоксары, 1981. – С. 103.
- [115] **Чувашская АССР.** Конституция (Основной Закон) Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Принята на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета ЧАССР девятого созыва 31 мая 1978 г. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1978. – С. 60–61.
- [116] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. О Государственном гербе Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики : Указ Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 6 июля 1978 г. // Протокол № 27 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР девятого созыва от 6 июля 1978 г. – Чебоксары, 1978. – С. 3, 14.
- [117] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. О Государственном флаге Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики : Указ Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 26 октября 1978 г. // Протокол № 30 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР девятого созыва от 26 октября 1978 г. – Чебоксары, 1978. – С. 3, 16.
- [118] **Заседания Верховного Совета Чувашской АССР** девятого созыва (девятая сессия) (16 августа 1978 года). Стенографический отчет. – Чебоксары: Издание Верховного Совета Чувашской АССР, 1979. – С. 112–114.
- [119] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Положение о Государственном гербе Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики // Протокол № 12 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва 28 мая 1981 г. – Чебоксары, 1981. – С. 101–102.
- [120] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Положение о Государственном флаге Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики // Протокол № 12 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва 28 мая 1981 г. – Чебоксары, 1981. – С. 103–104.
- [121] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Положение о Государственном гербе Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики // Протокол № 12 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва 28 мая 1981 г. – Чебоксары, 1981. – С. 101.

[122] **Чувашская АССР.** Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Положение о Государственном флаге Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики // Протокол № 12 заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва 28 мая 1981 г. – Чебоксары, 1981. – С.103.

1.3. Современные государственные символы Чувашской Республики

[1] **Иванов, В., Трофимов, А.** Республике – государственные символы / В. Иванов. – Советская Чувашия. – 1989, 13 сентября. – № 211. – С. 2.

[2] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р–1041. Оп. 6. Д. 2132. Л.1.

[3] Там же. Л.4.

[4] Там же. Д. 2135. Л.8–9.

[5] Там же. Л.8.

[6] Там же.

[7] Там же. Л.9.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] **Конкурс** [Об объявлении конкурса на разработку проектов национально-государственной символики: гимна, герба и флага] // Советская Чувашия. – 1990, 23 августа. – № 194. – С.1.

[13] **Юрьев, Э. М.** Так ли проводятся конкурсы / Э.М. Юрьев. // Советская Чувашия. – 1990, 26 августа. – № 197. – С.2.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] **Чувашская Республика.** Верховный Совет Чувашской ССР. Декларация о государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики; О декларации о государственном суверенитете Чувашской ССР : Закон Чувашской АССР от 24 октября 1990 года // Советская Чувашия. – 1990, 25 октября. – № 246. – С. 1.

[17] **Чувашская Республика.** Верховный Совет Чувашской ССР. Положение о концепции национально-государственной символики Чувашской Советской Республики : Проект // Советская Чувашия. – № 227. – 1990, 2 октября. – С.2.

[18] **Чувашская Республика.** Верховный Совет Чувашской ССР. О концепции национально-государственной символики Чувашской Советской Социалистической Республики : Постановление Верховного Совета Чувашской ССР от 27 октября 1990 г. // Советская Чувашия. – 1990. – 31 октября. – № 251. – С. 2.

[19] **Чувашская Республика.** Верховный Совет Чувашской ССР. О положении об условиях конкурса проектов национально-государственной Герба, Флага и Гимна Чувашской ССР : Постановление Верховного Совета Чувашской ССР от 15 декабря 1990 г. // Советская Чувашия. – 1990. – 26 декабря. – № 296. – С. 2.

[20] **О концепции национально-государственной символики** Чувашской Советской Социалистической Республики // Советская Чувашия. – № 296. – 1990, 26 декабря. – С. 2.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р–1041. Оп. 6. Д. 2190. Л. 116.

[25] Там же. Д. 2008. Л. 5–6.

[26] Там же. Д. 2135. Л.14.

- [27] **Юрьев, Э.** По принципу «нравится – не нравится» / Э. Юрьев // Советская Чувашия. – № 117. – 1991, 14 июня. – С. 3.
- [28] Там же.
- [29] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р–1041. Оп. 6. Д. 2135. Л.15–16.
- [30] Там же. Л.20–21.
- [31] Там же.
- [32] Там же. Л.22.
- [33] Там же. Л.19.
- [34] **О Государственных символах Чувашской ССР** : Проекты // Советская Чувашия. – № 5. – 1992, 9 января. – С.2.
- [35] **Про герб и флаг** // Советская Чувашия. – № 20. – 1992, 30 января. – С. 3.
- [36] Там же.
- [37] Там же.
- [38] **Про герб и флаг** // Советская Чувашия. – № 22. – 1992, 1 февраля. – С. 3.
- [39] **Про герб и флаг** // Советская Чувашия. – № 29. – 1992, 11 февраля. – С. 5.
- [40] **Про герб и флаг** // Советская Чувашия. – № 20. – 1992, 30 января. – С. 3.
- [41] **Про герб и флаг** // Советская Чувашия. – № 22. – 1992, 1 февраля. – С. 3.
- [42] **Винклер, П. П. фон-** Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год / П.П. фон-Винклер. – СПб.: Тип. И. М. Комелова, 1899. – С.3.
- [43] Там же. С.39–42.
- [44] **ГОСТ 6.38-90** «Унифицированные системы документации. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://standartgost.ru/g/ГОСТ_6.38-90 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [45] ГИА Чувашской Республики. Ф. Р–1041. Оп. 6. Д. 2135. Л.15, 16.
- [46] Там же. Л.23.
- [47] Там же. Л.24–25.
- [48] Там же. Л. 26.
- [49] Там же. Д. 2135.
- [50] Там же. Д.2180. Л. 8–64.
- [51] Там же. Д.2135. Л. 8.
- [52] **Денисова-Вовина О. П.** Чувашский киреметь: традиции и символы в освоении сакрального пространства / О. П. Денисова-Вовина // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки. Статьи, очерки, рецензии. – Чебоксары: Новое время, 2008. – С.146.
- [53] **Никитин-Станьял, В.** Проверено душой народа / В. Никитин-Станьял // Советская Чувашия. – № 18. – 1992, 28 января. –С. 3.
- [54] **Цвета и музыка свободы** [Интервью с председателем комиссии Верховного Совета Чувашской ССР А.П. Хузангаем] // Советская Чувашия. – № 38. – 1992, 21 февраля. –С. 3.
- [55] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р–1041. Оп. 6. Д.2134. Л. 9.
- [56] Там же.
- [57] Там же.
- [58] Там же.
- [59] Там же. Л. 17.
- [60] Там же. Л. 18.
- [61] **Чувашская Республика.** Верховный Совет Чувашской Республики. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Чувашской Республики : Закон Чувашской Республики; О Государственном гимне Чуваш-

ской Республики», «О Положении о Государственном гимне Чувашской Республики : постановление Верховного Совета Чувашской Республики; О Положении о Государственном гербе Чувашской Республики : постановление Верховного Совета Чувашской Республики; О Положении о Государственном флаге Чувашской Республики : постановление Верховного Совета Чувашской Республики // Советская Чувашия. – 1992, 22 мая. – № 101. – С.2.

[62] **Из хроники вчерашнего дня** : 8 мая // Советская Чувашия. – 1992, 9 мая. – № 92. – С.1.

[63] **Чувашская Республика**. Государственный Совет Чувашской Республики. О государственных символах Чувашской Республики : Закон Чувашской Республики от 14 июля 1997 г. № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=150010675&backlink=1&&nd=150014448> (дата обращения: 12.04.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

[64] **Чувашская Республика**. Государственный Совет Чувашской Республики. О Дне государственных символов Чувашской Республики : Закон Чувашской Республики от 19 апреля 2004 г. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=49&id=1028653 (дата обращения: 12.04.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

Глава 2. Городская и муниципальная символика Чувашии

2.1. Городская геральдика на территории Чувашии в XVIII – начале XX веков

[1] **Винклер фон, П. П.** Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи : Репринтное воспроизведение издания 1900 г. / П. П. фон Винклер. – М.: Планета, 1990. – 307 с.; **Лакниер, А. Б.** Русская геральдика : Подготовка текста и послесловие Н.А. Соболевой. / А.Б. Лакниер – М.: Книга, 1990. – 432 с.; **Соболева, Н. А.** Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. / Н. А. Соболева. – М.: Наука, 1981. 264 с.; **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов / Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1985. – 176 с.; **Сперансов, Н. Н.** Земельные гербы России XII – XIX вв. / Н.Н. Сперансов. – М.: Советская Россия, 1974. – 200 с.; **Шепелев, Л. Е.** Геральдика России XVIII – начало XX века / Л. Е. Шепелев. – СПб.: Аврора, 2003. – 400 с. и др.

[2] **Россия. Законы и постановления.** Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.V. – № 3380. – С.709, 710.

[3] **Российское законодательство X–XX веков.** В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридит. лит., 1986. – С.164.

[4] **Кизеветтер, А. А.** Местное самоуправление в России / А.А. Кизеветтер. – М., 1910. С. 97, 98.

[5] **Россия. Законы и постановления.** Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.VII. – № 2313. – С.588.

[6] Там же. № 2319. – С.590.

[7] Там же. № 4589. – С.360.

[8] **Татарников, К. В.** Знамена и гербы полков Российской армии царствований Екатерины I и Петра II (1725–1730) / К.В. Татарников // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. I. – С.54.

- [9] Там же. С.54–55.
- [10] Там же. С.55.
- [11] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов ... С.52.
- [12] **Кирилов, И. К.** Цветущее состояние всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая : собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова, из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г. : Книга 2 / И.К. Кирилов – Москва : Унив. тип. , 1831. – С.166.
- [13] **Татарников, К. В.** Указ. соч. С.57–66.
- [14] Там же. С.69–70.
- [15] Там же. С.77.
- [16] Там же. С.81 – 82.
- [17] Там же. С.87.
- [18] **Россия. Законы и постановления.** Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VII. – № 5196. – С.895–896.
- [19] **Татарников, К. В.** Указ. соч. С.98.
- [20] Там же. С.98–99.
- [21] Там же. С.99.
- [22] **Россия. Законы и постановления.** Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VIII. – № 5280. – С.46.
- [23] **Татарников, К. В.** Указ. соч. С.122.
- [24] Там же. С.124.
- [25] Там же. С.125, 128; см. также: РГИА Ф.1411. Оп.1. Д.1. Л.1–3 об.
- [26] РГАДА Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 53. Л. 88 об.
- [27] **Экспонаты** выставки «Любимая Русь и Мордва». К 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства. Описание Саранска в переписной книге городов, подчиненных Приказу Казанского дворца, по описи стольника и воеводы Н. Кудрявцева. 1702 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/exhib_2011_may_31_f/26.shtml (дата обращения: 12.06.2014), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [28] РГАДА Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 53. Л. 56 об., 95.
- [29] **Яковлев, Л.** Русские старинные знамена / Л. Яковлев // Древности Российского государства. Дополнение к III Отделению. – М.: Синодальная типография, 1865. – С.70.
- [30] Там же.
- [31] Там же.
- [32] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 387. Л. 8 об.
- [33] **Россия. Законы и постановления.** Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VII. – № 4552. – С.341.
- [34] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов ... – С.71–72.
- [35] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 387. Л. 8 об.
- [36] РГИА. Ф. 1399. Оп.1. Ед. хр.406.
- [37] **Российское законодательство X–XX веков** в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М.: Юридическая литература. – 1987. – С.167.

- [38] **Россия. Законы и постановления.** Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. - Т. XX. - № 14392. - С.230.
- [39] Там же. Т. XX. - № 15101. - С.1027.
- [40] Там же. Т. XXI. - № 15260. - С.290.
- [41] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов ... С.99–100.
- [42] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики ... С.176.
- [43] **Лохвицкий, А.** Губерния, ее земские и правительственные учреждения / А. Лохвицкий Часть I (издание 2-е, измененное) – С.-Петербург: типография Ивана Бочкарева, 1864. – С.99.
- [44] **Беляев, И.** О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича / И. Беляев – М.: Университетская типография, 1846. – С.7.
- [45] Там же. С.2–3.
- [46] **Масленицкий, Т. Г.** Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев / Т. Г. Масленицкий. – Симбирск, 1785. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kniga.seluk.ru/k-raznoe/840785-1-topograficheskoe-opisanie-simbirskogo-namestnichestva-1780-soderzhanie-predislovie-opisanie-gorodov-simbirsk-seng.php> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [47] **Русское историческое общество.** Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.XXXVI. – СПб, 1882. – С. 235.
- [48] **Шокарев. Ю. В.** История оружия: Луки и арбалеты / Ю. В. Шокарев – М.: АСТ, Астрель, 2001. – С.36.
- [49] **Белевы** путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. яз. М. Попова. – Ч. 1. Путь в Персию и Китай. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1776. – С.14–15.
- [50] НА ЧГИИГН. Архив В.Д. Димитриева. Т.LXXXVI. Л.19 об.
- [51] **Россия. Законы и постановления.** Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. - Т.XLII - № 19315. - С.70.
- [52] **Русское историческое общество.** Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.XXV. – СПб, 1903. – С. 427, 429.
- [53] НА ЧГИИГН. Архив В.Д. Димитриева. Т.LXXXVI. Л.6.
- [54] **Географические известия:** О городе Цивильске и уезде онаго // Казанские известия. – 1815, 22 сентября. – № 76. – С.434.
- [55] **П.Н. Ядрин** // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 41. – С.501.
- [56] **Спасский, Н. А.** Очерки по родоисведению. Казанская губерния. Изд-е 2-е, испр. и доп. / Н.А. Спасский – Казань, 1912. – 376 с.
- [57] НА ЧГИИГН. Отд. I. Ед. хр. 587 (7059). Л.93–93 об.
- [58] **Сутырин, Н.** По родной земле / Н. Сутырин // Русская старина. 1916. – Апрель. – Кн. 4. – С.80.
- [59] **Прохорова, В. А.** Почему город – Ядрин / В.А. Прохорова // Русская речь. – 1987. – № 2. – С.119–124.
- [60] **Полное Собрание Законов Российской Империи :** Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. - XXII. - № 1618[8]. - С.358, 361.

- [61] **Татарников, К. В.** Русская полевая армия (1700—1730) : Обмундирование и снаряжение / К.В. Татарников. – М.: 2008. – С.85 – 86.
- [62] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов ... С.170.
- [63] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики ... С.9.

*2.2. Возрождение традиций городской геральдики в Чувашии
и ее развитие в конце 1960-х – начале 1990-х годов*

- [1] **Гранин, Д.** Пусть у города будет герб / Д. Гранин // Известия. – 1959. – 17 ноября (№ 272). – С.4.
- [2] **Пусть у города будет герб** [Отклики, реплики, предложения читателей газеты] // Известия. – 1959. – 9 декабря (№ 290). – С.4.
- [3] **Земцов, С.** О гербе города / С. Земцов // Декоративное искусство СССР. – 1961. – № 1. – С.4.
- [4] Там же. С.5.
- [5] Там же.
- [6] **Чижов, В.** Рассказывают гербы / В. Чижов, А. Шкурко // Наука и жизнь. – 1965. – № 12. – С.96.
- [7] **Андрюшкявичюс, А.** Новые гербы литовских городов / А. Андрюшкявичюс // Наука и жизнь. – 1970. – № 1. – С.96.
- [8] **Герб Чебоксар.** Каким ему быть? : Навстречу 500-летию нашего города // Советская Чувашия. – 1968, 17 ноября. – № 268. – С.4.
- [9] **276 проектов** герба г. Чебоксар // Советская Чувашия. – 1969, 9 января. – № 7. – С.4.
- [10] Там же.
- [11] **Каким будет герб** г. Чебоксар? Выставка конкурсных проектов // Советская Чувашия. – 1969, 15 января. – № 12. – С.4.
- [12] **Герб Чебоксар** // // Советская Чувашия. – 1969, 4 июня. – № 127. – С.3.
- [13] **Описание герба** Чебоксар // Советская Чувашия. – 1969, 4 июня. – № 127. – С.3.
- [14] **Чебоксарам – пять веков.** // Советская Чувашия. – 1969, 2 августа – № 178. – С.4.
- [15] Советская Чувашия. – 1969, 27 сентября – № 226. – С.4.
- [16] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р–427. Оп. 9. Д. 1044. Л. 74; Д. 1045. Л. 59.
- [17] **Новые гербы городов РСФСР.** – Наука и жизнь. – 1970. – № 8. – Обложка, с.4.
- [18] **Коллекционные значки** «Гербы городов РСФСР». – Наука и жизнь. – 1978. – № 12. – Обложка, с.4.
- [19] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р–1949. Оп. 1. Д. 202. Л. 179.
- [20] **Будет герб** города Шумерли : Участвуйте в конкурсе // Вперед. – 1974, 21 сентября – № 114. – С.1.
- [21] **Каринин, П.** Создавая, не разрушать / П. Каринин // Вперед. – 2011, 29 апреля. – № 61–64. – С.5.
- [22] **Подведены итоги** конкурса эскизных проектов герба г. Шумерля // Вперед. – 1975, 8 июля. – № 83. – С.2.
- [23] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р–1949. Оп. 1. Д. 255. Л. 73.
- [24] **Никитин, Н.** Герб нашего города / Н. Никитин // За коммунизм. – 1976, 25 августа. – № 136. – С.2.
- [25] См.: За коммунизм. – 1976, 21 июня. – № 116. – С.2–3.
- [26] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р–1243. Оп. 11. Д. 343. Л. 275.
- [27] Там же. Д. 374. Л. 41.
- [28] **Никитин, Н.** Герб нашего города / Н. Никитин // За коммунизм. – 1976, 25 августа. – № 136. – С.2.

- [29] **Поляков, Ю.** Советская геральдика / Ю. Поляков // Наука и жизнь. – 1987. – № 9. – С.37.
- [30] **Координационная комиссия** по созданию и пропаганде новых городских гербов при Отделении истории АН СССР. Памятка [о разработке проектов городских гербов] // Наука и жизнь. – 1988. – № 7. – С.69.
- [31] Там же.
- [32] Там же.
- [33] **Васильченков, Г.А.** [О необходимости всеобщего завершения создания гербов городов СССР] // Наука и жизнь. – 1988. – № 1. – С.129.
- [34] **Соболев, Е. И.** Я – за новый герб / Е.И. Соболев. – Путь Октября. – 1989, 18 марта. – № 34. – С.3–4.
- [35] Там же.
- [36] **Новый герб** города Цивильска // Путь Октября. – 1989, 20 июня. – № 74. – С.1.
- [37] **Артемьев, В.** Каким мне видится герб Ядрина / В. Артемьев // Знамя труда. – 1989, 11 марта. – № 32. – С.3.
- [38] **Каким быть гербу** // Знамя труда. – 1989, 22 апреля. – № 50. – С.3.
- [39] Там же.
- [40] **[Идет конкурс** на эскизы современного герба г. Ядрина] // Знамя труда. – 1989, 15 апреля. – № 47. – С.3.
- [41] **Белов, В.** Облик герба Ярина / В. Белов // Знамя труда. – 1989, 12 августа. – № 97. – С.3.
- [42] **Герб села Порекское** // Заветы Ильича. – 1991, 27 июля. – № 89. – С.4.
- [43] **Румянцева, В. В.** История, карбована в гербах / В.А. Румянцева // Сер. 1 «Історія, теорія і політика КІРС»; № 12) – К.: Т–во «Знання» УРСР, 1987. – 48 с.
- [44] **Артемьев, В.** Каким мне видится герб Ядрина / В. Артемьев // Знамя труда. – 1989, 11 марта. – № 32. – С.3.

2.3. Становление современной системы муниципальных символов в Чувашской Республике

- [1] **Российская Федерация.** Правительство Российской Федерации. О Государственной геральдической службе Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. № 102 (с изм., внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.12.1992 № 1006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=222628> (дата обращения: 09.02.2014), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [2] **Всероссийское геральдическое общество** : Когда? Где? Кто? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vgo.ucoz.ru/> (дата обращения: 14.05.2014), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [3] **Чувашская Республика.** Совет Министров. О наделении дополнительными функциями Комитета по делам архивов Совета Министров Чувашской Республики : Постановление Совета Министров Чувашской Республики от 27 мая 1993 года № 158 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/473602655> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [4] **Чувашская Республика.** Совет Министров. О порядке использования учреждениями, организациями и предприятиями государственной символики Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика» : Постановление Совета Министров Чувашской Республики от 24 января 1994 г. № 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [179](http://zakon-</p>
</div>
<div data-bbox=)

- region.ru/1/185868 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [5] **Чувашская Республика.** Кабинет Министров. Об упорядочении использования государственных символов Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика» : Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 14 марта 1995 года № 62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/473611080> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [6] **Чувашская Республика.** Государственный Совет Чувашской Республики. О государственных символах Чувашской Республики : Закон Чувашской Республики от 14 июля 1997 г. № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/804959267> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [7] **Российская Федерация.** Президент Российской Федерации. О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21 марта 1996 г. № 403 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/1518690/> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [8] **Устав** Урмарского района : Проект // Хёрлĕ ялав. – 1996. – 5 сентября (№ 107). – С.1.
- [9] **Устав** Урмарского района // Хёрлĕ ялав. – 1996. – 5 октября (№ 120). – С.1.
- [10] См.: Гербы и флаги современной Чувашии : [альбом-справочник / сост. В. А. Шипунов.] – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2013. – 175 с.
- [11] Там же. С.46.
- [12] **Официальный сайт** Алатырского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/Default.aspx?gov_id=55 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [13] **Официальный сайт** Вурнарского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=59 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [14] **Официальный сайт** Ибресинского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=60 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [15] **Официальный сайт** Канашского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=63 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [16] **Официальный сайт** Красноармейского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=67 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [17] **Официальный сайт** Поречского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=72 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [18] **Официальный сайт** Цивильского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=74 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [19] **Официальный сайт** Шемуршинского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=75 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

- [20] **Официальный сайт** Ядринского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=78 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [21] **Официальный сайт** Янтиковского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=80 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [22] **Официальный сайт** города Канаш Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=61 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [23] **Официальный сайт** Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=12&id=1758973 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [24] **Официальный сайт** Батыревского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=58 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [25] **Официальный сайт** Комсомольского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=66 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [26] **Официальный сайт** Красночетайского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=69 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [27] **Официальный сайт** Мариинско-Посадского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=70 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [28] **Официальный сайт** Чебоксарского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=93 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [29] **Официальный сайт** Яльчикского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=79 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [30] **Официальный сайт** Аликовского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=57 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [31] **Официальный сайт** Козловского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=65 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [32] **Официальный сайт** Шумерлинского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=77 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [33] **Официальный сайт** города Алатырь Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=56 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [34] **Официальный сайт** города Новочебоксарск Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=82 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

- [35] **Официальный сайт** города Шумерля Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=76 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [36] **Официальный сайт** Моргаушского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=71 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [37] **Официальный сайт** Урмарского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=73 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [38] **Официальный сайт** города Чебоксары Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=81 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [39] **Официальный сайт** Комсомольского района Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=66 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [40] **Викторов, В.** Трудности перевода / В. Викторов. – Советская Чувашия. – 2009, 9 апреля. – № 67. – С.6.
- [41] **Официальный сайт** города Канаш Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/vote.aspx?gov_id=61&id=762 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [42] **Петрова, О., Синдеев, В.** В Канаше не могут сойтись на символике герба / О. Петрова, В. Синдеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://chuvashia.rfn.ru/rnews.html?id=108247> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [43] Там же.
- [44] **Портал НА-СВЯЗИ.ru.** Связь и Интернет в Чувашии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=1961555&st=105> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [45] **Петрова, О., Синдеев, В.** В Канаше не могут сойтись на символике герба / О. Петрова, В. Синдеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://chuvashia.rfn.ru/rnews.html?id=108247> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [46] **Шипунов, В.** Обретение муниципальных символов – добрый знак / В. Шипунов. – Знамя. – 2008, 9 июля. – № 55. – С.5.
- [47] Там же.
- [48] Там же.
- [49] Там же.
- [50] Там же.
- [51] **Лакиер, А.Б.** Русская геральдика / А.Б. Лакиер. – М.: Книга, 1990. – С.368.
- [52] **Данилов, А.** Это нам не подходит / А. Данилов. – Знамя. – 2008, 30 июля. – № 61. – С.2.
- [53] **Сергеева, Е.** Зачем нам новый герб? / Е. Сергеева. – Знамя. – 2008, 6 августа. – № 63. – С.5.
- [54] **Потапов, В.** Ответ на вопрос «по двум морским козлам» / В. Потапов. – Знамя. – 2008, 30 августа. – № 70. – С.2.
- [55] **Петрова, О., Синдеев, В.** В Канаше не могут сойтись на символике герба / О. Петрова, В. Синдеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://chuvashia.rfn.ru/rnews.html?id=108247> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

- [56] **Минкультуры Чувашии.** Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=12 (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
- [57] **Портал государственных услуг Чувашской Республики** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gosuslugi.cap.ru/Life8situations.aspx?ls=15>; <http://gosuslugi.cap.ru/State8services.aspx?s=477&path=ls&pid=15> (дата обращения: 01.05.2015), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

Заключение

- [1] **Grimes, J. E.** The Thread of discourse. The Hague: Mouton, 1975. – 408 p. Цит по: Тетради новых терминов. № 39. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Выпуск 2. Методы анализа текста / Составитель канд. филол. наук В.З. Демьянков; под ред. канд. филол. наук доц. Ю.В. Ванникова. – Москва: Всесоюзный центр переводов, 1982. – С.7–8.
- [2] **Ключевский, В.О.** Сочинения: в 9-ти тт. / В.О. Ключевский. – Т.1. Курс русской истории. Ч.1. – М.: Мысль, 1987. – С.36.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. От родового туга до символов государственности	
1.1. Символы власти в Волжско-Камской Болгарии	9
1.2. Создание и развитие государственных символов Чувашии в советский период	44
1.3. Современные государственные символы Чувашской Республики	80
Глава 2. Городская и муниципальная символика Чувашии	
2.1. Городская геральдика на территории Чувашии в XVIII – начале XX веков	107
2.2. Возрождение традиций городской геральдики в Чувашии и ее развитие в конце 1960-х – начале 1990-х годов	122
2.3. Становление современной системы муниципальных символов в Чувашской Республике	141
Заключение	157
Примечания	159

Научное издание

Ткаченко Владимир Глебович

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ЧУВАШИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Монография

Компьютерная верстка В.Г. Ткаченко

Подписано в печать 24.07.2015. Формат 60×84/16 Бумага офсетная.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 10,75. Заказ № К-303. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
г. Чебоксары, ул. М.Павлова, 50/1
E-mail: newtime@mail.ru; тел.: (8352) 41-27-98